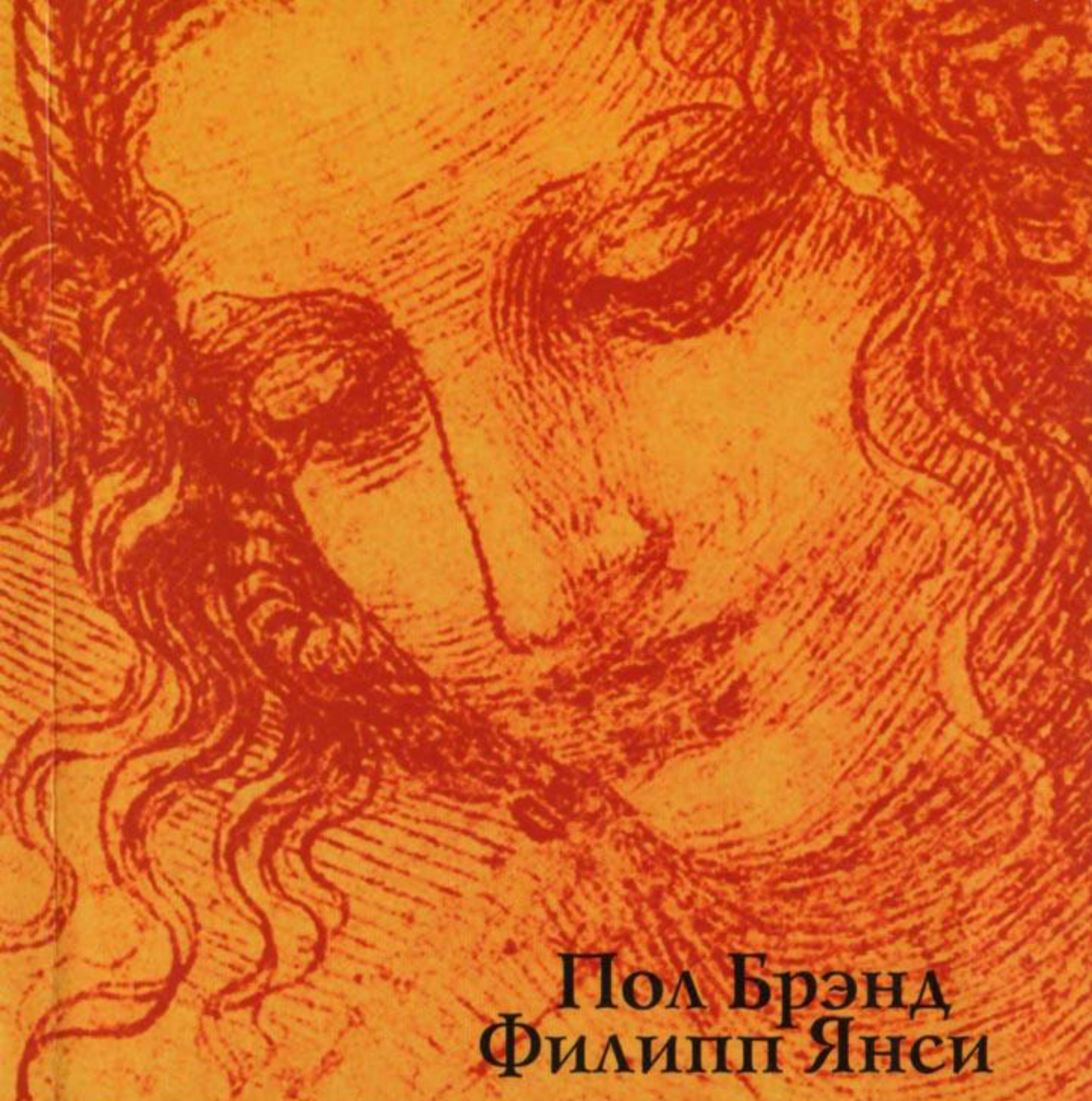

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Пол Брэнд
Филипп Янси

Ты дивно
устрои
внутренности
МОИ

Люди покидают отчий дом для того, чтобы восхититься величием неприступных горных вершин, мощью необузданной морской стихии, величавым спокойствием полноводных рек. Они не перестают поражаться необозримости океанских просторов, неотрывно следят за движением звезд на небе. И лишь самих себя они не замечают и проходят мимо.

Блаженный Августин

Ибо Ты устроил внутренности мои, и соткал меня во чреве матери моей. Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это.

Давид Псалом 138:13-14

Выражаем огромную признательность всем, кто способствовал созданию этой книги. В работе над ней приняли участие около 20 человек, которые помогли ценными советами и предложениями. Особенно хотелось бы поблагодарить Хэрольда Фикета, Элизабет Шерилл и Тима Стэффорда, целиком изменивших всю структуру рукописи. Отдельная благодарность нашему дорогому и всеми уважаемому редактору Джудит Макхам.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда голос звучит особенно громко, бывает трудно разобрать услышанное: прислушиваешься к эху, чтобы расслышать непонятное слово. Бог и Природа являются для нас Голосом и Эхом.

Генри Драммонд

По всей книге, за исключением данного предисловия, личное местоимение «я» будет относиться к доктору Полу Брэнду: она написана от его имени. В отличие от большинства созданных в соавторстве книг, наше сотрудничество — это не сотрудничество журналиста и богатого опытом дилетанта от литературы.

Впервые я повстречался с доктором Брэндом, когда собирал материал для своей книги «Где же Бог, если мне так больно?» У него огромный врачебный опыт, он много знает о физической боли. Он пользуется большой популярностью как хирург и специалист по восстановительной терапии. Не менее известны его новаторские исследования проказы: 18 лет он проработал в больницах для прокаженных в Индии. За свои выдающиеся заслуги доктор Брэнд получил звание лауреата премии Альберта Ласкера, стал почетным обладателем Ордена Ее Императорского Величества Королевы Елизаветы¹.

Я много слышал о докторе Брэнде еще до встречи с ним в лепрозории г. Карвилля (штат Луизиана), где он живет и работает. Но тогда я не знал, что вся его жизнь и все его помыслы неразрывно связаны с христианством. Этот страстный исследователь, специалист-орнитолог, великолепный альпинист и садовод, использующий только органические удобрения, не мыслит своего существования без духовного роста.

Во время нашей второй встречи доктор Брэнд робко протянул мне 90-страничную рукопись. Некоторые страницы были напечатаны на машинке, другие — написаны неразборчивым почерком, почему-то всегда присущим врачам. Рукопись — это его размышления о человеческом организме, лекции, прочитанные в христианском медицинском колледже в городе Веллоре (Индия). «Нас, врачей, — сказал он мне, — можно сравнить с жалобной книгой. С утра до вечера клиенты жалуются нам, рассказывают, что у них болит. Рукопись долго пролежала у меня в столе. Это мои размышления обо всем, что сотворил Бог. Я использовал уже известную аналогию из Нового Завета (Новый Завет сравнивает церковь с Телом Христовым) и развил ее с учетом последних достижений науки. Любопытно: все медицинские открытия служат подтверждением слов апостола Павла».

Мне давно хотелось написать книгу, где я мог бы сравнить тело человеческое с Телом Христовым, проследить гармонию физического и духовного миров.

Честертон в своем эссе «Франциск Ассизский» выдвигает свое объяснение жуткому периоду средневековья: язычество и мифология настолько вошли в повседневную жизнь, что христиане перестали воспринимать природу как часть данного Богом откровения. «Было бессмысленно уговаривать этих людей исповедовать естественную религию, где отводилось место и звездам, и цветам. Для них не существовало ни цветка, ни даже звезды, которые не были бы запятнаны. Им пришлось идти в пустыню, где невозможно было найти ни единого цветка, и даже залезать в пещеру, откуда не было видно звезд»¹. В

¹ Биография доктора Брэнда описана в книге «Десять пальцев Бога».

результате в тот период истории искусство пришло в упадок. Христиане отторгли природу от духовного мира.

В наше время происходит нечто подобное. Природа лишилась священного смысла. Только сегодня христиане променяли ее не на язычество, а на физику, геологию, биологию, химию. Таким образом, мы тоже перестали считать природу частью Божьего творения.

В лице доктора Брэнда я увидел человека, добившегося бесспорных достижений в области науки и в то же время твердо уверенного: природа есть отражение своего Творца. Вместе мы сделали много интересных выводов из своих наблюдений. Потом в течение нескольких месяцев я отбирал результаты научных исследований, подтверждающих каждое описанное нами сравнение. Я долгие часы беседовал с доктором Брэндом. Меня поражала необычайная скромность этого человека: мне стоило огромных усилий пробить стену его английской сдержанности и услышать удивительные рассказы из его личной жизни.

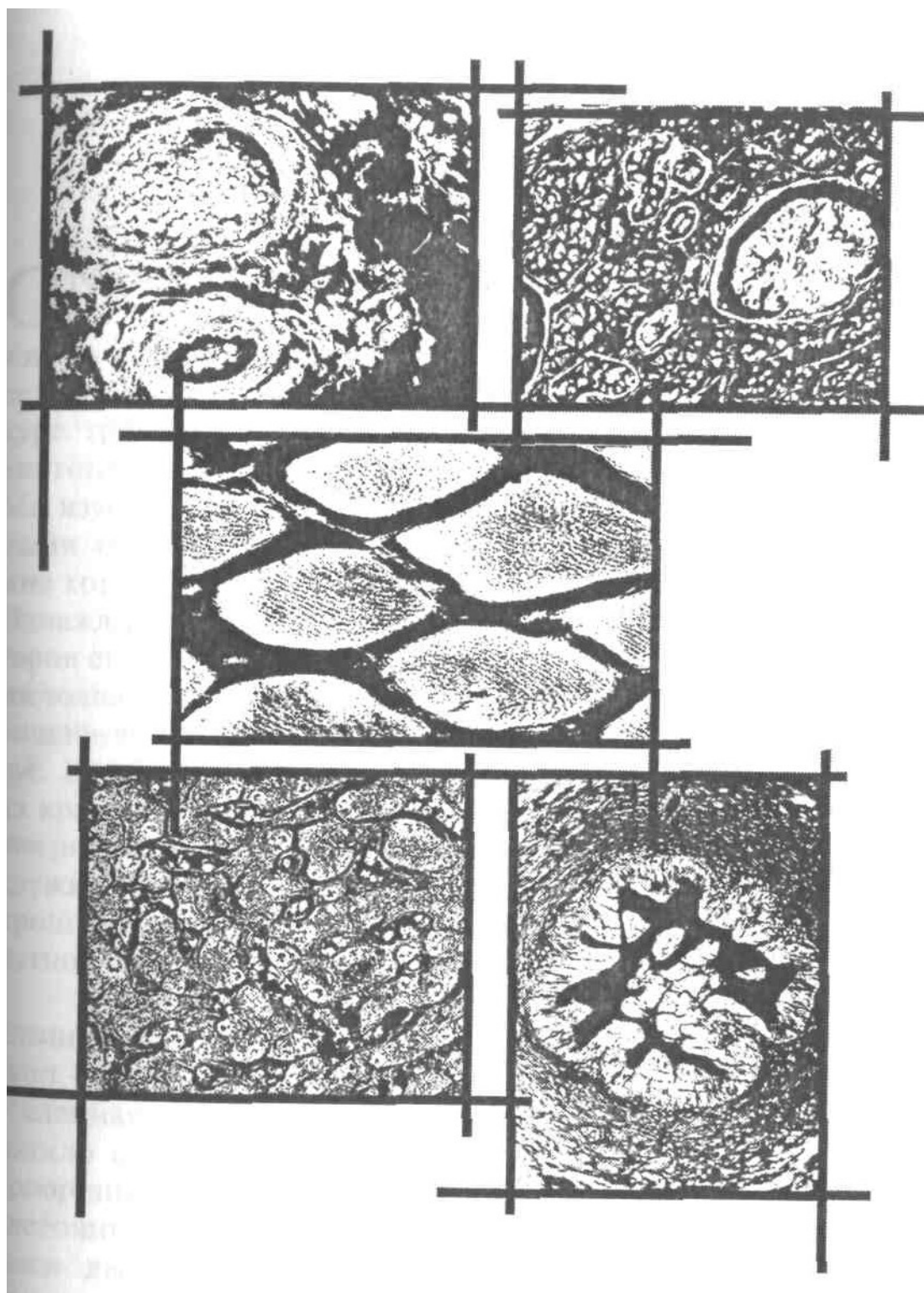
Мы с доктором Брэндом надеемся, что наша книга перекинет мост над пропастью, отделившей тварный мир от Создателя. Бог сотворил материю. Он вложил Свою созидательную сущность в этот мир, особенно в устройство нашего тела. Как не возблагодарить Его за это?

Мы также очень надеемся, что книга приоткроет завесу в мир духовного взаимодействия между членами Тела Христова — церкви. Это точное название — Тело Христово — дали церкви авторы Нового Завета. В первой книге мы поговорим о Теле и четырех его составных частях; об остальных — в других книгах.

Когда слепому пытаются объяснить, что такое алый цвет, ему говорят: «Он напоминает звук трубы». Так же и у нас: метафоры — единственный способ отразить духовные истины. Вот почему они используются в Библии. Образный язык обладает огромным воздействием. Джон Тэйлор писал: «Ни один человек не является островом в океане жизни». Эти слова куда сильнее, чем «Ни один человек не является полностью независимым и самодостаточным». Среди религиозных изданий преобладают книги со сложным богословским содержанием или книги, основанные на личном духовном опыте авторов. Мы хотим, чтобы наши сравнения открыли для вас новую грань восприятия окружающего мира.

Если вас заденет столь детальное развитие библейского сравнения, то смело откладывайте книгу в сторону. Мы не хотим исказить истину, чтобы привести ее в соответствие со своими мыслями. Не исключено, что вы убедитесь: человеческое тело чрезвычайно похоже на своего духовного двойника, и вас перестанут смущать описанные в книге «приземленные материи».

Филип Янси

1. Составные части

Я попытался представить себе нашу Землю в виде человеческого организма, но у меня ничего не вышло. Я не смог представить планету как организм. А вчера вечером я ехал на машине по зеленой холмистой местности, что на юге Новой Англии, и снова подумал о нашей планете. Если это не человеческий организм, то что же? На что похожа Земля? Я долго размышлял — неожиданно меня осенило: больше всего Земля напоминает живую клетку.

Льюис Томас

Отчетливо помню, как я в первый раз увидел под микроскопом живую клетку. Тогда мне был двадцать один год и я проходил краткий курс тропической гигиены в Ли-вингстонском колледже в Англии. Мы изучали строение паразитов. Все наши образцы были мертвыми, а мне хотелось увидеть живую амебу. Однажды рано утром, пока лаборатория еще не заполнилась галдящими толпами студентов, я прокрался в наш научно-исследовательский корпус. Это было внушительное здание из красного кирпича, расположенное рядом с прудом. Из этого пруда я кружкой зачерпнул воды. Обрывки прошлогодних листьев плавали на мутной поверхности, пахло гнилью. Я нанес капельку воды на стеклышко и положил его под микроскоп — и тут передо мной открылась вселенная. На моих глазах происходило столпотворение сотен микроорганизмов: малюсенькие одноклеточные шарообразные кристаллики дышали, переворачивались, перемещались с места на место. Их

привело в движение тепло, исходящее от лампочки микроскопа. Я немного передвинул стеклышко, наблюдая за быстро движущимися микроорганизмами. Ага, вот то, что мне надо. Прямо передо мной была амеба — полупрозрачная тонюсенькая отливающая синевой щепочка. Ее можно было видеть и невооруженным глазом. Но микроскоп позволял заглянуть ей внутрь.

Где-то я слышал: именно амеба — самое первое из всех появившихся на Земле живых существ. Случайно миллионы хаотично вращающихся атомов дали начало жизни. И в этом их огромное отличие от простой материи. Будучи крошечным комочком тины, амеба выполняет те же основные функции, что и мое тело. Она дышит, переваривает пищу, выделяет экскременты, размножается. Она передвигается особым способом, раздувая передний выступ и перекачиваясь совершенно легко и без усилий, будто капелька растекающегося по столу растительного масла. После часа-двух такой бурной деятельности маленький водяной шарик продвигается на сантиметр.

Кишащая движущимися существами капелька воды наглядно рассказала мне о жизни и смерти. В этой амебе я увидел отдельно взятый экземпляр, наполненный неугасимой жаждой жить и плодить себе подобных. Тогда во мне появилось жгучее желание изучить живую клетку.

С тех пор прошли годы, а я по-прежнему работаю с клетками. Но теперь я врач и изучаю процессы взаимодействия клеток в человеческом организме.

Сейчас у меня уже своя лаборатория в лепрозории, расположенном на болотистом берегу Миссисипи в г. Карвилле (штат Луизиана). Я, как и раньше, прихожу в лабораторию рано утром, пока еще тихо. Но сейчас не лето, а зима. Тишину нарушает лишь негромкое гудение флуоресцентной лампы под потолком.

Сегодня я пришел не для того, чтобы заниматься амебой. Я буду изучать находящуюся в зимней спячке летучую мышь-альбиноса, спящую в коробке у меня в холодильнике. Надеюсь, эта мышка поможет мне исследовать реакцию организма на внешние воздействия и инфекцию. Осторожно я беру мышку в руки, кладу на стол животом вверх и расправляю ей крылья. Она распласталась крестом. Мордочка летучей мыши очень напоминает человеческое лицо, только какое-то таинственное, загадочное. Такие же морщинистые лица можно увидеть у музейных экспонатов. Мне кажется: она вот-вот откроет глаза и завопит. Но она крепко спит.

Я осторожно помещаю крылышко мышки под микроскоп - и снова передо мной открывается вселенная. Я подглядываю в замочную скважину мира. Кожа под крылом этого животного-альбиноса настолько светлая, что прямо под ней просвечивают все клеточки. Вокруг них отчетливо видны пульсирующие сосудики, по которым течет кровь. Я фокусирую микроскоп прямо над голубоватым капилляром, внимательно вглядываюсь в него. По нему движутся четко различимые кровяные клетки, сталкиваясь и ударяясь друг о друга. Эти красные кровяные тельца присутствуют у нас в крови в огромном количестве. На вид это гладкие лоснящиеся дискообразные кружочки. Мне они почему-то напоминают пирожки с повидлом. Все эти десятки клеток одной формы и одного размера как будто отштампованы на станке-автомате и совершенно безликие.

Гораздо больший интерес представляют белые кровяные тельца. Это своего рода вооруженные силы организма, стоящие на страже его здоровья и, в случае необходимости, вступающие в битву с захватчиками. Они выглядят точно так же, как амеба: аморфные набухшие шарики, наполненные жидкостью, среди которой просвечивает темное ядро. Они странствуют по организму мышки: то вытягиваясь в длину и становясь похожими на длинный указательный палец, то горбясь и сутулясь, чтобы уместиться в ограниченном пространстве. Иногда они ползут, как гусеницы, по стенкам сосудов; порой свободно плывут по течению — дрейфуют вместе с потоком крови. Перед входом в узкие капиллярные сосудики наблюдается такая картина: белые тельца один за другим вытягиваются во всю длину и заплывают в сосуд, а красные в это время толпятся в тесноте позади них, дожидаясь своей очереди.

Когда наблюдаешь за белыми клетками, видишь, что они слишком вяло и бесцельно шатаются по своей территории. Думается, они не смогут отбить атаку неприятеля, если потребуется. Но так кажется только на первый взгляд — пока не начнется настоящая атака. Я взял стальную иглу и осторожно, стараясь не разбудить мышь, уколол ее в крылышко, проткнув тонкий капиллярный сосудик. Было такое впечатление, что прозвучал сигнал тревоги: мышечные клетки сократились вокруг поврежденной стенки капилляра, предотвращая потерю драгоценной крови, а свертывающие вещества остановили кровотечение на поверхности кожи. Они сделали это раньше, чем длинные клетки-мусорщики прибыли для расчистки завала, и раньше, чем фибробласты — клетки соединительной ткани — собрались на поврежденной поверхности. Но самые драматические изменения произошли с вялыми белыми тельцами. Казалось, будто они ощущают запах (мы до сих пор не знаем, как они «обнаруживают» опасность), — они резко прекратили свое бесцельное шатание именно в тот момент, когда было нужно. Как гонимые псы при виде кролика, они устремились с разных сторон к месту атаки. Используя свои уникальные свойства принимать любую форму, эти клеточки проползали между сгрудившимися клетками стенок сосуда и быстро пробирались через ткани по самому кратчайшему маршруту. Сразу по прибытии они вступали в бой.

Леннарт Нильсон, шведский фотограф, известный своими уникальными снимками процессов, происходящих внутри человеческого организма, снял на видеопленку через электронный микроскоп атаку белых кровяных телец. В его фильме бесформенная белая клетка, похожая на наполненный водой воздушный шарик, переваливается навстречу россыпи ярко-зеленых шариков бактерий. Клетка-клякса натягивается на эти шарики, как одеяло, принимая их форму. Какое-то время они еще тускло светятся внутри белой клетки. Но эта хитрая клеточка содержит в себе гранулы химических взрывчатых веществ: как только бактерии полностью всасываются внутрь нее, гранулы взрываются. Захватчик побежден. Через тридцать — шестьдесят секунд остается лишь одна раздувшаяся белая клеточка. Частенько эти клетки выступают в роли камикадзе: в результате проведенной операции они погибают.

С экономической точки зрения смерть одной белой клетки не причиняет вреда организму. Большинство таких клеток живет от нескольких дней до нескольких недель. И хотя по организму взрослого человека постоянно путешествуют пятьдесят миллиардов активных клеток, в сто раз большая сила имеется в запасе. Она содержится в костном мозге. На клеточном уровне массированные военные действия — это обычная каждодневная работа. На краю стакана с питьевой водой могут притаиться около пятидесяти тысяч захватчиков, в оставшейся на чайной ложке слюне может спрятаться миллион нарушителей спокойствия. Бактерии распространяются по всему нашему телу, каждый раз при мытье рук мы смываем с кожи до пяти миллионов бактерий¹.

Чтобы отразить натиск неприятеля, разные виды белых кровяных телец сражаются с определенными видами захватчиков. Если организм имел контакт с серьезной опасностью (например, если ему сделана прививка от оспы), то в нем появились белые клетки, запрограммированные на победную борьбу именно с этой болезнью. Эти клетки в течение всей своей жизни, как разведчики, перемещаются с кровотоком по организму и ждут своего часа. Чаще всего они остаются невостребованными. Но в случае необходимости им хватит собственной мощи, чтобы справиться с вторжением неприятеля. Они не допустят разрушения ни одной клеточки организма.

Я не раз размышлял над парадоксом этого явления: амеба и ее зеркальное отражение — белая клетка. Амеба, будучи отдельным замкнутым организмом, самостоятельно осуществляет все жизненно важные функции. Другие клетки нужны ей только в качестве пищи. А вот белая клетка, очень похожая на амёбу по строению и внутреннему устройству, гораздо менее независима. Ее удел — заботиться о человеке или животном; часто ей приходится жертвовать своей жизнью ради спасения всего организма. Эта клетка ограничена в самовыражении, но она выполняет жизненно важные функции, подвластные только ей. Амеба убегает от опасности — белая клетка движется ей навстречу. Белая клетка способна сохранить жизнь выдающейся личности — Бетховену, Ньютону, Эйнштейну... или вам и мне.

Иногда человеческое тело представляется мне обществом, состоящим из отдельных индивидуумов, таких как белая клетка. Клетка — основная единица организма: она может либо существовать сама по себе, либо оказывать помощь и поддержку всему организму. На память приходят слова апостола Павла из 12-й главы 1 послания к

¹ Огромные количества бактерий, обнаруженных с помощью первого в истории микроскопа, настолько ошеломили ученых, что очень скоро началась борьба с этой «заразой». Тут же появились дезинфицирующие вещества для стерилизации бытовых предметов. Но, увы, слишком часто бактерицид — иными словами, убийца клетки — разрушал и хорошие клетки организма. Сейчас мы уже понимаем, что представляет истинную опасность для нашего организма, и уже не так боимся микробов. В наше время химические бактерицидные средства представляют большую опасность для тела человека, чем микробы. Я предпочитаю доверяться в этом вопросе собственным клеткам.

Коринфянам, где он сравнивает Христову церковь с человеческим телом. Меня воодушевляет точность этого сравнения, потому что она подтверждается реальными фактами — тем, что я вижу в микроскоп. Так как аналогия Павла представляет собой основной принцип Божьего творения, я хотел бы дополнить ее следующим образом.

Тело человека является единым целым, состоящим из большого числа клеток. Хотя клеток бесчисленное множество, они образуют одно-единственное тело... Если бы белая клетка сказала: «Я не клетка мозга, а поэтому не принадлежу телу», она не перестала бы быть частью тела. Если бы клетка мускульной ткани сказала: «Я не клетка оптического нервного волокна, а поэтому не принадлежу телу», она не перестала бы быть частью тела. Если бы все тело состояло из клетки оптического нервного волокна, как мог бы человек ходить? Если бы все тело состояло из слухового нерва, как он мог бы видеть? В действительности Бог организовал клетки в нашем теле, все до единой, так, как Он счел наиболее разумным. Если бы все клетки были одинаковыми, что бы это было за тело? Мы имеем то, что имеем: много клеток, но одно тело.

Эта аналогия значит для меня еще больше: рука или нога, или ухо не способны существовать отдельно от тела — клетка способна. Она может либо служить телу, как его верноподданный гражданин, либо жить отщепенцем. Некоторые клетки выбирают следующее: они живут в организме и пользуются его благами, но при этом не приносят ему никакой пользы. Я говорю о паразитах и о раковых клетках.

2. Распределение обязанностей

Быть составной частью тела означает: не иметь никаких иных помыслов, желаний или потребностей, кроме тех, что во благо тела и для него.

Блэз Паскаль

Ученый, собирающий коллекции образцов и составляющий каталоги, и ребенок, бредущий босиком по лесу, — они оба в равной степени исполнены трепетного благоговения перед огромным разнообразием существ, населяющих нашу планету. Ребенок удивляется ярко раскрашенной бабочке, гоняется за молниеносно ускользающей стрекозой с крылышками-парусами. Он громко визжит при неожиданном появлении жука-с висту на, нежно ласкает детеныша кролика. Ученый же старается заглянуть в суть явлений. Он приносит из леса горсть фунта и начинает свое исследование. В этом состоящем из земли и глины кусочке вселенной, который мы бездумно давим ногами, ученый может насчитать 1356 живых существ, из них: 865 клещей, 265 ногохвостов, 22 многоножки, 19 взрослых жуков и огромное количество представителей 12 Других видов¹. А без электронного микроскопа и огромного терпения он не смог бы узнать о существовании еще двух миллиардов бактерий и миллионов грибков и водорослей.

Ученый занимается исследованиями в своей лаборатории: он начинает с нашей подружки амебы и работает, работает, составляя классификацию от низших существ к высшим. Что означает этот термин «низшие»? Как можно, выйдя на прогулку, давить ногами миллионы живых существ и, возвратившись домой, не чувствовать себя виноватым? Убежденный вегетарианец, в весенний период пьющий одну сырую воду, проглатывает уйму живых созданий — животных, между прочим! — и его не передергивает. Почему мы сильно переживаем при виде крови на лапке уличного кота, но даже не замечаем миллиардов крошечных живых существ, раздавленных бульдозером при строительстве дороги?

В нашем «табеле о рангах» значимость органа зависит от его специализации: процесс жизнедеятельности строится на том, что клетки делят между собой обязанности — каждая группа клеток имеет узкую специализацию. Более значимым для нас является кот — высшее животное, состоящее из работающих сообща низших клеток. Амеба на моем стеклышке под микроскопом — это животное, находящееся в самом низу зоологической иерархической лестницы. Она передвигается, увы, всего лишь на сантиметр в день. Она может провести всю свою жизнь на консервной банке или на старой автомобильной шине. В отличие от некоторой части людей, амеба не путешествует по Европе, не ездит на отдых в Турцию, не забирается на Эйфелеву башню. Для этого нужны специальные мышечные клетки — огромное количество мышечных клеток, стоящих тесными рядами, как созревшие колосья пшеницы. Самые низшие существа копошатся в верхнем слое почвы. Высшие создания живут снаружи: одни бегают и прыгают по поверхности, другие летают по небу, третьи плавают по воде и ныряют. У всех свои обязанности.

Давайте посмотрим, как устроен орган зрения. У амёбы есть четкий визуальный стимул: она движется на свет, и больше ей ничего не надо. Распределение обязанностей дает возможность человеку находиться с верхней стороны микроскопа, рассматривая осетонности устройства бесчувственной амёбы, а ей - с нижней. Амеба имеет всего одну

клетку. Внутри моего глаза, уставившегося на амёбу, 107000000 клеток. Семь миллионов из них — это колбочки, каждая из которых, при попадании на нее всего нескольких фотонов, способна передавать сигнал в мозг. Колбочки позволяют воспринимать цвета во всем их многообразии; благодаря им я могу различать тысячи оттенков цвета. Сотни миллионов других клеток - палочки, которые позволяют видеть при слабом освещении. Когда работают только палочки, я не могу различать цвета (как в лунную ночь, когда все предметы кажутся серого оттенка), но могу воспринимать большой диапазон света. Благодаря им я очень хорошо ориентируюсь в темноте.

Между амёбой и моими глазами существует колоссальная пропасть распределения обязанностей. Есть такое животное - морской рачок. У него всего один принимающий зрительный рецептор — клеточка-колбочка, прикрепленная к мышечным волокнам. Она сканирует изображение подобно движущейся телекамере. И хотя рачок может принимать только одно световое изображение в единицу времени, его мозг способен объединять все полученные образы — получается достоверное изображение окружающей обстановки.

Мозг человека получает миллионы одновременных отчетов от глазных клеток. Если присутствует та длина волны, на которую они рассчитаны, то каждая палочка или колбочка посылает электрический сигнал в мозг. А мозг уже принимает полный комплект всех положительных и отрицательных сигналов от палочек и колбочек. Затем он сортирует сигналы и располагает таким образом, что я получаю изображение амёбы, лежащей на стеклышке под моим микроскопом. По сравнению со свободой и независимостью одноклеточной амёбы однообразное зависимое существование моих палочек и колбочек — настоящая скука. Но кто из нас, не задумываясь, поменяется органами зрения с амёбой?

При распределении обязанностей отдельная клетка должна обладать лишь одной-двумя способностями, но обладать ими в совершенстве. Глазные палочки и колбочки неподвижны, а амёба способна осуществлять различные движения. Но человеческая клетка может добиться, хотя и с некоторыми ограничениями, гораздо «большого». Недостижения более существенны. Всего одна палочка может передать такую волну света, которая даст мне полное представление о радуге, об огромной рыбине, вдруг показавшейся из воды, о едва уловимом изменении выражения лица моего близкого друга. Она может даже спасти меня от опасности, послав немедленное сообщение в мой мозг: одна из опор моста рухнула прямо перед колесами моей машины.

В обмен на самопожертвование отдельная клеточка может 'наслаждаться тем, что я называю «исступленным восторгом принадлежности к обществу». Ни один ученый пока еще не смог определить, как чувство безопасности или удовольствия передается клеткам тела. Но каждая клеточка наверняка участвует в наших эмоциональных реакциях. Гормоны и ферменты буквально купаются в наших эмоциях. Они получают второе дыхание, каждый их «мускул» трепещет. Если вы станете искать в человеческом теле нерв удовольствия, вы разочаруетесь — его не существует. Есть нервы, чувствующие боль и холод, жару и прикосновение; а вот нерва, дающего ощущение удовольствия, не бывает. Удовольствие возникает как общий результат взаимодействия множества клеток.

А что такое сексуальное удовольствие? Даже и это не настолько конкретно и привязано к определенному месту, насколько вам может показаться. Эрогенные зоны не снабжены специальными нервами удовольствия. Сконцентрированные в них клетки чувствуют прикосновение и боль так же, как остальные. Помимо стимуляции прикосновениями кожи к коже секс состоит из удовлетворения потребности и из чувственного удо-

вольствия, а также из связанных с ним воспоминаний и, может быть, из слуховых стимуляторов в виде негромкой музыки. Мы также привносим в секс свое сложное чувство любви и влечения, которое испытываем друг к другу в этот момент. На более глубоком, клеточном уровне содержится побуждение передавать жизнь от поколения к поколению, обеспечивать выживание — это то, что запрограммировано в каждой клеточке. Все эти факторы вместе и обеспечивают сексуальное удовольствие.

Я лично испытываю огромное наслаждение от другого получаемого человеком удовольствия: от музыки, исполняемой симфоническим оркестром. Когда я слушаю музыку, основной источник того, что называется удовольствием, расположен внутри моего уха. Именно ухо может воспринимать очень слабые звуковые волны, едва ощутимо воздействующие на барабанные перепонки. Длина этих волн составляет одну миллиардную часть сантиметра (это равно одной десятой диаметра атома водорода). Такая вибрация передается в мое внутреннее ухо тремя косточками, известными под названиями молоточек, наковальня и стремечко. Когда на пианино берется нота СИ, частота звука, получаемого при ударе по клавише такова, что молоточек моего внутреннего уха ударяет по наковальне 256 раз в секунду. А потом отдельные реснички, подобные палочкам и колбочкам глаза, передают специфические звуковые образы в мой мозг. Мозг объединяет эти образы с другими факторами: насколько сильно я люблю классическую музыку, насколько хорошо я знаком с исполняемым произведением, каково состояние моего пищеварения, кто из моих друзей сейчас со мной, — в зависимости от этого и предлагается комбинация импульсов, т. е. тип моего удовольствия.

В природе существуют такие организмы, которые живут совместно с другими, но не могут полностью насладиться их обществом. Например, амёбы объединяются вместе для воспроизведения себе подобных. И это «сообщество амёб» в количестве от десяти до пятисот штук образует на короткое время слитный конгломерат, называемый слизистым формированием. Они группируются точно так же, как их предки группировались много лет назад. Образуется невидимая человеческому глазу скользкая, неуклюжая, медленно передвигающаяся, кишачая живыми существами масса. Эта масса еле движется вперед, оставляя позади себя хвост из слизи, что объясняет ее название. Передние клетки сцепляются друг с другом до тех пор, пока не образуют что-то похожее на башню. Постепенно на вершине башни формируется специальная спора, которая и наполняется новорожденными амёбами. Изменяется форма всего слизистого формирования — оно становится очень похожим на гриб поганку. И вот наступает момент, когда спора лопаётся, и новые амёбы выбрасываются в окружающее пространство. Этот процесс занимает восемь часов. Он демонстрирует простейшую форму сосуществования между клетками. Но данному амёбному формированию недостает главного. Оно не представляет собой цельный организм, имеющий одни и те же гены, объединенный родственными связями. Клетки амёбного формирования сливаются только один раз для конкретной цели — размножения. После этого они разъединяются и расходятся каждая своим путем.

В отличие от амёбы, тело человека начинает свое развитие с момента оплодотворения одной яйцеклетки. В книге «Медуза и улитка» Льюис Томас размышляет, почему люди подняли такой шум по поводу случаев оплодотворения человеческой яйцеклетки в пробирке. Ведь истинным чудом является тот факт, что в результате простейшего слияния спермы с яйцеклеткой в конечном счете получается человек. Он пишет: «Само существование яйцеклетки — одно из самых поразительных явлений на Земле. Люди должны постоянно помнить об этом, просто обязаны не уставать удивляться и восхищаться этой замечательной клеточкой... Если кто-нибудь сумеет объяснить это чудо, пока я жив, я закажу самолет, способный чертить гигантские буквы на небе, — лучше не

самолет, а целую эскадрилью, — и попрошу летчиков написать в небесах огромными буквами слова моего восхищения. Пусть они пишут их снова и снова, пока у меня не закончатся деньги на оплату их труда»².

В течение девяти месяцев клеточки организма изысканнейшим способом распределяют свои функции. Появляются миллиарды кровяных клеток, миллионы разнообразнейших палочек и колбочек — сотни миллионов клеточек формируются из единственной оплодотворенной яйцеклетки. И, наконец, рождается ребенок — мокрый и липкий. А его клетки уже взаимодействуют между собой. Мышцы его тела уже упражняются, совершая отрывистые, угловатые движения; личико реагирует на резкий свет и сухой воздух помещения; легкие вместе с голосовыми связками объединяются, чтобы сделать первый глоток воздуха, сопровождаемый пронзительным криком.

В этом сморщенном состоящем из клеток человечке происходит чудо: все составные части испытывают восторг принадлежности к единому целому. В жизни ребенка будет многое: радость видеть счастье в глазах матери, услышавшей его первые невнятные слова, открытие собственных талантов и способностей, достижение определенных успехов в человеческом обществе. Он — это множество клеточек, но он — единый организм. И все его сотни триллионов клеток знают это.

Я закрыл глаза, снял ботинки и пошевелил пальцами правой ноги. Они длиной всего в полкарандаша, а при ходьбе обеспечивают поддержку веса всего моего тела. Я сложил ладонь домиком, приложил к уху и услышал характерный звук — эффект морской раковины. На самом деле этот звук издают кровяные клетки, продвигаясь по капиллярам моей головы. Я вытянул левую руку и постарался представить: с каким единодушием в этот момент мгновенно растянулись и сократились -кому как положено — все мои мышечные клетки. Я потер палец о руку и почувствовал стимуляцию осязательных клеток: 450 штук на каждом квадратном сантиметре кожи.

Внутри меня — в желудке, селезенке, печени, поджелудочной железе и почках — везде миллионы преданных мне клеток. Они трудятся так четко и слаженно, что я никоим образом не замечаю их присутствия. Тоненькие волоски в моем внутреннем ухе контролируют входящий воздушный поток: они всегда на страже, всегда готовы помочь мне, если я вдруг потеряю равновесие. Когда мои клетки четко выполняют свои функции, я не замечаю присутствия каждой из них. Я ощущаю только то единое целое, которое они составляют, — то, что именуется Пол Брэнд. Мое тело, состоящее из множества частей, тем не менее - одно. Это и есть сущность той аналогии, которую мы будем рассматривать в нашей книге.

3. Многообразие

Когда мы постигаем суть одного понятия, нам начинает казаться, что мы вправе считать себя постигнувшими суть и двух понятий. Потому что «два — это один и один». Мы забываем, что нам предстоит еще изучить сущность «и».

Сэр Артур Эддингтон

В моей лаборатории исследовались, конечно же, не только «бездельницы» амёбы и летучие мыши. Целый ящик письменного стола занимают аккуратно уложенные и классифицированные образцы клеток человеческого тела. Находящиеся вне организма — безжизненные, помеченные краской и приклеенные эпоксидным клеем, — они теперь вряд ли способны принять участие в том водовороте жизни, который происходит внутри меня. И все-таки, если бы я поместил их под микроскоп, они дали бы мне представление о том, что такое тело.

Больше всего я поражаюсь их многообразию. По химическому строению все мои клеточки практически идентичны. А вот визуально и функционально они отличаются друг от друга так же сильно, как животные в зоопарке. Красные кровяные клетки — маленькие диски, напоминающие таблетки, к помощи которых нам нередко приходится прибегать, — путешествуют в потоке моей крови, тяжело нагруженные кислородом. Они снабжают питанием другие клетки. Мышечные клетки, в большом количестве поглощающие этот кислород, холеные и гибкие, наполнены внутренней энергией. Хрящевые клетки с просвечивающими черными ядрышками похожи на россыпь черноглазых горошин, склеенных вместе для большей прочности. Жировые клетки кажутся тяжелыми и ленивыми. Они напоминают наваленные друг на друга, наполненные мусором бесформенные мешки на свалке.

Костные клетки живут в жестких, обеспечивающих прочность структурах. Поперечный срез кости напоминает срез дерева с годовыми кольцами. Только кольца кости определяют не возраст, а силу, т.е. имеющийся запас прочности. В отличие от них, волнообразный рисунок клеток кожи являет собой образец эластичности и способности ткани растягиваться и сжиматься, т.е. придавать различную форму и изящество нашему телу. Они изгибаются и складываются под совершенно немыслимыми углами — обеспечивая неповторимость отпечатков пальцев каждого человека, не говоря уже о чертах лица.

Признанные аристократы клеточного мира — это, конечно же, половые и нервные клетки. Имеющаяся только в женском теле яйцеклетка — одна из самых крупных клеток человеческого организма: даже невооруженным глазом можно увидеть, что она имеет яйцевидную форму. Она — главная. Все остальные клетки тела ведут свое происхождение от этой изначальной сущности, отличающейся особой элегантностью. В резком контрасте с возвышенностью и безмятежностью яйцеклетки находятся мужские крошечные клетки спермы. Эти жгутикообразные головастики с большими головками и тощими хвостиками постоянно находятся в безудержном порыве. Они несутся наперегонки, расталкивая друг друга, как будто знают: только один из миллиарда будет удостоен чести осуществить оплодотворение.

Королева клеток, изучению которой я посвятил большую часть своей жизни, — нервная клетка. От нее исходит аура мудрости и совершенства. Подобно паучине, нервная клетка сплела тонюсенькую паутинку. Она проложила свою компьютерную сеть по всему нашему телу. Ее аксоны — «проводачки», передающие сообщения на отдаленные расстояния к нашему мозгу и обратно, — могут достигать метра в длину. Я способен часами без усталости наблюдать за этими разнообразнейшими существами; мне не надоедает бесконечно перелистывать книги, описывающие жизнь клеток. Каждая из них в Иотдельности кажется ничтожной и немного странной, но я хорошо знаю: эти невидимые частички сотрудничают и взаимодействуют для того, чтобы подарить мне феноменальное явление, называемое жизнью. Каждую секунду гладкие мышечные клетки модулируют просвет моих кровеносных сосудов, плавно проталкивают содержимое кишечника, открывают и закрывают протоки почек. Когда все в порядке — мое сердце бьется ровно, мой мозг наполняется знаниями, моя лимфа омывает уставшие клетки, — я редко задумываюсь об этих существах.

Клетки моего тела натолкнули меня на мысль о более крупных организмах: семьях, группах, сообществах, городах, нациях и особенно об одном специфическом сообществе людей, схожем с телом, о котором упоминается в Новом Завете. Я имею в виду Тело Христово — сообщество людей, разбросанных по всему миру, у которых мало общего, кроме главного: принадлежности к группе последователей Иисуса Христа.

Мое тело пользуется услугами старающихся угодить мне разнообразнейших клеток, ни одна из которых не похожа на мое большое тело. Точно так же Тело Христово состоит из совершенно не похожих друг на друга человеческих существ. «Совершенно не похожих» — очень точное выражение: мы действительно абсолютно разные и очень сильно отличаемся от Того, за Кем следуем. Откуда же появились эти комические человеческие формы, едва отражающие идеалы Его Тела?

Писатель Фредерих Бухнер очень живо описал людей, которых Бог в библейские времена избрал для осуществления своих планов.

«Кто мог подумать, что Бог выберет не Исава — честного и Надежного, а Иакова — обманщика и плута? Что Он укажет перстом Своим на Ноя — любителя приложиться к бутылке? Или на Моисея, который отсиживался в Мадямской пустыне, после того как раскроил череп какому-то египтянину; который заявил, что, будь задание менее почетным, он отправил бы Аарона одного «на дело» — пусть, мол, выкручивается? А пророки? Целый выводок чудаков, многие из которых были не менее безумны, чем шляпник из кэрролловской Алисы!

Что и говорить: комичен и непредсказуем сам процесс выбора. Из всех народов Бог избрал Себе святой народ — евреев. Кто-то сказал: евреи — такие же, как все, только в большей степени: набожнее всех, когда речь заходит о вере; распутнее всех, когда отпадают от Бога. А комедия с Божьим заветом? Бог сказал: «Приму вас Себе в народ и буду вам Богом» (Исх. 6:7). Эхо этих слов еще раздавалось в ушах Его народа, а они уже плясали вокруг золотого тельца и готовы были ублажать первого встречного божка — хоть плодородия, хоть чадородия»¹.

Итак, исключение, кажется, становилось правилом. Бог сотворил первых людей: они совершили тот единственный поступок, который Он им запретил. Бог избрал человека, который должен был стать отцом «Божьего народа»: тот поспешил подложить свою жену в кровать ничего не подозревающего фараона. И жена его хороша: уже в преклонном возрасте (в девяносто один год) она получила обетование от Бога, что родит сына, и тут же расхохоталась в лицо Богу. Блудницу Раав превозносят за ее великую веру. Соломон

— мудрейший из людей — ударился во все тяжкие и нарушил все правила-притчи, которые сам же сочинил.

Даже после пришествия Иисуса на землю комедия продолжалась. После вознесения Христа двое Его учеников, Петр и Иоанн, больше всех потрудились для распространения Благой вести. А ведь именно их больше всего укорял Иисус за мелочность, тщеславие и глупость! А апостол Павел? Он написал большую часть новозаветных посланий. Но Бог избрал его, когда он проходил по дорогам Палестины, разыскивая христиан, чтобы предать их на мучения. Нужно обладать решительностью и выдержкой Иисуса, чтобы доверить проповедь идеалов любви, единства и братства таким людям! Неудивительно, что циники смотрят на церковь и вздыхают: «Если этот сброд — представители Бога, то я против такого Бога». А вот как ту же мысль выразил Ницше: «Чтобы я уверовал в Спасителя, Его ученикам следует больше походить на спасенных людей!»

Тем не менее, в разговоре о Телес Христовом за точку отсчета нам придется принять это невероятное предположение. Церковь — собрание людей, так же отличающихся друг от друга, как различаются между собой клетки человеческого организма. Сейчас я перебираю в памяти все церкви, которые видел за свою жизнь, и стараюсь ответить на вопрос: есть ли другое такое место на земле, которое притягивает к себе столь различных людей? Молодые бунтари в тертых джинсах сидят в церкви рядом с банкирами, одетыми в костюмы-тройки. Заскухавшие подростки насвистывают себе что-то под нос на богослужении, в то время как их деды спешно меняют батарейки в слуховом аппарате, чтобы лучше слышать. Некоторые прихожане методично стекаются в церковь по воскресеньям — неумолимо, как рыба, плывущая к месту нереста. После богослужения они со скоростью ракеты разлетаются по домам. Другие же жить не могут без братьев-христиан — даже селятся вместе, словно колонии амёб.

Что могут эти люди? Не безумие ли — сама Христова затея? Кажется, что дело обречено на провал. Помните, Иисус молил Отца, чтобы «они были едино, как и Мы» (Ин. 17:11). Но как может организм, состоящий из столь разнородных элементов, хоть по виду добиться единства?

Меня раздрают сомнения, но тихий и уверенный голос внутри меня говорит: «Не ты Меня избрал. Я тебя избрал». И насмешки над Телом Христовым застревают у меня в горле. Если что и можно сказать о собранных Христом людях, так это то, что Он Сам их призвал. Само слово церковь (по-гречески «экклесия») означает «призванные». Так что эта компания клоунов — именно те люди, которые нужны Богу.

Я работал хирургом в миссионерском лепрозории в Индии. Теперь я член небольшой церквочки при Карвилльской больнице для прокаженных. За это время я насмотрелся на очень многих «нестандартных» искателей Бога. Хочу признаться: за последние тридцать лет мне приходилось поклоняться Богу рядом с людьми, которые не разделяли моих музыкальных, литературных вкусов, моего образа мысли. Но годы смирили меня и твердо убедили в том, что я вижу Бога в лицах молящихся рядом со мной людей — таких не похожих друг на друга, таких не похожих на меня.

Клайв Льюис признавался, что когда он только начал ходить в церковь, то очень не любил церковные гимны. Он называл их пятиразрядными стихами, положенными на шестиразрядную музыку. Но далее он пишет: «Потом я увидел: какой-нибудь престарелый святой в калошах, сидящий на соседней скамье, самоотреченно поет эти гимны (эти шестиразрядные мелодии), и они приносят его душе неоценимую пользу. И вдруг я понял, что недостоин мыть ему калоши! Так Бог выводит человека из его внутреннего затворничества»².

Цвет на полотне художника может быть красив сам по себе. Но достоинство художника не в том, что он замазывает холст одним цветом, а в том, что он находит сочетания взаимодополняющих и контрастных оттенков. И вот первоначальный цвет обретает глубину и насыщенность за счет появившихся рядом с ним других.

Наше единство в Теле Христовом начинается не с нашего сходства, а с наших различий.

Принято думать, что Богу нравится разнообразие, причем не только на клеточном уровне. Он не успокоился, сотворив тысячу видов насекомых. Одних только жуков-долгоносиков Он выдумал триста тысяч. В своей знаменитой речи из книги Иова Бог с гордостью говорит о таких чудных тварях, как горные козлы, дикие ослы, страус и молния. Какие цвета, какие формы, какие фактуры Он излил на мир! Он дал миру племена пигмеев и ватуси, светловолосых скандинавов и темноволосых итальянцев, ширококостных русских и миниатюрных японцев.

Сотворенные по Его образу люди развивались как личности, группировались по культурному признаку. Одна только Азия — настоящая этническая «окрошка». Китайские женщины носят длинные брюки, а мужчины — платья. В тропическом азиатском климате люди пьют горячий чай и жуют горький перец, чтобы остудиться. Японцы жарят мороженое. Индонезийские мужчины, чтобы показать, что они не гомосексуалисты, танцуют парами с другими мужчинами. Европейцы посмеиваются над азиатскими браками, которые устраивают родители. Азиаты удивляются нашей беспечности: как можно такое важное решение отдать на откуп любви и романтике? Балийские мужчины справляют малую нужду сидя, а женщины — стоя. Многие азиатские народы начинают трапезу со сладкого, а заканчивают супом. Когда сто лет назад британцы привезли в Индию скрипку, то местные жители стали играть на ней, сидя на полу, зажав ее между плечом и ступней. Ну и что в этом плохого?

Каждый раз, путешествуя за границу, я поражаюсь невероятному многообразию мира. Теперь и церкви обретают свое национальное лицо. Слишком долго протестантские церкви следовали западным обычаям (как и первохристианская церковь во многом следовала еврейским традициям) в музыке, одежде, архитектуре. Даже назывались протестантские церкви во всем мире одинаково. Теперь возникают поместные церкви с собственными, спонтанными способами поклонения Богу. Нужно быть очень осторожным, чтобы не изобразить Тело Христово целиком состоящим из одних только американских или английских клеток. Оно гораздо больше и намного сложнее.

Я вырос в очень строгой баптистской церкви. Там я узнал, что такое вера, что такое Божья любовь и что такое Библия. К сожалению, меня научили и тому, что наша церковь намного лучше других. Нам даже не разрешали общаться с представителями других деноминаций. Мои прародители — гугеноты — бежали из Франции от преследований католической церкви, поэтому нам с детства внушали, что монахи и католические священники — пособники дьявола. Но по мере роста во Христе мне пришлось пересмотреть эту точку зрения.

Я узнал: когда Бог смотрит сверху на Свое Тело, разбросанное по миру, словно гигантский архипелаг, то Он видит его целиком. И я думаю, что Он, понимая культурные различия между молящимися и видя их сердца, наслаждается зрелищем.

Нефы из штата Каролина выкрикивают Богу хвалы. Верующие в Австрии напевают хвалу под величественные звуки органа. Их озаряет свет, проникающий в церковное здание через разноцветные витражи. Африканцы танцуют, воздавая славу Богу, под ритмичные звуки ударных инструментов. Сдержанные японские христиане выражают благодарность Богу, создавая произведения искусства. Индийцы молитвенно складывают

руки, воздевая их к небу. Это намастэ — почтительное приветствие, которое берет начало в индуистском миропонимании: «Я поклоняюсь Богу, которого вижу в тебе». Но у христиан оно обретает новое значение: христиане показывают таким образом, что видят друг в друге образ Божий.

Тело Христово, подобно нашим собственным телам, состоит из отдельных непохожих друг на друга клеток, сплетенных в единое целое. В этом — суть. И радость всего Тела возрастает, когда клетки начинают понимать: они могут быть разными, не отрываясь при этом друг от друга.

4. Ценность

У американских матерей принято всю жизнь хранить первые ботинки своих детей. Нередко можно увидеть сувенирные бронзовые детские ботиночки — символ свободы и независимости. А у японских матерей принято хранить кусочек пуповины ребенка — символ зависимости и преданности.

Стивен Франклин

Мое детство прошло в Индии. Отец занимался миссионерской деятельностью. Я им очень гордился: он постоянно оказывал помощь каждому нуждающемуся. Только однажды отец не оказал помощи больным людям.

Мне было тогда семь лет. Наш дом стоял на невысокой горе, и я увидел, как трое незнакомых людей поднимаются по тропинке к нашему дому. На первый взгляд могло показаться, что эти трое ничем не отличаются от сотен других посетителей нашего дома, обращающихся к отцу за медицинской помощью. На каждом из них была надета обычная набедренная повязка, на голове — чалма. Как и все индусы, они были обернуты в накидку из легкой ткани, один конец которой перекидывается через плечо. Но, когда они подошли ближе, я увидел заметные отличия: их кожа казалась испещренной какими-то крапинками; лоб и уши выглядели неестественно большими, Распухшими; на ногах были повязки, запекшейся кровью. Когда они вошли в дом, я заметил, что у них не хватало пальцев на руках, у одного не было пальцев и на ногах — ступня была будто обрубленной.

При виде этих людей мама побледнела и как-то вся напряглась. В ее голосе не слышалось обычного приветливого, гостеприимного тона. Мне она прошептала: «Быстро беги разыщи отца. Потом срочно приведи сестру и не выходите с ней из дома ни на секунду!»

Я разыскал отца, привел сестру, а потом на четвереньках, пробрался в свой наблюдательный пункт. В нашем доме происходило что-то непонятное и пугающее — и я не мог пропустить этого. Мое сердце бешено заколотилось, когда я увидел лицо отца: оно выражало замешательство, почти страх. Он стоял перед этими тремя людьми, потупив глаза, явно нервничая, — он не знал, что делать. Никогда в жизни я не видел отца таким беспомощным.

Мужчины упали на колени перед отцом — обычный индийский ритуал, которого отец не любил. Он всегда говорил: «Я - не Бог. Только Он — единственный, Кому вы должны поклоняться» и поднимал людей с колен. Но в этот раз он не проронил ни слова. После долгого молчания он сказал чуть слышно: «Я не могу вас вылечить, мне очень жаль. Присядьте, я сделаю все что смогу».

Отец побежал взять аптечку, мужчины ждали его, сидя на полу. Вскоре он вернулся с бинтами, банкой мази и парой хирургических перчаток, в которые он на ходу пытался просунуть руки. Это было совсем странно — как же он будет лечить их в перчатках?

Отец промыл ноги пациентов, помазал болячки, забинтовал. Странно: больные не стонали и не кричали, когда отец прикасался к их ранам.

Пока отец занимался пациентами, мама набрала корзину фруктов и поставила ее перед ними, чтобы они взяли с собой в дорогу. Мужчины забрали фрукты, а корзину оставили. Когда они ушли, я пошел в ту комнату, чтобы забрать корзину себе.

Вдруг раздался мамин крик: «Нет! Не трогай! Не подходи тому месту, где сидели эти люди». Отец молча взял корзину, пошел на улицу и сжег ее, а потом долго-долго мыл руки горячей водой с мылом. Затем мама выкупала сестру и меня, хотя мы не дотрагивались до больных.

Это было мое первое знакомство с проказой — болезнью, поражающей людей с давних времен; болезнью, пожалуй, одной из самых страшных в истории человечества. Тогда она произвела на меня жуткое впечатление — я поклялся стать врачом и посвятить свою жизнь лечению людей, страдающих этим заболеванием. В течение последующих тридцати лет почти каждый день я проводил с больными проказой. У меня появилось много близких и преданных друзей среди этих мужественно переносящих страдания людей. За это время было развенчано немало беспочвенных страхов и заблуждений по поводу проказы, по крайней мере, в медицинской среде. Отчасти благодаря эффективным лекарствам сейчас проказа стала излечимым, практически незаразным заболеванием.

Однако во многих точках земного шара люди продолжают болеть этой страшной болезнью; около четверти из них нуждаются в постоянном приеме лекарств. Увы, для многих эта болезнь становится причиной необратимого поражения тканей, слепоты, потери пальцев рук и ног. Что же происходит в организме под воздействием проказы, почему она приводит к таким ужасным последствиям?

В Индии я работал с прокаженными, и результаты исследований заставили меня задуматься: а не являются ли страшные симптомы болезни результатом утраты пациентами болевых ощущений? Болезнь не походила на пожирающий плоть грибок. Напротив, она главным образом поражала лишь один тип клеток — нервные. Многолетние эксперименты и наблюдения подтвердили мою теорию.

Постепенная утрата болевых ощущений приводила к плачевному результату: те части тела, которые больше всего нуждались в «болевой защите», не могли нормально функционировать. Например, используя молоток с плохо отшлифованной рукояткой, человек занозил руку; но он не чувствует боли — инфекция проникает в тело, начинается воспаление. Другой, оступившись, подвернул лодыжку, но продолжает идти дальше. У третьего перестает работать мышца, заставляющая веки моргать каждые несколько секунд. В результате глазное яблоко не увлажняется, глаз высыхает — и человек слепнет. Миллионы клеток ладони и ступни или живые быстрые клетки сетчатки глаза могут стать бесполезными — и все из-за сбоя в работе нескольких нервных клеток. Вот в чем суть трагедии прокаженных.

Подобное же происходит и при других заболеваниях: при серповидно-клеточной анемии или при лейкемии дисфункция одного типа клеток способна очень быстро убить человека; если перестают работать клетки почечных фильтров, человек может вскоре погибнуть от отравления организма.

Этот важнейший факт — важность каждой части организма — хорошо виден на примере проказы. Зная, как многочисленны и разнообразны клетки живого организма, можно подумать, что утрата одной из них не вызовет серьезных последствий. Но, рассмотрев разнообразие частей тела и поняв узкую специализацию каждой части, мы устанавливаем: каждый из его членов очень важен и необходим для выживания тела целиком.

Самое интересное, что о значимости каждого члена тела рассказано и в библейском образе церкви как Тела Христова (см. Рим. 12:5, 1 Кор. 12, Еф. 4:16). Вслушайтесь в озорные слова апостола Павла из 1 Послания к Коринфянам: «Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее

благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены» (12:22-26).

Главная мысль Павла ясна: Христос выбрал каждого члена, чтобы тот выполнял в Теле Христовом лишь одному ему свойственную функцию. Без него работа организма не будет нормальной. Павел подчеркивает, что наименее заметные члены тела (мне на ум приходят поджелудочная железа, почки, печень селезенка) являются, по всей видимости, самыми важными. Я редко бываю им благодарен, но именно они ежедневно исполняют свои функции, благодаря чему я и живу.

Я неустанно говорю об образе тела, потому что в нашем западном обществе ценность каждого члена общества определяется той суммой, которую общество готово выплачивать ему за оказываемые услуги. Например, пилоты проходят серьезную подготовку и сдают многочисленные экзамены, прежде чем им разрешают работать на коммерческих авиалиниях. Зато, добившись этой работы, они получают вознаграждение — роскошный образ жизни и уважение общества. Среди предпринимателей видимые признаки успеха — великолепный офис, высокая зарплата и премии. По этим критериям определяется «ценность» того или иного служащего. Продвигаясь по служебной линии, человек накапливает ряд солидно звучащих титулов (в штатных расписаниях государственных служащих можно насчитать многие тысячи таких званий).

В армии значимость человека определяется согласно его положению в военной иерархии: старшие офицеры отдают приказы младшим по званию. О звании можно судить по форме - погонам, нашивкам, покрою кителя.

Система оценочных градаций «въелась» в наше общество, начинается все с младших классов школы — уже там дети получают отметки за успеваемость и поведение. Если к оценочной теме добавить внешние данные каждого человека, его популярность среди друзей, знакомых, коллег по работе, его спортивные достижения, то мы получим определенный набор критериев, по которым сам человек судит о собственной значимости.

Когда живешь в подобном обществе, «зрение» ухудшается, начинает казаться, что в дворниках гораздо меньше человеческого достоинства, чем в летчиках. Тогда необходимо вспомнить уроки, которые преподнесло нам тело. Павел делает свои выводы, будучи хорошо осведомленным о неизлечимой страсти человечества к первенству и наградам. В человеческом обществе дворников мало ценят, так как дворника легко заменить. Поэтому им мало платят и смотрят на них сверху вниз. Но в теле разделение труда никак не основано на статусе каждого отдельного члена, статус органа вообще не имеет никакого отношения к выполняемым им функциям. В теле без «дворников» не обойтись. Если вы в этом сомневаетесь, поговорите с больными, которым дважды в неделю приходится делать почечный диализ.

Библия жестко говорит о лицепряттии. Иаков описывает ситуацию, которая всем нам хорошо знакома: «Ибо, если в собрание ваше войдет человек с золотым перстнем, в богатой одежде, войдет же и бедный в скудной одежде, и вы, смотря на одетого в богатую одежду, скажете ему: «тебе хорошо сесть здесь», а бедному скажете: «ты стань там, или садись здесь, у ног моих», то не пересуживаете ли вы в себе и не становитесь ли судьями с худыми мыслями?» И он так завершает свою мысль: «Но если поступаете с лицепряттием, то грех делаете и пред законом оказываетесь преступниками. Кто

соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем» (Иак. 2:2-4, 9-10).

Но вот в другом месте Павел о той же истине говорит более позитивно: «Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:11).

В нашем обществе повсеместно присутствуют «табели о рангах» — начиная с футбола и кончая стиральными порошками, а потому потребность делить все на первосортное и второсортное может проникнуть и в церковь Христову. Но схема действия группы людей, следующих за Иисусом Христом, не должна напоминать военную или промышленную структуру. Церковь, основанная Иисусом, больше похожа на семью, в которой сын, отстающий в развитии, пользуется такой же любовью, как и его брат-вундеркинд. Церковь — это «тело», состоящее из удивительно разнообразных клеток, которые могут выжить, лишь трудясь сообща.

От своих «клеточек» Бог требовал только одного: быть верными «Главе». Если целью жизни каждой клетки является служение нуждам всего тела, то Тело пребывает в счастье и здравии. И что удивительно: только в церкви можно наблюдать подобную «уравниловку». Бог наделил каждого человека способностью общаться с Собой. И в Теле Христовом учитель воскресной школы с трехлетним стажем не менее почитаем, чем епископ: работа учителя не менее важна. Грош вдовы в церкви приравнен к десятине миллиардера. Нрав, красота, утонченность, цвет кожи, начитанность — все это не имеет значения. Главное — верность Главе, И через Главу — друг другу.

В нашей маленькой Карневильской церквушке есть прихожанин — гаваец по имени Лу. Его тело обезображено проказой: у него нет бровей и ресниц, на лице постоянно застывшее выражение. Веки парализованы, а потому глаза постоянно наполнены слезами, как будто он плачет; он практически ослеп.

Но Лу неустанно борется с растущим чувством оторванности от мира. Он потерял осязание, что в сочетании с почти полной слепотой сделало его пугливым и отрешенным. Больше всего он боится потерять слух, так как очень любит музыку! Кроме физического присутствия на богослужении Лу может служить церкви лишь одним способом: он поет псалмы Богу, аккомпанируя себе на арфе. Врачи придумали для него специальную перчатку, которая позволяет ему перебирать струны, не повреждая при этом руки, потерявшие болевые ощущения.

Но важнейшая истина заключается в том, что ни один другой член не помогает так духовной жизни нашей церкви, как Лу со своей музыкой. Он оказывает на нас всех такое же влияние своим скромным даром, как и любой другой член — своим даром. Если Лу больше не будет с нами, в церкви останется пустое место, которое никому не дано заполнить — даже профессиональному арфисту с ловкими чуткими пальцами. Все в церкви знают: Лу жизненно важен для общины, как важен и его вклад. Он не менее важен, чем любой другой наш прихожанин. В этом и заключен секрет Тела Христова. Если каждый из нас поймет, что сами по себе мы обретаем значимость лишь как члены и служители Тела; если мы увидим ценность в своих братьях по церкви, то, возможно, клетки Тела Христова начнут функционировать так, как и было задумано.

5. Единство

Мы не можем существовать сами по себе. Наша жизнь связана с жизнями других людей тысячами невидимых нитей. По ним, будто по симпатическим нервным волокнам нашего тела, постоянно передаются исходные и ответные импульсы. Они появляются в результате наших действий и возвращаются к нам в качестве ответных сигналов.

Герман Мелвилл

Биолог достает из инкубатора яйцо с полностью созревшим цыпленком. Всего три недели назад это яйцо было простейшей клеткой (самая большая из существующих клеток организма — неоплодотворенная яйцеклетка страуса). Теперь же это сотни миллионов клеток, образующие водоворот постоянно перемещающейся протоплазмы, делящейся на части, подготавливающей себя к жизни вне яйца. Биолог раздавливает скорлупу, принося жизнь цыпленка в жертву.

И хотя эмбрион теперь мертв, некоторые его клетки продолжают свою деятельность. Тело умирает быстро, но отдельные его ткани могут не сдаваться еще некоторое время. Из крошечного сердечка ученый извлекает несколько клеток мышечной ткани, помещает их в физиологический раствор. Под микроскопом эти разрозненные клеточки похожи на вытянутые, тонкие перекрещивающиеся цилиндрики, напоминающие секции железнодорожного полотна. Они постоянно пульсируют, даже оказавшись вне тела. Каждая клеточка бьется в непрерывном ритме — жалкая и бессмысленная дробь теперь, когда они больше не находятся в организме цыпленка. Но при полноценном питании эти разрозненные клеточки могут продолжать жить. Отделенные от организма хозяина, клетки сокращаются нерегулярно, каждая в своем режиме: в среднем они осуществляют 350 сокращений в минуту. Но при внимательном изучении можно заметить: через несколько часов их пребывания в физиологическом растворе происходит необычное явление. Если мы возьмем для эксперимента, например, пять клеток сердца, то обнаружим: через пару часов две из них начинают сокращаться в унисон друг другу, через какое-то время в унисон сокращаются три клетки, а вскоре и все пять. Теперь вместо пяти разных ритмов биения существует один. Что же это? Каким образом чувство ритма сохраняется в физиологическом растворе и почему?

Некоторые жучки-светлячки ведут себя точно так же. Можно понаблюдать за их скоплением где-нибудь на опушке леса. На первый взгляд кажется, что все они светятся, кому как заблагорассудится. Но если присмотреться повнимательнее, то станет ясно: все они зажигаются и гаснут одновременно. И вы видите вспышки не одного, а потом другого, а потом третьего и так далее светлячка, а синхронные вспышки одновременно пятидесяти жучков. Клетки сердца, так же как и светлячки, обладают удивительным свойством: у них развито необычайное чутье — играть одну и ту же ноту в одно и то же время, даже в отсутствие дирижера.

Согласованность — очень любопытный феномен для клеток, живущих вне тела. А можете себе представить, в каком режиме они живут внутри тела? Все клетки организма должны работать в одном темпе — иначе человек или животное умрет. Каждая клетка постоянно должна быть в курсе всего, что происходит во всем организме. Как может белая кровяная клетка в теле летучей мыши знать: кого атаковать как неприятеля, а кого приветствовать как друга? Этого никто не может объяснить.

Ясно только одно: все клетки обладают абсолютным чувством принадлежности.

Вся живая материя схожа; кровь животных отличается от хлорофилла растений всего одним атомом. Тело может установить даже едва ощутимые различия, ориентируясь по запаху; оно великолепно знает все сотни триллионов своих клеточек. Первые люди, которым было пересажено сердце, умирали не потому, что сердце плохо работало, а потому, что невозможно было обмануть их тело. Несмотря на то что клетки нового сердца были точно такими же, как и старого, и бились они в том же ритме, — они были чужими, не принадлежали этому телу. Природный код принадлежности был нарушен. Почувствовав пришельцев, тело закричало «Чужаки!» и объявило мобилизацию всех клеток для уничтожения пришельцев. Эта неразгаданная тайна иммунной реакции не позволяет развиваться науке трансплантологии.

Процесс идентификации усложняется еще и тем, что состав Пола Брэнда сегодняшнего — клетки костной ткани, жировые клетки, клетки крови, клетки мышечной ткани — отличается от его же состава десятилетней давности. Хотя и тогда присутствовали такие же клетки. Но они были заменены новыми (за исключением нервных клеток и клеток мозга, которые никогда не меняются). Таким образом, мое тело можно сравнить больше с фонтаном, чем со скульптурой: сохраняя свою прежнюю форму, оно постоянно обновляется. Каким-то образом мое тело определяет принадлежность новых клеток и принимает их.

Что же заставляет клетки работать так сплоченно? Кто координирует очень специализированные функции движения, зрения и умственной деятельности, в которых участвуют сотни триллионов клеток?

Секрет спрятан глубоко внутри ядра каждой клетки: координатором всех сложнейших процессов организма является нить молекул ДНК. Как только хромосомы яйцеклетки и сперматозоида объединяются, двойная спираль ДНК расплетается на две отдельные цепи, в точности как расходятся зубцы застёжки-молнии. Затем на каждой цепи восстанавливается недостающая часть — возникают новые молекулы-спирали. Этот процесс происходит при каждом клеточном делении: 2, 4, 8, 16, 32 клетки, и все новые клетки содержат идентичные молекулы ДНК. Любая клетка организма несет полный набор генов (у человека их насчитывается до ста тысяч), но, в зависимости от ее специализации, работает только часть этих генов. ДНК раздает клеткам такое количество инструкций, что, если бы их можно было записать на бумаге, получилось бы много-много издание на шестьсот тысяч страниц. Нервные клетки руководствовались бы инструкциями из четвертого тома, а клетки почек — из двадцать пятого тома, но и в те и в другие заложен полный объем необходимой информации¹. Каждая клетка получает «удостоверение с печатью» о том, что она является полноправным членом данного тела. Все клетки снабжены генетическим кодом. Этот код настолько полный, что все тело могло бы существовать на основе информации, заложенной в любой отдельно взятой клетке. Вот почему сейчас так много говорят о возможности клонирования.

Но Создатель ДНК пошел еще дальше: Он поставил перед человечеством новую, более почетную задачу — участие в Его собственном Телe. И начинается это участие с замены всех его составляющих, т.е. надо проделать то, что делает ДНК в каждой новой клетке тела. То сообщество, которое называется Телом Христовым, отличается от любого человеческого сообщества. В отличие от правил вступления в общественную или политическую партию, участие в нем подразумевает радикальные изменения: в каждую

¹ Молекула ДНК — настолько узкая и компактная, что все гены клеток моего тела поместились бы в спичечном коробке. И в то же время если размотать перекрученные нити молекул ДНК и соединить их концы, то полученная нить четырехста раз могла бы достать от Земли до Солнца и обратно

клетку закладывается новый код. Фактически, я становлюсь генетически подобен Самому Христу, так как принадлежу теперь Его Телу.

Чем больше я думаю об этом сравнении, тем яснее вижу одну духовную истину, которая в Библии звучит часто, но слишком парадоксально: «Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас?» (2 Кор. 13:5); «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:19,20) — это слова Павла. А вот еще: «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (Ин. 14:20), «Я есмь Лоза, а вы ветви» (Ин. 15:5), Это уже говорил Иисус.

Я могу чуть-чуть представить себе, что значит повидать живого Христа, когда начинаю искать параллели этому событию в материальном мире. Подумайте о таинстве жизни: ДНК передает каждой клетке информацию о том, какой ей следует быть. Христос же вживил в нас духовную жизнь — не менее реальную, чем жизнь физическая. Порой я начинаю сомневаться в своем новом естестве, чувствую себя прежним. Но Библия говорит однозначно: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни» (Ин. 3:36). Различие между человеком, пребывающим со Христом, и человеком, не пребывающим в Нем, так же велико, как различие между живым телом и мертвой тканью. ДНК заставляет химические и минеральные элементы складываться в живой, растущий организм, каждая из частей которого имеет только ей свойственные функции и качества. Сходным образом Бог использует ткани и гены душевного человека — он расщепляет их, а потом сцепляет снова, примешивая к ним Дух Свой,

Это стало возможным только благодаря Иисусу: девственное рождение показывает, что Его ДНК была соединением Божьей и человеческой ДНК. И теперь, благодаря моему единению со Христом, я могу буквально нести в себе Божье присутствие.

Невероятная идея «смены личности» реально осуществляется в момент обращения. Иисус говорил об этом простыми словами — чтобы слушатели могли Его понять. В разговоре с Никодимом Он назвал эту смену личности «рождением свыше», показывая, что духовная жизнь невозможна без кардинальных изменений в человеке — таких же резких, как рождение младенца в мир. В результате этой замены естества мы начинаем носить в себе не просто образ Бога, не просто философию Бога, не просто веру в Бога, но истинное Божье естество. Итак, один из результатов обращения — мы обретаем гены Христовы: когда мы предстанем перед Богом, то Он будет судить в нас не наши несовершенства, а совершенства Христовы. «Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое... Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом» (2 Кор. 5:17, 21). В другом месте Павел пишет: «Жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» (Кол. 3:3). Мы — в Нем, а Он — в нас.

Полный идентификационный код моего тела заключен в каждой клетке моего организма. Так же и реальность Божия проникает в каждую клетку Его Тела, скрепляя нас, члены Его, истинной, глубинной связью. Я чувствую эту связь, когда встречаюсь в Индии, Африке, Америке с совершенно незнакомыми мне людьми, которые, однако, как и я, хранят верность Главе Тела. И мы мгновенно становимся сестрами и братьями — братскими клетками одного Тела. Мы вместе радуемся, что являемся частью Вселенского Тела Христова, которому принадлежат все, в ком пребывает Бог.

Вместе с огромными преимуществами, которые нам дает смена личности, на наши плечи ложатся и сложные обязанности. Когда в миру мы совершаем какие-либо поступки, то буквально «вмешиваем» в них Бога. Павел провел аналогию с телом, чтобы показать развратным коринфянам, какую именно новую личность они теперь обрели. Вы — члены тела Христова, - предупреждал он их. - Так неужели можно взять члены Христовы и слить их с проституткой? Да никогда! Неужели вы не знаете: тот, кто ходит к

проститутке, становится един с ней в теле ее? Не знаете ли, что вы не свои? Вы куплены дорогою ценою, поэтому прославляйте Бога телами вашими (см. 1 Кор. 6:15-16,19-20). Невозможно представить себе более сильный аргумент против греха. Павел не старается запугать, говоря: «Бог все видит». Но он хочет, чтобы верующие четко поняли: мы — воплощение Бога в миру. Это огромная ответственность — быть в миру Телом Христовым.

Сам процесс присоединения к Телу Христову может, на первый взгляд, показаться отказом от самого себя. Я перестаю быть независимым. Но, как это ни смешно, отказываясь от прежней системы ценностей, основанной на конкуренции, силе, богатстве и таланте, я посвящаю себя Христу — Главе — и мгновенно становлюсь свободным! Пропадает тяга к соперничеству. Мне не приходится больше галопировать по жизни в поисках способов самовыражения. Мое новое естество таково: я хочу теперь жить так, чтобы окружающие видели Христа во мне. Видели Его любовь, а не мои собственные достоинства и таланты. Все достоинство мое, вся ценность моя — в Нем. Я понял, что этот процесс самоотречения и последующего самообретения очень полезен и совершенно хорош сам по себе.

6. Служение

Отдавать то, что мы получаем; прощать за то, за что мы прощены; умереть, чтобы родиться свыше, — это путь к вечной жизни.

Святой Франциск Ассизский

Я закрыл глаза и мысленно перенесся назад в прошлое. Мне вспомнились те редкие моменты, когда я испытывал огромное удовольствие, можно даже сказать, счастье, от результатов выполненной работы. К моему удивлению, моя память обошла стороной пышные застолья, наполненные впечатлениями поездки во время отпусков, волнующие церемонии награждения. Вместо этого я припомнил дни, когда мы — несколько врачей — сплоченно работали всей командой ради спасения жизни людей. Нам приходилось прилагать колоссальные усилия, чтобы, преодолев разрушительное воздействие проказы, сохранить человеку зрение или спасти ногу от ампутации. В то время это давалось нелегко. Условия работы были тяжелейшими: хирургические операции делались в примитивной обстановке на раскладном столе, когда за окном стояла 45-градусная жара. Не было электричества, и, чтобы хоть что-то. Можно было разглядеть во время операции, ассистент светил на пациента карманным фонариком. Но тогда у нас была великая цель: помочь нуждающимся, и все мы работали с необычайным подъемом.

Я очень хорошо запомнил одного из своих пациентов. Его звали Садагопан, друзья называли его Садан. Он родился на юге Индии в интеллигентной, принадлежавшей к высшей касте семье. Садан получил хорошее образование, имел утонченную натуру. Но проказа сделала его отверженным. При виде его воспаленных язв прохожие на улицах не могли скрыть своего отвращения. Он постоянно слышал оскорбительные слова в свой адрес. Его не обслуживали в кафе, не пускали в автобусы.

Садана охватило отчаяние. Когда он был доставлен в Веллор в нашу больницу, его лицо еще выглядело нормальным, а вот пальцы рук не могли двигаться, кончики пальцев уже отсутствовали; ноги были усыпаны кровоточащими язвами: куда бы он ни наступал, везде оставались мокрые темные пятна. Непрекращающийся инфекционный процесс поразил и костную ткань: ступни этого молодого человека уменьшились почти вдвое. Садан был болен классической проказой в тяжелой форме. Болезнь достигла уже такой стадии, что он не мог шевелить ни руками, ни ногами. Наша команда врачей начала отчаянную борьбу за его жизнь.

Мы догадывались: больной проказой теряет осязательные ощущения — он не чувствует боли. При ходьбе человек опирается, в основном, на пальцы ног. Пальцы больного испытывают чрезмерную нагрузку и ничего при этом не чувствуют. В результате они просто стираются. Мы пришли к этому выводу на основании исследования обуви пациентов. Язвы располагаются у них по всей ступне, а мокрые пятна от них остаются только на передней половине внутренней части ботинок. Если бы нагрузка на ступню распределялась равномерно по всей поверхности, то больная кожа смогла бы ее выдержать, и у наших пациентов не было бы таких страшных последствий.

Садан идеально подходил для эксперимента по проверке наших предположений. Он с готовностью согласился поселиться в соломенной хижине, принадлежащей расположенному в отдаленном районе нашему Центру Новой Жизни. Он соглашался на все, что могло бы улучшить его состояние. Сначала ему был прописан постельный режим

— пока язвы на ногах не зарубцевались. Потом мы снабдили его специальными мягкими сандалиями. Он был несказанно счастлив, когда снова смог ходить. Но меньше чем через неделю у него на ноге появился мокнущий красный волдырь, и ему снова пришлось лечь в постель. Из всех сил мы старались не падать духом. Наша бригада врачей проводила длительный эксперимент, стараясь определить: какой тип обуви больше всего подходит в данном случае.

Этот эксперимент продолжался три года. Невозможно описать в нескольких словах, сколько надежд и разочарований нам пришлось пережить. В качестве лечебной обуви мы испробовали: ботинки со специальными подошвами, изготовленными из пластырей; деревянные сабо; пластиковые ботинки, выполненные методом литья в восковых формах. Я искал подходящий материал для ботинок. Для этого мне пришлось поехать в Калькутту, где я учился получать смесь поливинилхлорида. Потом я ездил в Англию на испытания распыляемых пластмасс.

Я все искал и искал. Терял терпение и опять начинал все сначала: я был обязан сделать что-то для спасения жизни своих двух горячо любимых друзей. Одним другом была теория, точнее, предположение, родившееся и оформившееся в моем мозгу: деформацию тканей, вызываемую проказой, можно предотвратить. Я уже знал: болезнь поражает, в основном, нервы. Следовательно, надо искать способ защиты пациентов от саморазрушения именно в этом направлении. Мы собрали огромное количество подтверждений моей теории, добились значительных успехов в лечении незапущенной стадии болезни. То, а что мы тратили немалые усилия, было не просто бездушной научной теорией — это был выхаживаемый совместными усилиями наш общий ребенок. Несмотря на сильную оппозицию в лице старших и более опытных врачей, наша небольшая группа, работающая в Веллоре, отдавала общему делу все свое время и все свои силы. Мы пытались разобраться в причинах проказы и преодолеть древнейшие предрассудки, связанные с этим заболеванием. И теперь, спустя месяцы и годы, в течение которых Садан проводил бесконечные испытания одного вида обуви за другим, а язвы все не рубцевались и постоянно кровоточили, наша теория была обречена на смерть.

Вторым моим другом, которому я был обязан помочь, был сам Садан. В конце концов, мы экспериментировали с его ногами. Мы со своими идеями всего лишь вступили в азартную игру, а Садан поставил на карту свое тело и свою неугасимую надежду. Не раз наступали моменты такой безнадежности, что у меня уже не было сил подходить к нему и снимать носки для осмотра ног. Но никогда я не слышал от него ни одной жалобы. Я полюбил Садана. Я знал, что и он полюбил меня: я был его последней надеждой. Очень часто меня посещала мысль: ради его же блага я должен отказаться от своей идеи и провести ампутацию его ног. По крайней мере, тогда — на деревянных ногах — он сможет вернуться домой к своей семье.

После очередной неудачи мы начинали придумывать что-то новое: большие высокие твердые ботинки или, наоборот, открытые легкие туфли с мягкими эластичными подошвами. Каждое новое изобретение вселяло в нас надежду.

Иногда на апробацию новой модели уходил месяц. Если признаков инфекции не обнаруживалось, я радостно восклицал: «Садан, ну уж теперь-то мы нашли то, что надо!» Но, в конце концов, нас неизбежно постигало разочарование.

Я искал способы, чтобы перенести нагрузку с больного участка ноги на здоровый. В результате появлялись натертости на здоровой коже. Все наши доктора постоянно, как могли, подбадривали Садана; он подбадривал нас. От отчаяния у каждого на глаза наворачивались слезы, но мы старались плакать незаметно, чтобы другие не видели этого. Из всех сил мы сдерживали злость и обиду на свое бессилие.

Помимо своей теоретической деятельности по изобретению ботинок, я еще очень много занимался физическим трудом. Каждый день после чтения лекций, практических занятий,

после нескольких хирургических операций я шел в наш Центр Новой Жизни, чтобы позаниматься своим любимым столярным делом. Там у меня имелся комплект стамесок, долото и рашпиль, с помощью которых я обтачивал кусок дерева, придавая ему форму ботинка. Затем подгонял его под размер ноги Садана. Садан сидел на скамейке, а я вымерял месторасположение каждой выпуклости на его ноге и делал углубление на этом же месте в деревянном башмаке. В конце концов, пара обуви была готова, оставалось только пройти по ней шкуркой. Получились аккуратные гладкие ботиночки, которые уже не могли повредить ничьи ноги. Я прикрепил шнурки, Садан надел новые ботинки — очередной эксперимент начался.

В течение последующих недель я постоянно проверял нагрузку, наличие воспаления и постоянно подтачивал ботинки в соответствующих местах. Но однажды Садан принес мне ботинок и показал в нем пятнышко крови. «Мне очень жаль», — сказал он. «Мне тоже», — промямлил я в ответ, и мы уже в который раз начали все сначала.

Но между периодами уныния и подавленности у нас были и хорошие моменты. Мы пришли к выводу: самая подходящая обувь для больных проказой, это «башмаки-качалки», под подошвой которых проходит жесткая планка. Благодаря ей нога не изгибается, а качается, как доска-качели, на оси вращения. Кроме этого, я научился безошибочно определять больные места на ноге. Ведь Садан не чувствовал боли — а я обнаруживал имеющие отклонения от нормы участки по следующему признаку: кожа на них была теплее, чем на остальных местах. Я проверил: всегда через день-два после обнаружения потеплевших участков кожи точно на этих местах появлялись пятна. Научившись заранее определять проблемные зоны, я мог вовремя заменить обувь или дать ноге возможность отдохнуть, пока кожа не восстановится.

Вскоре после этих двух открытий периоды, когда больные, не испытывая осложнений, могли ходить, стали намного Юльше, а периоды вынужденного лежания сократились. Почти Угаснувшая надежда пришла на смену охватившему всех отчаянию. Садан ходил уже несколько месяцев и ходил намного лучше, чем раньше, — новые язвы не появлялись.

И вот случилось чудо. Я, как обычно, осматривал ноги Садана, которые изучил уже намного лучше, чем собственные. Если они не были теплыми и воспаленными, это было хорошо. И вдруг под своими пальцами я обнаружил совершенно другую кожу. Кожа ног Садана на ощупь всегда была твердой, слегка теплой и очень напряженной. Сейчас же она была прохладной и мягкой, даже слегка морщинистой. До меня дошло: такими были ноги Садана раньше, когда он еще был здоров. Все те годы, что я знал его, в результате хронической инфекции и постоянных повреждений его ступни оставались неизменно распухшими и воспаленными. Теперь же, после нескольких месяцев отсутствия повреждений, отечность спала, кожа и кости смогли очиститься от воспаления. В них больше не было застоя, и они начали осуществлять процессы регулирования, подстраиваясь под внешние условия. Ноги Садана вновь стали здоровыми!

Я понял: этого не происходило раньше, потому что за те короткие периоды, когда мы не разрешали Садану ходить, его ноги не успевали восстановиться до нормального состояния. Из-за постоянной необходимости бороться с инфекцией ткань его ног была очень уязвимой для механического раздражения. После очередного язвенного кровотечения мы слишком рано разрешали Садану снова ходить, а из-за притупления

нервных импульсов он ничего не чувствовал. Только через несколько месяцев напряженного труда я сам научился чувствовать боль, которую не чувствовал он.

В свой очередной приезд в Индию я сделал небольшой крюк, чтобы навестить моего дорогого Садана, его жену Кокелу и их замечательных детишек. И вот передо мной стоит гордый и счастливый человек: он больше не зависит от разрушительной болезни. Теперь он может зарабатывать на жизнь своей семьи: работает в регистратуре местной поликлиники. Носит он специальную «качающуюся» обувь — такую обувь сейчас носят во всем мире люди, страдающие от проказы, диабета и других заболеваний, при которых стопа теряет чувствительность.

Каждый раз, когда мы встречаемся, Садан снимает обувь и с радостью показывает мне свои ноги, уже много лет не знающие язв. Кожа его ног мягкая, расслабленная, прохладная на ощупь. Я провожу пальцами по знакомым до боли контурам его ступней. Наши глаза встречаются — в них проносятся воспоминания о прошедших днях, полных отчаяния и скрытых слез. Но сильнее всего наша память хранит неописуемый восторг, охвативший нас в тот день, когда стало абсолютно ясно: мы победили страшную болезнь. Я считаю его ноги своими, а он считает своими мои руки, потому что тогда он получал ощущения только через них.

Когда Иисус рассказывал о жизни христианина, Его слова больше походили на предостережение, чем на рекламную агитку. Он говорил о том, что нужно взвесить все «за» и «против», что нужно продать все, «взять крест свой» и следовать за Ним. Меня удивляли Его слова, но теперь-то я вижу: Он просто хотел подчеркнуть, что нужно быть верным Телу. Если использовать биологические термины, то можно сказать: каждая отдельная клетка должна служить всему организму. Иногда, чтобы следовать за Главой, приходится в определенной степени отречься от себя, даже испытывать боль. Но жизнь (например, этот случай с Саданом) научила меня, что, только служа другим, можно обрести себя, получить высшее удовлетворение. Бог призывает нас к самоотречению не ради самоотречения, но для того, чтобы, отречьшись от себя, мы смогли получить награду, которую никак иначе не получишь.

В нашем обществе поощряют самодовольство, самокопание и самодостаточность. Но, по словам Христа, я смогу обрести жизнь, лишь потеряв ее! Только предоставив себя всему Телу в «жертву живую», только будучи верным Ему, я смогу обрести цель жизни.

Думая о жизни служителя, мы представляем себе жизнь почти мученическую. Но на деле Бог призывает нас отречься от себя для того, чтобы обрести жизнь с избытком! Взамен мы получаем только блага: с нас счищается корка эгоизма и остается только любовь Божия, которую являют миру наши руки, и в результате такого добротворения мы все больше уподобляемся Ему. Генри Драммонд сказал: «Если ты отказываешься отречься себя, то так и останешься не самоотреченным».

Суть служения можно познать, только наблюдая за служителями, — она не открывается в абстрактных спорах и рассуждениях. Я вспоминаю очень странного на вид француза, которого звали Авва Пьер. Он приехал в Веллор в лечебницу для прокаженных в простом монашеском платье со свернутым одеялом и холщовой сумкой. Это было все его имущество. Я пригласил его остановиться у меня, где он и рассказал мне свою историю.

После Второй мировой войны его, фриара-католика, послали работать с парижскими нищими. В те времена нищим негде было укрыться от холода, зимой они замерзали насмерть прямо на улицах. Авва Пьер начал с того, что попытался мобилизовать общественность на борьбу с нищетой. Но у него ничего не вышло. Он решил:

единственный выход — организовать нищих, чтобы они сами себе помогали. Он учил их, как лучше выполнять традиционную работу — собирать пустые бутылки и утильсырьё. Нищие разбились на бригады, поделили город на сектора. Потом он помог им построить склад из обломков кирпичей и создать целое предприятие по сортировке стеклотары, поступающей из больших отелей и предприятий. И, наконец, каждому из нищих Авва Пьер вменил в обязанность помогать другому нищему — тому, который еще беднее. Проект оказался в высшей степени успешным. Была создана целая организация - «Эммаус», которая продолжила дело Аввы Пьера в других странах.

Много лет он проработал в Париже — там не осталось нищих. И теперь, как ему казалось, организации грозит серьезный кризис.

«Мне необходимо найти кого-нибудь, кому мои нищие смогли бы помогать!» — заявил он и начал искать обездоленных в других уголках мира. Во время одного из таких путешествий он и попал в Веллор. В заключение он поделился своими трудностями: «Если мне не удастся найти кого-нибудь, кому гораздо хуже, чем моим нищим, то движение замкнется само на себе. Они станут сильной, процветающей организацией, но потеряют духовное влияние на людей! Им некому будет служить». Мы вышли из дома и направились к студенческому общежитию. Но в голове у меня по-прежнему звучали слова Аввы: «Мне нужно найти кого-нибудь, кому мои нищие смогли бы помочь».

У студентов-медиков в Веллоре была традиция, о которой я всегда заранее предупреждал гостей. Перед обедом гости вставали и говорили несколько слов о себе и причинах своего приезда. Как и все студенты, наши были легкомысленны и веселы, и у них было негласное правило: слушать говорящего только три минуты. Если гость слишком затягивал свое приветствие, они начинали топтать ногами, стараясь заставить его закончить речь.

Итак, перед обедом Авва Пьер встал, и я представил его студентам. Я видел: индийские студенты смотрели на него оценивающим взглядом — маленький человечек с большим носом, не очень привлекательный, в старой сутане. Пьер начал говорить на французском языке. Наш сотрудник Хайнц и я переводили его речь. Оба мы не были сильны во французском, потому что в Индии на нем практически не говорили — мы могли лишь время от времени кратко пересказывать слова гостя.

Авва Пьер сначала говорил медленно, но потом оживился — слова вылетали у него изо рта со скоростью пулеметной очереди. Предложения наезжали одно на другое, он размахивал руками. Мне было очень неловко, потому что он решил рассказать всю историю движения с самого начала. И я знал, что очень скоро студенты шумом заставят замолчать этого великого смиренного человека. Что было еще хуже: он говорил так быстро, что мне удавалось переводить лишь отдельные отрывки его речи. Только что он посетил штаб-квартиру ООН и слышал там, как знаменитые люди изысканным, красивым языком стараются говорить гадости о чужих странах. Пьер же объяснял: вам не нужны слова, чтобы показать свою любовь. Слова нужны только для выражения ненависти. Язык любви — это поступки. Потом он стал говорить еще быстрее... и еще быстрее... мы с Хайнцем лишь беспомощно переглядывались.

Истекли три минуты. Я окинул взглядом комнату. Никто даже не шелохнулся. Индийские студенты впились в Авву Пьера своими черными пронзительными глазами. Лица их были напряжены. Пьер все говорил и говорил. Никто его не перебивал. Через двадцать минут Авва Пьер сел, и тут студенты разразились громом оваций. Такого в стенах этого зала еще не слышали.

Я ничего не понимал. Пришлось задать вопрос одному из студентов: «Как вы смогли понять его? Ведь никто из вас не говорит по-французски!»

Студент ответил мне: «Нам не нужен был язык. Мы чувствовали присутствие Божие. Мы чувствовали любовь».

Авва Пьер хорошо знал, что верность и дисциплина в служении — залог здоровья Тела. Он приехал в Индию и нашел здесь прокаженных — тех, кому было еще хуже, чем его нищим. Отыскав их, он исполнился любовью и радостью. Он вернулся во Францию к своим нищим, которые вместе с «Эммаусом» стали собирать деньги, чтобы можно было открыть в клинике еще одну палату. Они нашли тех, кому нужна была их помощь, таким образом, духовная цель их жизни не иссякла. Так и процветает движение «Эммаус» — слуга Тела Христова.

7. Неповиновение

В век грандиозных научно-технических достижений люди все меньше обращаются за помощью друг к другу. Мы все время пытаемся уединиться, не допустить других в свою личную жизнь, а в результате — все больше и больше отдаляемся от своих близких, становимся все более и более одинокими.

Филип Слейтер

На железнодорожном вокзале в городе Мадрасе мне на глаза попалась нищенка, которая выглядела самой жалкой из всех просивших милостыню. Она лежала прямо в проходе — там, где толпы людей постоянно спешили к отходящим поездам. Мимо нее проходили важные бизнесмены с кейсами, приехавшие за новыми впечатлениями туристы, серьезные государственные служащие.

Как и большинство нищих, которых в Индии очень много, эта женщина была очень худой: с впалыми щеками, провалившимися глазами — прямо-таки кости, обтянутые кожей. Но вот какой парадокс: сбоку вплотную к ней лежала огромная бесформенная масса, покрытая пухлой кожей, — округлая и лоснящаяся, как сарделька. Она напоминала новорожденного ребенка какой-то неправильной формы. Масса соединялась с телом женщины широким мостом из кожи. Нищенка выставила напоказ свой бок, обезображенный этой бесформенной уродливой массой, чтобы привлечь к себе внимание и вызвать у проходящих жалость. Я бросил на женщину мимолетный взгляд, но сразу определил: у нее липома — жировая опухоль. Эта опухоль принадлежала женщине и в то же время нет: будто бы какой-то хирург извлек жировую ткань у сотни человек, обернул ее живой кожей и искусно пришил к телу этой женщины. Было ясно, что она умирает от голода: ее протянутая рука была обращена к людям за подаванием. А вот опухоль расцветала буйным цветом: ее вес был приблизительно такой же, как и вес тела женщины. Липома сверкала на солнце, излучая здоровье. Она вытягивала из своей хозяйки последние жизненные силы.

Юетки жировой ткани. Опухоль мадрасской нищенки целиком состояла из этих клеток, пустившихся в безудержный разгул. В культуре людей Запада, так много места уделяющей стройности человеческой фигуры, само слово «жир» подразумевает недостаток самодисциплины. Считается, что жир — это недопустимое накопление клеток, число которых должно быть сокращено.

А вот хирург, разрезающий ножом кожу и воочию наблюдающий все открывшиеся слои жировых клеток, видит следующее: истинное зло, которое может быть причинено организму, зависит не от количества клеток, а от типа самого жира. Жир защищает организм от переохлаждения, поэтому миллиарды жировых клеток живут и функционируют прямо под кожей. (По этой причине долгое пребывание на холодном воздухе или в холодной воде полными людьми переносится лучше, чем худыми). Жировые клетки «разбивают свои палатки» повсюду, где только обнаружат свободное местечко: вокруг внутренних органов, в мышцах, между слоями тела. Они защищают жизненно важные органы от толчков и сотрясений.

Ничто не портит нашу внешность так сильно, как полнота. Почему фигурки молоденьких девушек так радуют глаз? В их организме жировые клетки заполняют неровности костной и мускульной ткани, что делает их кожу гладкой и ровной. Лишнего жира у них нет.

Но к числу функций жира относятся не только защита от ударов и придание гладких очертаний. Каждая жировая клеточка — это склад, хранящий запасы желтых шариков масла, необходимого ядрам всех клеток. Большую часть времени клетки дремлют, так как тело получает необходимое количество топлива из пищи. Допустим, некоторые женщины, в организме которых огромное количество жировых клеток, могут посидеть какое-то время на диете. Именно это и есть самая стратегически важная функция жира.

Когда все в порядке, тело получает достаточно пищи для поддержания своих функций, роста и замены отработанных клеток. Но если поступления пищи ограничиваются, например человек вдруг решил отказаться от ужина, — соответствующий сигнал поступает к жировым клеткам. Тогда к печени, испытывающей недостаток гликогена, и к крови, испытывающей недостаток глюкозы, устремляются жировые клетки, наполненные своим бесценным маслом. Являясь складом организма, жировые клетки намного облегчают работу других клеток. Например, если бы мышечным клеткам пришлось самим хранить запасы необходимой энергии в каких-то специальных мешочках, представьте себе, какими бы уродливыми были наши тела: все в комках и выпирающих узелках.

Некоторое количество жира всегда находится наготове: оно расходуется в первую очередь, когда человек садится на диету. Другой жир, такой, например, как жир вокруг почек или на ладонях рук, никогда не расходуется, так как у него есть вторичная очень важная функция. Однако когда организм голодает длительное время, и эти приоритетные жировые клеточки расстаются со своим бесценным содержимым.

Я называю жировые клетки банкирами нашего тела. Во времена расцвета они, как полные кошельки, раздуваются до предела, потому что организм делает «взнос» больше, чем «снимает со счета». В тяжелые времена они прорывают каналчик и спускают по нему свое содержимое в общий поток.

Иногда в организме может произойти страшная вещь — нарушение функций клеток. В результате этого появляется жировая опухоль — липома, как у женщины-нищенки на вокзале в Мадрасе. Липома — это неопасное доброкачественное новообразование. Оно берет свое начало от одной-единственной жировой клетки. Эта клетка привыкла играть роль хранилища запасов жира. Она долгое время находилась в неподвижном состоянии и... обленилась. И когда возникла необходимость доставить запасы в нужное место, она не захотела этого делать — отказалась работать на свой родной организм. Ее привычным занятием было принимать вклады, а выдавать требуемые суммы ей уже не захотелось. А так как эта клетка размножалась, то и ее дочерние клеточки следовали исходящим от нее указаниям ничего не делать. Опухоль разрасталась, как гриб, заполняя собой все щели, повисая на мускулах и внутренних органах. Иногда липома может распространиться на жизненно важный орган, например глаз. Тогда она выдавливает его из орбиты или затрагивает чувствительный нерв — здесь уже необходимо хирургическое вмешательство.

Я не раз удалял такие новообразования. Под микроскопом видно, что они состоят из здоровых жировых клеток, наполненных поблескивающим маслом. Эти клетки функционируют великолепно, но у них есть один недостаток: они прекращают подчиняться требованиям тела, т.е. перестают обращать внимание на его потребности. Женщина на вокзале в Мадрасе — типичный пример: она все больше и больше голодала, а липома, будучи ее же неотъемлемой частью, обжиралась.

Опухоль считается неопасной, если ее влияние на организм строго ограничено и она остается в пределах оболочки. Но опухоли могут разрастаться до очень большой величины, если вышедшие из повиновения клетки игнорируют всяческие запреты. Они размножаются совершенно бесконтрольно, распространяясь по организму с большой

скоростью, и буквально душат нормальные клетки. Белые клеточки, всегда готовые выступить против неприятеля, никогда не атакуют клетки собственного тела. (Обычно врачи больше опасаются другого нарушения функций; оно называется раком.) По каким-то совершенно непонятным причинам эти клетки — а ими могут быть клетки мозга, печени, почек, костной ткани, крови, кожи и других тканей — становятся неуправляемыми, выходят из-под контроля. Каждая из них — здоровая, функционирующая клетка. Но она больше не повинует требованиям организма, не координирует свои действия с другими клетками.

Даже белые клетки, играющие роль охранников тела, так преданно служащие ему, могут стать его разрушителями, выйдя из повиновения. Иногда они вдруг начинают безудержно размножаться, образуя затор на пути продвижения крови или создавая непомерную нагрузку в лимфатической системе. Тогда они уже нарушают нормальное функционирование организма - начинается лейкемия.

Я хирург, а не пророк, поэтому мне очень страшно брать на себя ответственность и говорить о параллели между раковой опухолью в человеческом теле и бунтом в духовном Телес Христовом. Но я обязан сказать об этом. Предостерегая церковь, Иисус Христос не волновался из-за того, что внешние силы будут оставлять на Его Телес синяки и царапины. «Врата ада не одолеют ее (церковь)», — однозначно сказал Он (Мф. 16:18). Он свободно и без страха общался с грешниками и преступниками. Но Он громогласно предостерегал против внутреннего раскола в Телес.

Я хочу сказать о том, как я — отдельная клетка Телес -должен реагировать на вопиющие нужды, которые испытывает Телес Христово в отдаленных уголках земли. Я не имею права выходить за эти рамки и делать голословные выводы о том, как должны реагировать на страдания братьев другие христиане.

Но, с точки зрения миссионера, который 18 лет провел в одной из беднейших стран на земле, хочу сказать: разрыв в благосостоянии развитых и развивающихся стран громаден. В Веллоре на каждого больного проказой пациента мы тратили три доллара в год. Тем не менее, мы не в состоянии были принять в клинику всех желающих — не хватало денег. Потом мы переехали в Америку. Здесь церкви горячо обсуждали, какой спортивный зал можно построить при церкви на имеющийся миллион долларов, сколько стоит разбить новые лужайки и клумбы около церкви, какие удобрения при этом использовать и во что обойдется новый шпиль. Церкви спонсировали для своих членов семинары о том, как лучше обойти налоги. Я видел, сколько денег эти церкви выделяют на миссионерскую работу, и перед глазами вставала женщина, умиравшая от голода на улице Мадраса, в то время как ее липома росла и округлялась.

Я не хочу сказать, что это — чисто американская или чисто западная проблема. Подобные примеры можно найти в любой стране: в Африке, России, в имущественном разрыве между индийскими христианами. Предостережение обращено ко всем. Я же хочу предупредить как врач: запомните, тело будет здоровым, если каждая клетка помогает нуждам всего тела.

Возможно, мы на Западе включаемся в конкурентную гонку, стараясь обойти другие «клетки» и становясь слепыми к острым нуждам остальной части мира. Владение имуществом и деньгами — не грех для членов Телес Христова. Напротив, это очень важная функция, которую выполняют отдельные части тела. И когда я сравниваю богатых людей с жировыми клетками, то говорю об этом доброжелательно, как врач, хорошо понимающий роль жировых тканей в организме. Богатым легче быть щедрыми и гостеприимными. Запасы помогают телу заботиться о себе самом и дают энергию

мышечным тканям, которым приходится много трудиться в мире, полном нужды. Но, к сожалению, как в биологии, так и в религии, очень трудно контролировать лишний вес.

Я лишь назову вам некоторые цифры, а делать выводы предоставляю самим.

Во-первых, богатство имеет не только материальную основу. Девяносто процентов «штатных» христианских работников всего мира трудятся в Северной Америке, где проживает лишь 10 % всего населения земного шара. В воскресное утро в Луизиане можно легко найти не менее десяти радиотрансляций из залов богослужения. Но есть в мире страны, которые еще не слышали христианской вести.

Во-вторых, представьте себе, что в мире живет всего 1000 человек.

Итак, в нашем городке с населением в 1000 человек —

180 живут на холме, считающемся развитым миром;

820 живут на каменистом предгорье, называемом остальной частью мира.

У 180 счастливиц с горы сконцентрировано 80 % богатств городка, около половины всех комнат — по две на человека, 85 % всех автомобилей, 80 % всех телевизоров и 93 % телефонных аппаратов. Их среднегодовой доход — \$5000 в год на человека.

820 неудачников получают только по \$700 в год. А очень многие — и меньше \$75. Живут они по пяти человек в комнате.

Как же счастливицы с горы используют свое богатство? В целом они используют меньше 1 % своих доходов на то, чтобы помочь жителям низины. Например, в Соединенных Штатах каждые заработанные \$100 распределяются следующим образом:

\$18.30 на еду

\$6.60 на отдых и развлечения

\$5.80 на одежду

\$ 2.40 на спиртные напитки

\$1.50 на сигареты

\$ 1.30 на пожертвования религиозным и благотворительным организациям, причем лишь малая часть этих пожертвований покидает границы США¹.

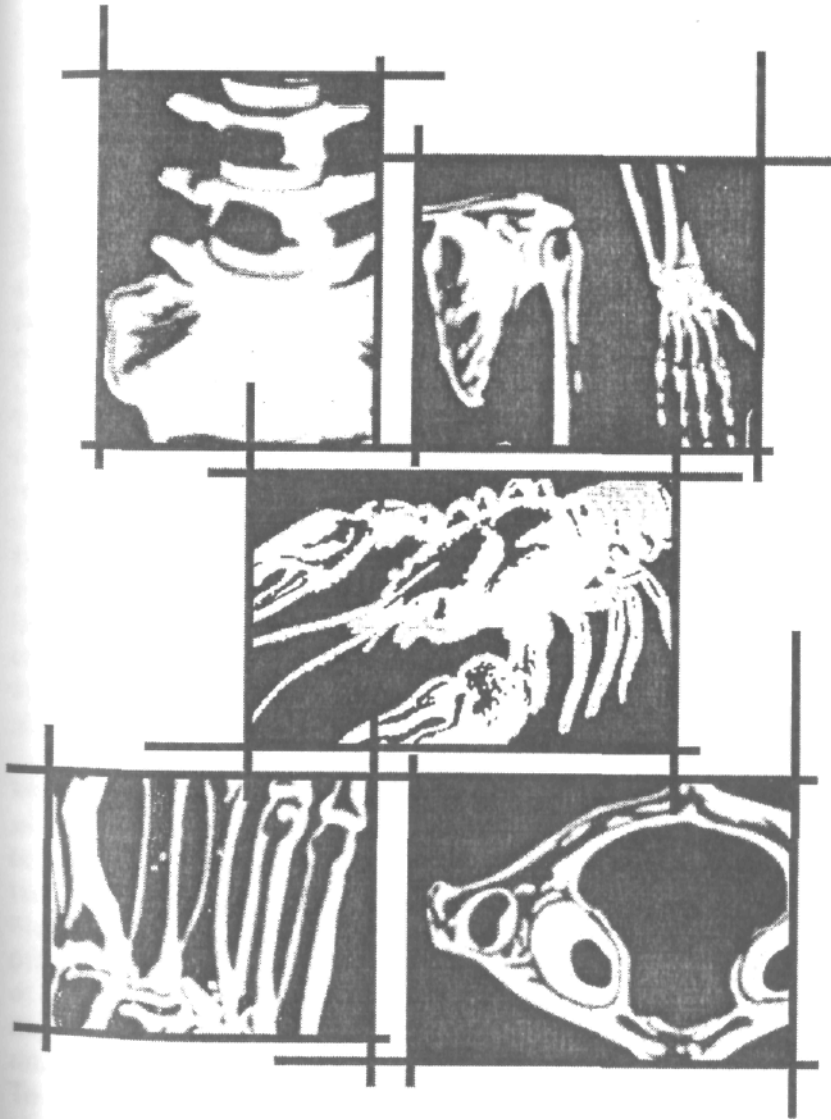
Что же жители густонаселенной низины — одна треть из которых страдает от недоедания, — думают о стоящих на вершине холма?

Я понимаю, в решении этого вопроса задействованы сложные экономические и социальные факторы. Но меня поражает, как решительно ранняя церковь помогала нуждающимся: апостол Павел тратил целые месяцы, чтобы собрать среди Греческих христиан деньги в помощь обнищавшим иерусалимским братьям.

Мы должны внимательно посмотреть на себя. Богу в Теле Христовом нужны разные виды клеток: толстые и тонкие, богатые и бедные, простые и сложные. Но в целом Ему нужны лишь верные Телу клетки. Что касается использования дарованных нам средств, то на эту тему Иисус сказал очень много слов, от которых нам становится не по себе.

Упаси нас, Боже, стать раковыми клетками в организме!

КОСТЬ

8. Внутренняя опора

Кость — это сила. Именно к кости прикрепляются все мягкие части — без нее они беспомощны. Именно кость удерживает их, делает прочными, не дает разрушиться. Без этой опоры человек болтался бы по Земле, подвергаемый воздействию всех ветров.

Ричард Сельзер

Мрачный дом напоминал мне место действия фильма ужасов. Каждое утро я продвигался на ощупь по его темным узким коридорам, поднимался по крутой лестнице и попадал на заброшенный чердак. Там я отыскивал пыльные ящики, содержимым которых были кости шести сотен скелетов. День за днем я перетаскивал по несколько ящиков в тускло освещенную комнату со скрипучими половицами и приступал к сортировке костей. В общей сложности я провел семь дней на покрытом пылью чердаке старинного дома в Копенгагене.

Этот дом был музеем доктора Мюллера Кристиансена — историка медицины. Он пригласил меня к себе, потому что эти шестьсот скелетов когда-то принадлежали людям, больным проказой. Однажды обнаружив эти кости на острове недалеко от побережья Дании и старательно изучив их, доктор Кристиансен написал выдающуюся книгу о проказе. Те из нас, кто был тесно связан с этой болезнью, с трудом могли поверить, что он не осмотрел ни одного живого больного. Все его заключения по поводу болезни были сделаны лишь на основании исследования пятисотлетних скелетов, хранящихся на чердаке. И, несмотря на это, его работа пролила свет на многие тайны, имеющие отношение к данному заболеванию. Им были внесены бесценные предложения по его лечению.

Когда доктор Кристиансен копался в этих громающих костях, он напоминал ребенка, перебирающего любимые игрушки. Он с гордостью демонстрировал своих любимцев. У многих черепов не хватало зубов в связи с тем, что проказа атакует в первую очередь те участки тела, которые больше всего подвергаются воздействию холода. Вдвоем мы исследовали кости ног и рук, постоянно обсуждая, какие раны могли привести к тем или иным повреждениям костной ткани.

Как-то я работал на чердаке один и неожиданно наткнулся на несколько ящиков со скелетами, найденными в старом монастыре. Мне сразу же вспомнилась лекция антрополога Маргарет Мид, услышанная мною, когда я еще был студентом. Маргарет большую часть жизни провела, изучая первобытные культуры. Тогда она задала нам вопрос: «Что является первым свидетельством цивилизации? Глиняный горшок? Добытое железо? Созданные руками человека инструменты? Сельское хозяйство? Нет и нет». По ее глубокому убеждению, свидетельством настоящей цивилизации является найденное излеченное бедро, точнее — бедренная кость человеческой ноги, которую она нам и продемонстрировала прямо в аудитории. Она пояснила: подобные свидетельства врачевания никогда не были обнаружены у живших в то же время племен варваров. При раскопках было найдено множество примеров насильственного вторжения захватчиков: церковные стены, пробитые стрелами; черепа, разможенные дубинками. А вот излеченная бедренная кость показывает, что кто-то позаботился о раненом человеке: нашел его, принес в свое жилище, а потом кормил и выхаживал, рискуя собственной жизнью. Это и есть цивилизация. Племена варваров не были способны на такое милосердие. И вот Я обнаружил такие же вылеченные кости среди скелетов, найденных в

монастырском дворе. Позже я узнал от доктора Кристиансена, что лечением раненых занимались монахи. Среди них действовал неписанный закон оказания помощи. На этот факт пролили свет тонкие зарубцевавшиеся полосочки на скелетах, обнаруженных пятьсот лет спустя. Они были в тех местах, где пораженные инфекцией кости сначала расслоились в результате эрозии, а затем снова срослись.

Через неделю я распрощался с этим угрюмым чердаком. У меня было такое чувство, будто я присутствовал при показе слайдов про древние цивилизации. Помогли мне в этом едва заметные выступы и бороздки на поверхности костей, эксгумированных из тлена истории. Они научили меня очень многому. Лица, волосы, одежда — все эти очевидные составляющие человеческой культуры — давно истлели. Остались кости — единственное напоминание об ушедшей цивилизации.

Например, громоздкие кости таза сразу же выдают пол их обладателя. Широкие, короткие косточки с ровной внутренней поверхностью, конечно же, принадлежат женщине. Овальное отверстие между ними точно рассчитано под размер и форму головы проходящего через него ребенка, рождающегося на свет. Лежащие рядом тазовые кости — мужские: они — более узкие, более тяжелые, и отверстие между ними напоминает форму сердца. На внутреннем срезе этих костей обнаруживаются твердые, шишкообразные выступы в тех местах, где были прикреплены мышцы и связки¹.

Более детальное изучение костей, хранящихся в Копенгагене, показывает: поверхности костей не бывают ровными. В основном, они шероховатые, испещренные бороздками для кровеносных сосудов, а в некоторых местах — гладкие, как бы отполированные для удобного скольжения по ним сухожилий. Даже толщина кости может открыть тайну: как эта косточка использовалась. Метатели дисков и штангисты обладают самыми плотными костями, потому что из-за постоянных тренировок кость поглощает больше кальция, необходимого для ее укрепления. Если очень тщательно рассматривать под микроскопом контуры, возникшие в результате нагрузки, испытываемой человеком при жизни, можно даже установить род его занятий. У наездника остаются совершенно четкие отпечатки на костях ног и таза. У носильщика, перетаскивающего тяжелые чемоданы в правой руке, остаются следы от сильной нагрузки на бедро и плече.

Шекспир сказал: «Добро, совершаемое людьми, откладывается в их костях». Там откладывается больше, чем совершенное добро. Существует специальная процедура — судебно-медицинская экспертиза, — которая разгадывает тайны, спрятанные в том числе и в человеческих костях. Эксперты могут определить возраст скелета по твердости или «окостенению» костного хряща. Так, в пятнадцатилетнем возрасте у нас полностью формируется ступня; в двадцать пять лет ключица срастается с грудиной; в сорок лет три четверти от общего количества костей черепа срастаются.

С помощью простейших лабораторных исследований было обнаружено, из чего состоит кость. При обжиге кости на огне все органические вещества сгорают, и остается та же самая форма и тот же внешний вид кости, но теперь уже состоящей только из минералов. Если высушивать кость в течение длительного времени, то ее можно будет легко раскрошить пальцами.

¹ Женщины-бегуны всегда отставали от мужчин-бегунов. Причина этого кроется в костях таза. Выступы на тазовых костях мужчины позволяют иметь более мощные мускулы. А если бы женщина была снабжена такими мускулами, она не смогла бы выносить ребенка. Так же и вертлужные впадины на бедрах у мужчин расположены ближе друг к другу и ближе к центру тяжести, что обеспечивает более рациональное движение. Если бы кости женщины были устроены таким же образом, то не было бы места для прохождения головки ребенка. Итак, кости женщин и мужчин разные: они отвечают различным требованиям. Если женщина захочет, она может быстрее бежать, меньше покачивать бедрами при ходьбе, иметь более узкое основание — но она должна помнить: выживание человеческой расы целиком зависит от той формы, которую она имеет.

А вот соляная кислота действует наоборот: она растворяет все минералы, оставляя органическую коллагеновую субстанцию, опять же сохраняя при этом первоначальную форму кости. Полученный объект выглядит точно так же — но это уже не кость. Он потерял свою прочность и больше не может поддерживать большую массу тела. Такую косточку можно завязать узлом, и после развязывания она, будто сжатая пружинка, вернется в первоначальное положение. (Коллагеновая ткань делает на удивление эластичной даже необработанную кость: арабские дети играют в лук и стрелы, сделанные из ребер верблюдов). Мелкозернистая структура и клейкое вещество — вот составные части кости. И нуждаемся мы в них обеих одинаково.

До сих пор ни один исследователь не придумал еще материал, так же хорошо отвечающий всем потребностям организма, как кость, составляющая при этом всего одну пятую часть веса тела. Еще в 1867 году один инженер доказал: расположение клеток в костной ткани образует самую легкую из всех существующих структур, достаточную для поддержания массы тела. Эта структура выполнена из легчайшего материала. Никто пока не смог опровергнуть его доказательств. Единственный твердый материал в нашем теле — кость. Она обладает невероятной прочностью, способной защитить и поддержать любую клетку. Иногда мы оказываем на свои кости огромное давление, например, при приземлении прыгуна с шестом — и кость срабатывает, как стальная пружина. В другой раз мы изо всех сил растягиваем свои кости, например, когда поднимаем тяжелые чемоданы, — и кость опять действует, как пружина.

Для сравнения: дерево не может перенести даже меньшее усилие натяжения и не выдерживает такое усилие сжатия, которое выдерживает кость. У прыгуна с шестом шест может треснуть и переломиться в самый неподходящий момент. Сталь, обладающая такой же прочностью, в три раза тяжелее кости — она тянула бы нас вниз как непосильная ноша.

Наше экономное тело воспользовалось выдерживающей громадные нагрузки костью. Мало того, оно еще и сделало кость пустотелой. Для этого был использован архитектурный принцип уменьшения массы, на открытие которого людям потребовались тысячелетия. Затем тело придумало разместить в свободном месте внутри кости фабрику по производству красных кровяных шариков, производительность которой — триллион шариков ежедневно. Кость оберегает нашу жизнь.

На меня произвела очень сильное впечатление костная конструкция стопы ноги, состоящая из малюсеньких, напоминающих драгоценные камни, матовых щепочек. В каждой ноге имеется двадцать шесть таких косточек, столько же их и в каждой руке. Футболисты во время матча подвергают эти крошечные косточки нагрузке, в общей сложности составляющей тысячу тонн на одну ногу. И эти живучие кости выдерживают такую нагрузку благодаря своей эластичности. Не каждый из нас носит по футбольному полю и бьет по мячу, но все мы в течение жизни проходим расстояние, которое в два с половиной раза больше окружности Земли. Масса нашего тела равномерно распределяется по костным перекрытиям, просто идеальным с архитектурной точки зрения. Они имеют такой же принцип действия, как пружины. Гибкие колени и локти поглощают нагрузку. К сожалению, постепенно мы принуждаем свои ноги принимать форму модной обуви, ковыляем на высоких каблуках, тем самым добровольно лишая себя огромных преимуществ этой удивительно сбалансированной конструкции.

Сила кости — спокойная, очень незаметная. Она служит нам верой и правдой, не трубя об этом в фанфары. Мы обращаем на нее внимание, только когда допускаем воздействие превышающей все допустимые нормы грубой силы, что приводит к перелому кости.

Чтобы оценить значимость этой невидимой опоры, которую каждый из нас носит внутри себя, мы должны тщательно исследовать все природные процессы, происходящие в скелетной ткани. Это крайне увлекательно. Большая часть твердых земных поверхностей — осадочные скальные породы. Они достались нам в наследство от микроскопически малых существ, умерших и спрессовавшихся друг с другом. Их сцементировавшиеся скелеты и образовали скальную породу. Из этих примитивнейших существ, пожалуй, самые совершенные — простейшие, живущие в соленой воде. Они называются радиолярии.

Вспомните самый красивый в вашей жизни снегопад: морозный зимний день — и огромные, чистейшие снежинки, похожие на пух, медленно опускаются на землю, кружа в воздухе. У снежинки всего шесть граней, но множество симметричных острых выступов. Это и придает ей неповторимое очарование. А теперь представьте трехмерную снежинку с сотней кристалликов, растущих из центра. Это и есть скелет радиолярии, миллиарды представителей которой живут в океанах.

Океан — место, где очень легко оказаться чьей-то пищей. Поэтому скелеты морских обитателей часто служат им не столько средством передвижения, сколько защитой. Такие животные, как радиолярии, моллюски, гребешки, наutilusы, крабы, омары и морские звезды, используют собственные скелеты в качестве убежища.

На земле же, где огромное воздействие оказывает сила притяжения, движение — это все. Только бегающий быстрее всех заяц ускользает от волка; только самая быстроногая пантера лакомится на обед пойманной газелью. Несколько миллионов представителей наземного мира подражают своим океаническим собратьям, пользуясь наружным скелетом. В основном это насекомые. Но для большинства панцирь является непосильной тяжестью. Только самые сильные могут постоянно таскать его на себе. А самые крупные насекомые, имеющие экзотические выступающие за пределы тела скелеты, едва ли достигают размеров самой маленькой птички или самого мелкого млекопитающего.

Итак, мы снова вернулись к противопоставлению: высший и низший. Высшие животные, называемые позвоночными, господствуют и на земле, и в воде. Только благодаря внутренним — жизнеспособным — скелетам возможны эволюционные преобразования. Больше нет опасности, что животное перерастет свой дом; оно уже не подвергается риску в самый Уязвимый период линьки. Скелет растет вместе с животным.. А благодаря бесчисленному количеству мускулов, прикрепленных к его внутренней части, можно даже совершать неслыханные доселе подвиги.

Насекомые могут бегать, прыгать и летать. Но только благодаря внутреннему скелету, в какой-то степени играющему роль парашюта, такие крупные животные, как, например, домашний скот, могут выдерживать силу земного притяжения. Только благодаря внутреннему скелету горный орел может поддерживать свои огромные, достигающие восьми метров в размахе крылья и парить часами в восходящих потоках воздуха. Только благодаря внутреннему скелету слон, оглушая окружающее пространство своим топотом, может шагать по траве, а олень — гордо нести тяжеленные рога, не склоняя головы. Без костей способы передвижения живых существ вернулись бы на самый примитивный уровень: к кольцеобразным сжатиям дождевого червя или к скольжению слизняка, передвигающегося с помощью выделяемой им самим же смазки.

Кости не давят на нас непосильным грузом; они делают нас свободными.

9. Прочность

Существует бесчисленное множество углов, натываясь на которые, мы падаем; и только один Краеугольный камень, натываясь на который, мы продолжаем стоять.

Гильберт Честертон

Люди никогда не появляются на свет без костей, но иногда человек может родиться с костными дефектами. Кости такого человека не крепкие и прочные, как у остальных, а хрупкие и ломкие. Это заболевание костной ткани, при котором в костях присутствует необходимое количество кальция, но совершенно отсутствует органический материал, скрепляющий, точнее, сваривающий кальций в единую массу, т.е. отдельные многочисленные элементы мелкозернистой костной структуры не склеены между собой из-за отсутствия клейкого вещества. Во время рождения ребенка с таким заболеванием половина его костей ломается. Даже пеленание ребенка, страдающего этой болезнью, может вызвать переломы дюжины его хрупких косточек.

В нашей больнице в Карвилле пациентке с проказой была назначена ударная доза стероидов — в результате у нее произошло размягчение костной ткани. У нее случался перелом или трещина ступни, даже когда она просто шла быстрым шагом. Я обследовал пациентку, сделал рентгеновские снимки ее переломов и трещин и еще раз убедился: самое главное качество кости — ее прочность. Этим! кость отличается от других тканей организма. Потеряв прочность, кость становится бесполезной.

Совершенное и живое Тело Христово тоже нуждается в жестком каркасе, чтобы сохранять форму. Я считаю, что функцию каркаса выполняет церковное учение. У тела есть стержень истины, который никогда не меняется, — это законы, на которых строятся наши отношения с Богом и людьми.

Я слышу стон? Мне не почудилось? В наше время принято по-доброму улыбаться, слышав разговоры о единстве и разнообразии, о вкладе каждой отдельной клетки в жизнь тела. Но энтузиазм церкви и составителей конституции поостыл. Кости высохли, раскрошились, умерли. Им место в музейной витрине. Некоторые части тела возведены в ранг символов, например сердце стало символом дня Святого Валентина. Половые органы и мускулы обрели пристанище на страницах журналов. Руки можно увидеть только у памятников. Скелет же стал принадлежностью Дня Всех Святых — пугающие совершенно мертвые останки.

Сегодня можно с легкостью завоевать симпатию и поддержку общества, если провозглашать ценность этики Иисуса. Но Его слова о любви и дружелюбии перемежаются безапелляционными высказываниями о наших обязанностях, нашем долге, рае и аде.

Современный мир до сих пор похож на зал суда, как описывали его древние. Но Бог уже не судья. Бог не устанавливает здесь правил и не выносит справедливых решений. Напротив, Бог в сегодняшнем мире сидит на скамье подсудимых, и обвинители показывают на Него пальцами, требуют от Него ответа: почему Он допускает столько зла в мире? Как Он посмел так возвысить Своего Сына? Не все ли религии ведут к Богу? Не является ли вера личным делом каждого — поиском смысла, который у каждого происходит по-своему? Да и что это за разговоры: «Никто не приходит к Отцу, иначе как через Меня?» или «Я есмь путь, истина и жизнь»?

Приближаясь к Телу Христову, я натыкаюсь на нечто твердое — на неизменные принципы. Чтобы к этому Телу присоединиться, мне придется «сдаться» — изменить свое естество, признать, что не я решаю, как мне жить, а кто-то другой. В определенных областях жизни ограничительные законы даже полезны. Например, правила уличного движения ограничивают мою свободу (может быть, я не хочу переходить улицу на зеленый свет), но я соглашаюсь с этим небольшим неудобством. Лучше следовать правилам, чем погибнуть под колесами грузовика. Но что-то во мне восстает против правил: почему мне указывают, как себя вести?

Я натолкнулся на эти твердые принципы, когда впервые узнал о Боге. Мне сказали, что Бог совершен и не выносит греха. Характер Его требует, чтобы грех был уничтожен — любой грех. Выходит, я — враг Бога? Этот факт констатирован еще в первых главах Бытия. Он красной нитью проходит через всю Библию. Бог не может закрыть глаза на открытый бунт. Его естество требует, чтобы свершилось правосудие. Чтобы я ни делал, ничего изменить нельзя. Я должен общаться с Богом на Его условиях — моих. Он не примет.

Потом я узнал, как вершится правосудие. Бог все Сам сделал за нас, став человеком, приняв на Себя все наши грехи и все наше бунтарство. Долг человечества был выплачен, причем выплачен целиком из Божьей казны, а не из нашей. Слуге, на котором висел долг в три миллиона долларов, Иисус сказал: «Ты прощен. Больше ты ничего не должен». Блудному сыну было сказано: «Стол накрыт. Присоединяйся к пирующим. Прошлые твои грехи могут быть прощены. Главное — принимаешь ли ты то, что предлагает тебе Бог». Но даже костяк Евангелия — жесткая, неизменная его часть — похож порой на сказку. «Это слишком хорошо, чтобы быть правдой», — сказали как-то Джорджу МакДоналду. «Нет, — ответил он. — Самое хорошее и есть правда». Путь назад к Богу труден. Но труден лишь потому, что путь этот — только один.

Не я, а более сведущие в вопросах богословия люди должны разъяснять и истолковывать нам такие специфические понятия. В наше время участились нападки церкви на существующие законы и учения. Ситуативная этика приводит нас к такому выводу: понятие «что такое хорошо и что такое плохо» чаще всего зависит от настроений и нужд человечества в данный исторический момент. Я позволю себе просто напомнить один из аспектов закона Божьего: убеждение должно быть твердым, как кость. Этого требует вера.

Что касается человеческой веры, мне вспоминается история, случившаяся много лет назад. Прежде чем начать изучать хирургию, я работал в пригороде Лондона в клинике общего профиля у своего тестя. Однажды ко мне на прием пришла женщина с целым букетом жалоб, судя по которым, можно было предположить, что у нее гастрит. После краткого осмотра я сообщил пациентке ее диагноз. Она вытаращила на меня глаза, полные страха.

Я постарался ее успокоить: «У вас нет ничего серьезного. Гастрит обнаруживается у миллионов людей. Будете принимать лекарства, соблюдать диету и скоро почувствуете себя лучше». Но страх не исчез с ее лица. На мои слова «скоро почувствуете себя лучше» она отреагировала так, как будто я сказал: «Ваша болезнь смертельна».

Она высказала сомнение по поводу диагноза. Я успокоил ее и пообещал сделать дополнительные обследования. Она снова повторила мне свои жалобы, все время спрашивая: «А Вы уверены? А Вы точно знаете?» Мне не оставалось ничего другого, как назначить ей полное рентгеновское обследование с предварительным приемом бария.

Получив результаты обследования, я убедился: у женщины точно гастрит. Я снова встретился с ней. Она сидела напротив меня и дрожала. Я старался говорить спокойным, но вполне авторитетным тоном: «Совершенно очевидно, что ваш диагноз — гастрит. Никаких сомнений нет. Я установил его сразу, а сейчас результаты обследования подтвердили мои слова. Это заболевание хроническое. Вы должны будете постоянно соблюдать диету и принимать лекарства. Но страшного ничего нет. У Вас нет ни малейшей причины для беспокойства».

Женщина уставилась на меня каким-то пронизывающим насквозь взглядом, — она словно хотела заглянуть ко мне в душу. Это продолжалось с минуту. Из всех сил я старался выдержать ее пристальный взгляд. Мне казалось: если я отведу глаза, женщина начнет сомневаться в моих словах. Наконец она опустила глаза и глубоко вздохнула. Впервые напряжение спало с ее лица. Она как-то нервно глотнула воздух и сказала: «Спасибо, доктор. А я была уверена, что у меня рак. Я могу поверить только врачу, которому можно доверять. Думаю, Вам я могу доверять».

Она рассказала мне историю своей матери, которая долго страдала от тяжелой болезни. «В одну из особенно мучительных ночей, когда мама беспрерывно стонала, прижимая руки к животу, и ее всю трясло, я вызвала лечащего врача. Я сказала, что маме очень плохо. Доктор пришел. Мама спросила у него: «Доктор, скажите честно: мне станет лучше или нет. Я себя очень плохо чувствую. Я так сильно похудела... мне кажется, что я умираю».

Врач положил руку маме на плечо, посмотрел на нее очень нежно и сказал: «Я знаю, как Вы себя чувствуете. Вам ведь нестерпимо больно? Но мы Вас вылечим — у Вас просто-напросто гастрит. Принимайте вот это лекарство, успокаивающие таблетки и непременно встанете на ноги. Очень скоро Вы почувствуете себя лучше. Не беспокойтесь. Поверьте мне». Мама улыбнулась и поблагодарила его. Я была переполнена счастьем от доброты врача.

В коридоре, где мама его уже не слышала, он повернулся ко мне и сказал серьезным голосом: «Должен Вам сообщить, что жить Вашей маме осталось один-два дня. У нее рак желудка самой тяжелой стадии. Если вы будете давать ей транквилизаторы, то она скончается без особой боли. Если есть кто-то, кого Вы должны поставить в известность...»

Я перебила его на полуслове. «Но доктор! Вы же сказали, что она поправится!»

«Да, так лучше! — ответил он. — Она не будет знать и не будет волноваться. Скорее всего, она умрет во сне». Он был прав: мама умерла той же ночью».

Моя пациентка, женщина средних лет, почувствовав боли в желудке, сначала обратилась к тому же врачу. Он положил руку ей на плечо и нежно сказал: «Не беспокойтесь. Это всего-навсего гастрит. Принимайте вот это лекарство, и очень скоро вы почувствуете себя лучше». Он улыбнулся ей точно такой же отеческой улыбкой, какой улыбался ее матери. Женщина выбежала из его кабинета вся в слезах и больше никогда не обращалась к нему.

Когда люди жалуются мне на то, что законы Божьи суровы и непреклонны, я вспоминаю ту женщину. Лечащий врач своим слишком вольным обхождением с правдой разрушил возможность помочь ей. Только одно могло бы преодолеть ее тревогу и беспокойство: вера в того, кто полагается на истину, которую нельзя исказить или приукрасить.

Нередки случаи, когда солгать — удобнее, менее болезненно. Но уважение к правде нельзя немного поносить и потом снять, как пиджак. Невозможно напрячь истину и затем

расслабить, как мускул. Истина может быть либо надежной и прочной, как здоровая кость, либо бесполезной.

10. Свобода

Послушание особое средство выражения радости и единственное средство выражения особой радости.

Чарльз Уильямс

Он пришел ко мне на прием, когда я работал врачом в Англии: плотный, мускулистый уроженец шахтерского района Уэльса. Его слова никак нельзя было назвать речью образованного человека, но произносил он их с какой-то приподнятостью. «Докторам — почет и уважение», — гаркнул он, войдя в кабинет. Когда он снял свою клетчатую шерстяную рубашку, я понял причину его прихода. На его правой руке вверху вместо обычной розовой кожи виднелась какая-то закопченная сталь и кожаные ремешки. Это было самодельное приспособление в виде рамки, покрытое черной угольной пылью. Я убрал рамку. Она не являлась протезом руки -- предплечье находилось в полном порядке, а вот все пространство между локтем и плечом было каким-то отвисшим и безжизненным. В глаза бросалось очевидное отсутствие большого участка кости. Но если в результате несчастного случая на шахте пострадала верхняя часть руки этого человека, то каким же образом предплечье осталось целым и невредимым?

После тщательного изучения его медицинской карты и рентгеновских снимков головоломка разрешилась. Несколько лет назад у него была обнаружена опухоль на кости в верхней части правой руки. Результатом этой опухоли стал сложный перелом руки: большой участок кости раскололся на мелкие осколки. В ярком свете операционной его лечащий врач ловко извлек кусок живой кости длиной сантиметров в двадцать и затем зашил связки и кожу на этом участке. Пока шахтер лежал в больнице, выздоравливая после операции, его рука, лишенная кости, выглядела вполне нормальной: было совершенно незаметно, что внутри нее что-то изменилось.

Изменения стали явными сразу же, когда мужчина попытался что-то поднять в ладони согнутой руки. Мышцы его руки оставались неповрежденными и по-прежнему сильными. Наши кости и мышцы действуют сообща по триединому принципу: суставы являются точкой опоры, а две кости работают вместе с мускулами. Чтобы поднять руку вверх, бицепсы, прикрепленные к кости в верхней части руки, тянут за собой предплечье. Рука сгибается в локте — треугольник готов. Но один мускул и одна кость предплечья не составляют треугольник: а третий элемент у этого человека как раз и отсутствовал. Этим элементом должна была быть отсутствующая кость верхней части руки.

Прошли годы после операции, но каждый раз, когда шахтер напрягал бицепсы, его рука укорачивалась. Она напоминала червя, который то уменьшается, то вытягивается в длину с помощью кольцеобразных движений. Вместо прочной зафиксированной кости в руке мужчины на протяжении от локтя до плеча было пустое, ничем не заполненное пространство. Это пространство не могло заменить недостающий компонент треугольника, с помощью которого сила передавалась бы на предплечье. И вот после долгих раздумий уэльский доктор приспособил на руку шахтера грубый внешний скелет: громоздкую конструкцию из кожи и стали, состоящую из прочных стержней, простирающихся от локтя до плеча. Когда бицепсы напрягались, эти стальные стержни не позволяли верхней части руки укорачиваться: и тогда можно было поднять вверх

согнутое предплечье. Стальная рама вокруг руки выполняла те же функции, что ранее выполняла ныне отсутствующая кость руки.

Я осуществлял операции по удалению таких костей верхней части руки. В наши дни мы уже избавляемся от неудобных внешних скелетов. Мы научились устанавливать трансплантаты костной ткани внутрь руки — на освободившееся место. Костный трансплантат соединяется с верхним и нижним срезами костей, и постепенно рука приспособляется к своему новому члену. Грубый внешний держатель прослужил шахтеру верой и правдой несколько лет: с его помощью он мог продолжать заниматься тяжелым физическим трудом на шахте. Но бедняга устал каждое утро пристегивать это неудобное приспособление к своей руке. Поэтому он пришел ко мне и попросил установить ему новую кость.

Из-за своей твердости и подверженности переломам кость приобрела у нас репутацию помехи в человеческой деятельности. Наши кости не дают нам возможности пролезать в узкие отверстия, не позволяют спать на твердой поверхности. А что мешает прыгунам с трамплина прыгнуть дальше на какие-нибудь двадцать метров или горнолыжнику — овладеть еще несколькими поворотами? Последствия прошлых переломов. Человек, ломающий ногу, катаясь на лыжах, мечтает о более прочных костях. Но более прочные кости были бы толще и тяжелее: они бы еще больше ограничили катание на лыжах или сделали его просто невозможным.

Нет, эти 206 удлинённых кусочков кальция, находящихся внутри нашего тела, никоим образом не ограничивают нас. Они дают нам свободу. Так же, как рука уэльского шахтера могла двигаться только благодаря соответствующей поддержке, внешней или внутренней, так и все наши движения возможны только благодаря прочной и устойчивой кости.

Жесткость Телу Христову нужна не для того, чтобы нам труднее жилось, а для того, чтобы мы были свободны. Правила поведения приносят реальную пользу лишь потому, что они тверды, как кости.

Нравственный закон. Десять заповедей. Послушание. Правильные поступки. Частица «не» обязательно присутствует в жизни христианина, и поэтому правила мы рассматриваем как ограничение свободы. Будучи еще молодым христианином, я морщился, слышав эти слова. Но потом, когда сам стал отцом, мое отношение к сути закона изменилось. Не являются ли законы описанием реальности, сделанным Тем, Кто эту реальность сотворил? А правила человеческого поведения? Не помогают ли они нам жить радостной, полноценной жизнью?

Мне нелегко было прийти к подобным выводам. Божьи законы настолько смешались с чисто культурными запретами, что суть их не всегда ясна. Во мне они могут вызывать детские воспоминания о том, как меня ругали родители, как хотелось мне свободы — свободы от закона, а не свободы, дарованной законом.

Тем не менее я увидел, что если не заикливаться на частицах «не» Десяти заповедей, то можно будет понять истинную суть закона. Оказалось: как кости дают нам возможность свободно передвигаться в пространстве, так и правила поведения помогают нам свободно жить в обществе.

Первые четыре заповеди — это правила, регулирующие отношения человека с Богом. Не имей других богов пред лицом Моим. Не поклоняйся идолам. Не упоминай имени Моего всуе. Не забывай отвести один день недели для поклонения Мне. Чем больше я думаю об этих четырех запретах, тем больше они кажутся мне добрыми правилами.

А если бы Бог те же самые принципы изложил следующим образом:

Я так вас люблю, что отдал вам Себя. Я — истинная реальность

Я — единственный Бог, который нужен вам. Только во Мне в обретете духовное здоровье.

Я жажду следующего: непосредственного, личностного общения между Мной и каждым из вас. Вам не нужны Мои изображения. Вам не нужны деревянные иступканы, У вас есть Я. Цените это.

Я так вас люблю, что дарую вам Свое имя. Всей земле вы будете известны как «Божий народ». Цените такую честь. Не уроните своего высокого имени, оскверняя Мое имя, живя неподобающей для вас жизнью.

Я даровал вам удивительный мир, в котором можно работать, играть, наслаждаться жизнью. Но, несмотря на всю вашу занятость, отведите один день для того, чтобы вспоминать об истоках мира. Вашим телам нужен отдых, вашему духу ~ напоминание обо Мне.

Следующие шесть заповедей регулируют отношения между людьми. Первая не имеет частицы «не»: «Чтите отца и мать». Такая заповедь существовала у всех народов и во все времена. А вот и следующие пять:

Человеческая жизнь — священна. Я дал ее вам, и она обладает огромной ценностью. Берегите ее. Уважайте ее. Жизнь ~ образ Божий. Тот, кто забывает это правило и совершает святотатство — убийство, — должен быть наказан.

Самая крепкая связь между людьми — это связь мужа и жены. Я создал брак, чтобы вы больше не были одиноки. Если брачные отношения возникают вне брака, то такие отношения обесцениваются и рушатся. Место близости и секса — только в браке.

Я даровал вам собственность. Вы можете владеть вещами и распоряжаться ими. Владение собственностью — это награда. Но чтобы сохранить ее, вы обязаны уважать не только свою собственность, но и чужую. Вор нарушает право собственника.

Я — Бог истины. Отношения между людьми бывают теплыми, если строятся на истине. Ложь рвет связи между людьми. Нарушаются обещания. Люди теряют доверие друг к другу. Но вы достойны доверия, так не лгите же друг другу.

Я дал вам много даров — волов, зерно, золото, домашнюю утварь, музыкальные инструменты. Но люди всегда важнее, чем вещи. Любите людей. Пользуйтесь вещами, но не нужно ради них манипулировать людьми, использовать их в своих целях.

Если разобраться, заповеди — это остов доверия между людьми, между людьми и Богом. Бог — Добрый Пастырь — говорит, что дал нам закон, который и является путем к вечной жизни. Наш собственный бунт, начавшийся еще в Эдемском саду, мутит наш рассудок, заставляя думать, что Он — плохой пастырь, который Своими правилами старается скрыть от нас что-то хорошее.

Да, — скажете вы, — Десять заповедей можно поставить с ног на голову и найти в них нечто позитивное — «разрешительное». Но почему Бог не сказал прямо? Почему Он говорит: «Не убий. Не прелюбодействуй. Не кради...»?

Могу предложить два ответа. Во-первых, запретительная заповедь на самом деле нас гораздо меньше ограничивает, чем разрешительная. «Можете есть с любого дерева в саду, за исключением одного». Эта заповедь оставляет нам намного больше свободы, чем такая: «Вы должны есть с каждого дерева сада, начиная с того, которое растет у самого

забора в северо-западном конце сада, и дальше — по периметру». «Не прелюбодействуйте». В этой заповеди гораздо больше чувства, чем в такой: «Вы обязаны заниматься со своей женой сексом два раза в неделю между девятью и одиннадцатью часами вечера». «Не желай! имения ближнего твоего». Она дает гораздо больше свободы, чем другая: «Я устанавливаю ограничения на владение собственностью. Каждый человек может иметь по одной корове, по одному волу, по три золотых кольца...»

Во-вторых, люди еще не готовы к разрешительным заповедям. Десять заповедей -- это уроки нравственности для «младшей школы», это основополагающие законы, необходимые любому обществу. Когда же Иисус пришел на землю, Он придал более позитивное звучание этим заповедям. Цитируя Ветхий Завет, Он свел весь закон к двум: «Люби Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею, всеми силами твоими и всем разумением твоим» и «Любите ближних своих, как самого себя» (см. Л к. 10:27). Первое — это не желать собственности ближнего и не красть у него. Но совсем другое — любить его и заботиться о его семье так же, как заботишься о своей. Нравственность совершила огромный скачок — от запретов к любви (Павел подтвердил и развил эту мысль в Послании к Римлянам 13:7-10).

Нагорная проповедь Иисуса Христа подводит итог Его отношению к закону. В ней Он говорит, что Десять заповедей — это лишь необходимый минимум. Сами же заповеди указывают нам важнейшие принципы: нужно быть скромным, уважительным, избегать насилия, делиться. Потом Иисус изложил идеал социальной этики: систему, управляемую только одним законом — законом любви. К этому идеалу Он нас и зовет. Зачем? Чтобы Бог Отец мог гордиться, что Его маленький эксперимент с Землей увенчался успехом? Конечно, нет. Эти законы были даны нам не ради Бога, а ради нас самих. «Суббота для человека, а не человек для субботы», — говорил Иисус. «Познаете истину. И истина освободит вас» (Мк. 2:27; Ин. 8:32). Иисус пришел ради нашего же блага, чтобы избавить нас от насилия, алчности, похоти и соперничества. Его величайшее желание -чтобы мы стали похожи характером на Бога.

Десять заповедей были развитием костной системы зародыша, а закон любви — это развитой, крепкий, дарующий телу свободу перемещения скелет. Он позволяет Телу Христову плавно и мягко двигаться, потому что кости его соединены суставами именно в тех местах, в которых нужно.

Если вы станете исследовать лишь один из законов — будто вырвете кость из скелета, — то вас удивит его форма и нелогичность. Дело в том, что законы, как и кости, нужны для Удовлетворения сложных и связанных между собой нужд всего тела целиком. Например, как мы уже заметили, таз человека имеет очень странную форму. Но он служит нескольким целям: чтобы человек мог ходить, сидеть, чтобы защищать внутренние органы, поддерживать мышцы спины и чтобы женщины могли рожать детей. Его форма такова, чтобы ему легче было служить телу, а не главенствовать над ним. То же и с Божьими законами: они представляют сочетание конфликтующих между собой человеческих желаний и потребностей и позволяют нам жить наполненной и здоровой жизнью. Бог знает человеческие слабости и несовершенства. Он разработал догматы нашей веры и законы, которые придают нам силу и делают жизнь стабильной.

Закон требует, чтобы супруги сохраняли друг другу верность. Это правило многим кажется излишним и чересчур строгим. Чем плоха свободная любовь? Почему мужчина и женщина не могут наслаждаться друг другом без всяких ограничений? С точки зрения биологии у нас есть все необходимое для этого. Но сексуальные отношения нельзя сводить к биологии. Есть романтическая любовь, есть потребность в стабильной семье и множество других факторов. Если мы нарушим один-единственный закон, чтобы обрести

свободу сексуального самовыражения, то потеряем огромное благо: долгую близость, которая рождается только в браке. Как мы показали на примере уэльского шахтера, если убрать одну-единственную кость, нельзя будет свободно двигаться.

Я знаю людей, которым очень хочется избавиться от всех ограничений. Они похожи на испорченных детей, мечущихся от одной игрушки к другой в поисках острых ощущений. Они не понимают, что их поиски — просто-напросто бегство. Когда же они начнут платить налоги? Когда одураченная супруга узнает все? После которой по счету лжи их дети перестанут им верить? Их жизнь превращается в лабиринт из страхов и обманов. Неужели вы хотите сказать, что такой человек свободен?

И здесь я не могу не согласиться с Г. Честертоном, который сказал: «Чем больше я присматривался к христианству, тем яснее видел: оно принесло нам порядок, но лишь затем, чтобы порядок выпустил на свободу все доброе»¹. Честертон приводил в пример и секс: «Я ни за что не присоединю свой голос к ропоту нашей молодежи против единобрачия. Потому что никакие наложенные на секс ограничения не казались еще столь же странными и неожиданными, как сам секс... Хранить верность одной женщине — это малая плата за встречу с этой женщиной

Жаловаться на то, что жениться можно лишь один раз, — все равно, что жаловаться на то, что можно лишь один раз родиться на свет. Эти жалобы никак не вяжутся с тем высшим наслаждением, о котором идет речь. Эти жалобы — не показатель повышенной сексуальности, а показатель невообразимой нечувствительности к сексу. Человек — просто дурак, если жалуется, что не может войти в Эдемский сад сразу через пять ворот. Полигамия — недопонимание сути секса. Представьте себе рассеянного человека, в задумчивости срывающего с дерева пять персиков, которые он просто не в состоянии сразу съесть»².

Скелет не отличается красотой. Он нужен, чтобы тело было сильным и функциональным. Что хорошего, если я начну рассматривать свою берцовую кость и сожалеть о том, что она не может стать больше или меньше или дополниться суставом посередине? Я и не делаю этого. Благодаря ей я могу ходить, причем во время ходьбы я думаю не о том, выдержит ли она мой вес, а о том, куда мне нужно идти. Таким же образом мне следует реагировать и на основные догматы христианской веры, на законы, управляющие человеческим естеством. Они — своеобразный каркас, вокруг которого строятся взаимоотношения между Богом и людьми. Причем отношения эти оптимальны, если строятся на твердых и постоянных принципах. Естественно: мы можем нарушить все эти принципы. Можем впадать в блуд или в идолопоклонство, красть, лгать, угнетать бедных. Все это случалось в нашем мире. Результат — трещина в кости, которая может приковать к постели все тело. Главная функция костей — дать нам свободу действий. Мы становимся рабами костей только в одном случае: когда кость сломана.

11. Пост

Лучше верить в немногое, но верить убежденно и искренне; лучше медленно продвигаться собственным путем по бесконечным лабиринтам истины, чем потеряться в неисчерпаемом изобилии манящих принципов и удобных убеждений.

Генри Драммонд

Для людей в сельских районах Индии ноги — это все. Туристы, приезжающие в Индию, передвигаются, в основном, на автомобилях, да и посещают они только крупные города. А вот миссионеры стараются добраться в отдаленные деревни — туда, где нет автомобильных дорог. Единственное средство передвижения — повозки с большими колесами в стальном ободе, запряженные волами. Они очень напоминают крытые фургоны первых американских переселенцев. На них можно ехать по грязи и бездорожью, но это будет медленнее, чем идти пешком. Поэтому миссионеры предпочитают ходить.

Я хорошо знаю это, так как по роду своей деятельности мне не раз приходилось ставить таких людей на ноги после различных травм. Когда в нашу больницу в Веллоре была доставлена миссис С., ее состояние вызвало у меня большое беспокойство. Ее правая нога находилась под каким-то неестественным углом к телу, что свидетельствовало об очень серьезном переломе; платье женщины было! мокрым от сильной испарины: у нее был жар, она вся дрожала. Пациентка рассказала мне, что несколько месяцев назад с ней произошел несчастный случай: она сломала бедро. Доктор из деревни, расположенной высоко в горах, наложил гипс и велел сохранять покой. И вот на днях было проведено рентгеновское обследование, которое и установило: кость не срастается. Доктор послал женщину на консультацию в наш медицинский центр.

Миссис С., очень приятная женщина, вежливо попросила меня помочь ей поскорее вернуться обратно в деревню, чтобы продолжить свою деятельность. Ноги для нее значили очень многое.

При рентгеновском обследовании места перелома у Миссис С, я ожидал увидеть так хорошо знакомую мне костную мозоль — результат сращения костей. Мы привыкли, что в музеях и кинофильмах кости символизируют смерть, а вот хирург отлично знает, что это не так: скелет — это живой, постоянно изменяющийся орган. Когда я режу кость, она кровоточит.: Самое удивительное, что при переломах кость заживает сама.. Может быть, когда-нибудь инженерам удастся изобрести материал такой же прочный, легкий и эффективный, как кость. Но сможет ли человек придумать что-то типа кости, что постоянно бы росло, осуществляло самосмазку, не требовало отдыха и в случае поломки само ремонтировало себя?

Когда кость ломается, начинается тщательно продуманный процесс. Полчища возбужденных клеток заполняют поврежденное место. Через две недели вокруг него уже образована оболочка из хрящевой ткани, называемая костной мозолью. Затем в желеобразную массу проникают цементирующие клев точки. Эти клетки — остеобласты, заполнители пустых пространств кости. Постепенно они разрушают костную мозоль заменяют ее новой костной тканью. Через два-три месяца на месте перелома образуется участок новой кости: он слегка заходит краями на основную кость, напоминая надетые один на другой концы садового шланга. Позже излишки как бы счищаются, и окончательный новый участок кости точно совпадает с оригиналом.

Это нормальный процесс заживления кости. К моему великому удивлению, при рентгеновском обследовании я не обнаружил у миссис С. свидетельств подобного процесса. Между двумя обломанными концами кости четко выделялась чистая линия — пугающая пустота, не наблюдалось присутствия никакого материала, сваривающего сломанные концы между собой. Я решил вскрыть ногу пациентки для контрольного осмотра: никаких признаков заживления. Пришлось воспользоваться достижением науки и техники — стальной металлической пластинкой, заменяющей живую кость. Я прикрепил ее в двух местах — выше и ниже места перелома, которое, кстати, было спиралевидным. С другой стороны перелома я поместил пересаженную ткань с большой берцовой кости женщины — для образования новой костной ткани — и зашил рану.

Через несколько месяцев, которые миссис С. провела в гипсе, в инвалидной коляске и на костылях, она снова была исследована под рентгеновскими лучами. На снимке было видно, что пересаженная ткань сработала: молочное облако вновь образовавшейся растущей кости окружало место перелома. Но между самими концами сломанной кости все так же зияла пустота. Происходило что-то невероятное. Я стал подробно изучать историю болезни миссис С. Выяснилось: двадцать лет назад врач назначил ей облучение по поводу небольшой опухоли мягких тканей. Вероятнее всего, облучение убило опухоль. Но оно также убило и все жившие в тот момент костные клетки — и теперь два конца кости никак не могут срастись.

Обездвиженность сводила миссис С. с ума. Бог направил ее в то место, где ей нужны были ноги. Она очень хотела выздороветь и была уверена, что выздоровление наступит.

Я увидел во всей этой ситуации хотя бы один положительный момент: пересаженная костная ткань росла нормально. И я решился на еще одну операцию. Пространство между двумя концами сломанной кости было очень хорошо различимо, туда можно было просунуть хирургический нож. Сначала я проверил стальную пластинку. Два болта, расположенные далеко от места перелома, были затянуты не туго, их легко можно было отвернуть: организм уже начал отторгать их. А четыре другим болта рядом с переломом были крепкими, наглухо ввинченными в кость, потому что кость была мертвой. Мне пришлось попотеть, чтобы вытащить их.

Я взял еще два кусочка костной ткани: один — со второй берцовой кости миссис С., а другой — с кости таза. Я обернул сломанную кость живой костной тканью, как будто бы обложил льдом. Затем зашил рану, и мы снова стали ждать.

Миссис С. очень быстро поправилась и вернулась в свой горный поселок для продолжения миссионерской деятельности. Она вела очень активный образ жизни: ей приходилось пешком добираться в труднодоступные места, ходить по едва различимым горным тропам — ее импровизированная нога ни разу не подвела свою хозяйку. Через семь лет после второй операции я провел контрольный осмотр ее ноги. Рентген показал: первоначальный перелом так и не зажил, — между концами сломанной кости все так же проглядывал просвет. А вот похожая на раковину приживленная костная ткань, как огромный узел на дереве, связывала два конца вместе, заменяя собой отсутствующий кусок кости. Пересаженная костная ткань, выше и ниже которой была обычная кость, давала женщине возможность ходить.

Случай с миссис С. — редчайший пример того, как могут сосуществовать мертвая и живая костная ткани. Когда я сделал надрез, то обе костные ткани выглядели одинаково. Различие между ними было лишь в том, что живая ткань органически взаимодействовала со всем телом, а мертвая — нет. Миссис С. была живым человеком. Взаимодействие человека с миром — полученные стрессы и воздействие окружающей

среды — требует того, чтобы костная ткань могла обновляться. В ее случае мертвая костная ткань обновляться не могла.

Аналогию между костями организма и духовным скелетом провел пророк Иезекииль в ярчайшем отрывке из главы 37.

Читая его, мы видим, как пророк бредет по совершенно нереальной местности — по полю, полному костей, которые были «весьма сухи» (ст. 2). Бог заговорил с костями: «Кости сухие! Слушайте слово Господне!.. Обложу вас жилами и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей и введу в вас дух, — и оживете, и узнаете, что Я — Господь» (ст. 4, 6).

Кости, которые видел Иезекииль, — образ великого народа, Израиля, который вследствие духовного падения превратился в мертвый ветхий скелет. Вера в Бога и послушание Богу стали для Израиля безжизненным воспоминанием. Но даже эти сухие кости имели значение для Бога. Затаив дыхание, Иезекииль наблюдал, как кости стали сближаться, формируя скелет нового тела. Этот народ должен возродиться к новой жизни, сохранив при этом наследие прошлого и знание Бога.

Историю долгих и близких отношений с Богом можно сохранить в законах, писаниях и обрядах. Так было у еврейского народа. Ее можно сохранить в символах веры, в искусстве, архитектуре величественных соборов. Так было в Европе. Некоторые люди чтят подобные «скелеты» за их древность. Они покупают диски с мессами Моцарта и иконы. Но запомните: истинная ценность скелета видна лишь тогда, когда он входит в живой организм. Наши законы, писания, традиции и символы веры сами по себе являют миру истину. Но нужны они лишь затем, чтобы служить организму — Телу Христову.

После пересадки костной ткани нога миссис С. стала вести себя, как ей и полагалось. Несомненно: скелет костенеет, твердеет, но в то же время он растет и обновляется. Кость — живет! Каждый день она изменяется, перестраивается, движется — будто река или гора.

Те же самые стадии роста, которые я наблюдал в пересаженной миссис С. костной ткани, проходит ежедневно каждая косточка ребенка. В скелете новорожденного 350 костей, которые постепенно стягиваются вместе, образуя конечную цифру - 206. В скелете взрослого человека 206 костей. Но косточки ребенка мягкие и гибкие, они даже не похожи на кости. Не будь они такими, ребенок не смог бы появиться на свет естественным путем.

Когда я вижу на рентгеновском снимке, как твердеет кость, я тут же вспоминаю о своем собственном «скелете веры». Вера новорожденного христианина — гибка и подвижна. Он лишь смутно понимает учение о Боге, да и собственную нужду в Нем. Но с помощью Библии и братьев христиан Бог помогает скелету веры отвердеть. Остеобласты откладывают новые твердые минеральные вещества в кости. Так и вера моя твердеет, становится все надежнее. Господь стал моим Господом. Доктрины, которые были для меня далекими и формальными, превращаются в неотъемлемую часть моей жизни.

Именно христиане евангельского толка чаще всего утверждают, что ответы на все вопросы можно «закодировать» в ясном и понятном символе веры. Если же кто сомневается в основополагающих христианских доктринах, то его считают чуть ли не инопланетянином, пробравшимся в Тело Господне. На него, в свою очередь, наваливается чувство вины и одиночества. По этой причине в евангельских кругах не принято делиться своими сомнениями. Но столь строгим в вере христианам стоит вспомнить о феномене живой кости: молодым в вере нужно время, чтобы кости их окрепли.

Меня часто посещали сомнения. В Индии соблазняли меня другие религии, у которых миллионы верных последователей. В медицинском институте меня часто мучила мысль, что Вселенная, в конечном итоге, живет по воле случая, что в ней нет места разумному Творцу. Я много думал над этими вопросами, думал о личности Христа, о достоверности Библии... И я понял: иногда полезно просто верить в законы, которые ты не до конца понимаешь разумом. Другими словами, я научился доверять «скелету», даже не понимая порой, почему те или иные кости соединены между собой так, а не иначе, почему они имеют только такую, а не иную форму...

В институте нашими преподавателями были Халдейн и Вуланд — пионеры эволюционной теории. Я заметил, что в ряде церквей бытует некоторая «интеллектуальная лживость» по вопросу эволюции. В университетах студенты-прихожане этих церквей сдают экзамены и зубрят теорию эволюции. Но ведь, присоединившись к церкви, они присягнули символу веры, который полностью противоречит их экзаменационным ответам! В конечном итоге такая двуличность приводит к интеллектуальной шизофрении.

Лишь после долгих поисков и длительных размышлений мне удалось найти точки соприкосновения между тем, чему меня учили в церкви, и тем, чему учили в медицинском институте. Но, пока этого не случилось, мне приходилось говорить себе: моя вера основана на действительности, которая существует сама по себе, которой не требуются никакие научные объяснения. Я не знал, что произойдет дальше: решу ли я, что эволюционные взгляды совместимы с моими богословскими взглядами, или же что эволюционная теория неверна. В этом случае я готов был остаться «верным вере». Это длилось годы. Очень долго я не понимал, как могут ужиться эволюционная теория и богословская посылка о сотворении мира. (В последние годы новые открытия в области исследований ДНК показали, что случайная эволюция чрезвычайно неправдоподобна, и позиции сторонников Высшего разума значительно окрепли.)

В Южной Америке есть мост — он сплетен из лиан, поддерживающих качающийся над рекой настил. За много лет по мосту прошли сотни людей. Стоя на краю пропасти, я вижу, как по мосту уверенно идут люди. Как инженер, я хочу взвесить все факторы — прочность лиан, воздействие термитов на деревянный настил, наличие в округе более прочных мостов... Но если мне **ОЧЕНЬ** нужно перейти на другую сторону, придется сделать шаг и... Я переносу весь свой вес на мост и иду. Сердце бьется, колени дрожат, но этим действием я доказываю свою веру

Порой и в христианской жизни случается поступать так же. Приходится принимать решения, основанные на зыбких послылках. Если я буду дожидаться, пока у меня появятся твердые доказательства, пока все прояснится, то так никогда и не сделаю первого шага. Очень часто мне нужно было опираться на кости «скелета своей христианской веры», хотя они еще не успели до конца сформироваться, хотя я еще не понимал, для чего они требуются. Кость тверда, но она — живая. Если кости веры не будут расти, то скелет вскоре омертвеет.

12. Адаптация

Если я буду проповедовать самым громким голосом, используя самые ясные выражения, каждый раздел истины Божьей, за исключением маленького кусочка, рассказывающего про дьявола, оказывающего разрушительное влияние на наш мир, я не исповедую Христа, как бы открыто я ни проповедовал Его.

Мартин Лютер

Кость, скрытая от наших глаз, не выставляет свою жизнь напоказ сторонним наблюдателям. Для того чтобы увидеть следы происходящей в ней деятельности, я должен взять микроскоп. При достаточном оптическом увеличении я могу различить два типа действующих в кости клеток.

Мы уже познакомились с одним типом клетки — остеобластами, — клетками-восстановителями, заполняющими собой пустые пространства, прикрепляясь к области перелома и образуя костный кристалл. Но эти клеточки-бласты не сидят сложа руки и не ждут, когда где-нибудь что-нибудь случится. Миллиарды таких клеток постоянно трудятся внутри меня, заменяя отслужившие свой срок кости. Когда я был маленьким, каждый год 100 процентов моей костной ткани заменялось полностью. Так, в четыре года моя челюстная кость была уже совершенно иной, чем в три. Благодаря мудрости костной ДНК форма осталась такой же, только стала крупнее.

Теперь каждый год происходит замена примерно 18 процентов моих костей. Но отжившие кости не очень-то охотно уступают свою территорию. Их нужно взорвать динамитом и затем отсосать пылесосом. Такую работу в организме проделывает команда взрывников — остеокласты. Это крупные клетки, снабженные ядрами в количестве от десяти до тридцати, в зависимости от того, какой объем инструкций они должны получить для выполнения своей щепетильной задачи.

Если я захочу обновить кирпичную стену, удалив один горизонтальный ряд кирпичей, то вся стена сразу же завалится. А если я буду делать так: сначала удалю «кирпичик» из своего левого локтя и заменю его новым, затем произведу замену «кирпичика» в колене, затем — в голове, тогда я быстро и безопасно заменю всю «стену». Шустрые клеточки прокладывают туннели в костях так же легко, как кроты под землей, оставляя отверстия, которые заполняют бласты. Бласты — реставраторы, поставщики новых живительных волокон. Отчаянные клеточки-класты, по сути дела, настоящие камикадзе: они протискиваются через гранит с такой силой, что просто сгорают дотла через сорок восемь часов и их самих уже приходится выносить прочь как отходы. На мой взгляд, самый наглядный пример работы этих клеточек можно наблюдать у птиц. В определенный момент времени очень оперативно и вместе с тем осторожно класты вторгаются в кость птички и размягчают кальций: его ведь нужно употребить для укрепления скорлупы яйца, которое должно вот-вот появиться.

Клетки-бласты и клетки-класты трудятся в течение всей жизни человека. Бласты больше всего работают в первой половине нашей жизни: постоянно обеспечивают нас новыми костями, размер которых соответствует потребностям растущего организма. Но постепенно класты-разрушители просто-напросто выгоняют усталых бластов с исконных мест обитания. В результате у людей пожилого возраста происходят изменения костной ткани: уменьшаются в размерах зубные полости, подбородок выдается вперед, челюсть заостряется, черты лица становятся более резко очерченными. По этой же причине

перелом у пожилых людей представляет серьезную опасность: процесс заживления происходит намного дольше из-за того, что их бласты передвигаются уже еле-еле и занимаются ремонтно-восстановительными работами гораздо медленнее, чем раньше. Старая кость обновляется: в нужные сроки бласты вносят в ее конструкцию необходимые изменения. Все составные части кости скомпонованы в идеальную, с точки зрения инженерной науки, конструкцию: элементы, несущие основную нагрузку, пересекаются между собой, как опоры стального моста. Если у меня случится травма ноги, например трещина, то из-за боли мне придется изменить свою походку: шаги станут короче. Вместе с этим поменяется расположение несущих элементов: они будут располагаться уже под другим углом. Это и даст мне возможность передвигаться по-новому. В соответствии с новыми условиями перестроятся и клетки-бласты.

Если я начну прибавлять в весе, то основная, опорная кость ноги — бедренная кость — должна будет искривиться или прогнуться. Чтобы этого не допустить, она становится толще, и со стороны наибольшей нагрузки получает дополнительные подпорки. Выходит так: нагрузка стимулирует рост кости. Если вы проведете длительное время, лежа на больничной койке, ваши кости потеряют до 50 процентов кальция. Космонавты в условиях невесомости теряют до 20 процентов кальция. Ходьба, наклоны, поднятие различных предметов — любой вид физической активности — посылает электрические импульсы в кость, это и обеспечивает ее рост.

Когда я размышляю о духовном Телес Христовом и в особенности о его скелете, состоящем из правил человеческого Поведения, я вижу, как скелет обновляется, приспособляется к условиям среды. Это же происходит и со скелетом духовным. Принципы, которые дал нам Бог в Десяти заповедях и Нагорной проповеди, не меняются. Но по мере того как перед Телом Христовым встают новые задачи, практическое приложение этих принципов может претерпевать отдельные изменения. Многие библейские правила и законы родились в народе, культура которого очень отличалась от нашей. А потому современные пророки и учителя обязаны толковать неизменные принципы в свете особых условий, возникающих в наши дни.

Подумайте о следующем списке правил, данных христианам в новозаветные времена. Некоторые эти правила соблюдаются до сих пор (или, по крайней мере, считается, что соблюдаются). Другие правила в ходу лишь у отдельных христианских деноминаций — тех, которые стараются буквально следовать новозаветным традициям. Но я не знаю ни одной группы христиан, которая бы неукоснительно выполняла все эти правила:

1. Приветствовать друг друга святым поцелуем (Рим. 16:16).
2. Воздерживаться от идоложертвенного (Деян. 15:29).
3. Принимать крещение (Деян. 2:38).
4. Женщинам покрывать голову (1 Кор. 11:10).
5. Мыть друг другу ноги (Ин. 13:14).
6. Женщинам не говорить в церкви (1 Кор. 14:35).
7. Назидать друг друга псалмами, славословием и духовными песнями (Кол. 3:16).
8. Не есть крови (Деян. 15:29).
9. Соблюдать вечерю Господню (1 Кор. 11:24).
10. Помнить нищих (Гал. 2:10).
11. Мазать больных елеем (Иак. 5:14).
12. Не позволять женщине учить мужчину (1 Тим. 2:12).
13. Проповедовать по двое (Мк. 6:7).

14. Есть все предлагаемое безо всякого исследования и угрызений совести (1 Кор. 10:27).
15. Не разрешать женщинам украшать себя плетением волос, золотом, жемчугом и дорогими одеждами (1 Тим. 2:9).
16. Воздерживаться от блуда (Деян. 15:29).
17. Не искать себе жены (1 Кор. 7:27).
18. Не молиться в людных местах (Мф. 6:5-6).
19. Говорить на языках в уединении, а пророчествовать прилюдно (1 Кор. 14:5).
20. Вести тихую жизнь, трудиться руками своими (1 Фес. 4:11).
21. Воздевать руки в молитве (1 Тим. 2:8).
22. Давать всем, кто попросит у вас (Мф. 5:42).
23. Помощь оказывать только вдовцам, которым за шестьдесят лет, которые были верны мужьям, которые известны своими добрыми делами (1 Тим. 5:9-10).
24. Женам подчиняться мужьям (Кол. 3:18).
25. Не оказывать предпочтения богатым (Иак. 2:1-7).
26. Не быть никому должным (Рим. 13:8).
27. Воздерживаться от удавленины (Деян. 15:29).
28. Не есть тому, кто не работает (2 Фес. 3:10).
29. Откладывать деньги для бедных в первый день каждой недели (1 Кор. 16:1-2).
30. Платить налоги (Рим. 13:7).

Просмотрев эти заповеди, богослов выделит те, которые сочтет данью времени, и объяснит, почему священнописатели нашли именно такое практическое применение тем или иным библейским принципам. Например, апостол Павел много писал о мясе, которое приносили в жертву идолам в храмах. Но сегодня в западном обществе этой проблемы не существует! Кроме того, в те времена в церквях, подобных коринфской, существовали строгие правила для женщин (как и везде в обществе). Стоило женщине заговорить на людях, как всем становилось ясно, что она — проститутка или языческая жрица. Те же группы женщин отличало и особо изысканное плетение волос.

Павел прекрасно понимал, что к культурным традициям разных народов нужно относиться с уважением. Он противился принудительному обрезанию язычников, на чем настаивали еврейские христиане. Он же проходил обряды очищения в иерусалимском храме (Деян. 21), чтобы завоевать доверие еврейских христиан.

Сегодня у нас тоже есть свои проблемы. На заре человечества, когда огромная незаселенная земля простиралась перед людьми, заповедь «плодитесь и размножайтесь» была вполне Уместной, и мы так самоотверженно эту заповедь исполняли, что теперь возникла угроза перенаселения. И вот перед нами стоит другая задача: чтобы сохранить почвы и дикую природу, нам нужно размножаться немного помедленнее.

Теперь мы в состоянии отделять наслаждение сексом от зачатия. И что же? Сегодня церкви приходится напоминать христианам, что наслаждение — это не конечная цель секса, а средство достижения цели. Но если секс далеко не всегда является шагом к зачатию ребенка, то что он такое? Символ долгой любви, которая скрепляет брак, а не дань похоти.

Некоторые церкви стараются подогнать богословские основы под развитие медицины. Когда организму грозили многочисленные заболевания, появилась медицина, как средство продлить человеческую жизнь. Сегодня наука достигла таких высот, что жизнь можно продлевать на долгий срок. Иногда жизнь становится бессмысленной, когда

больной не приходит сознание, когда нет надежды на выздоровление, но когда не наблюдается классических признаков смерти.

Чтобы ответить на все эти вопросы, не нужно пересматривать символы веры. Просто членам церкви следует подумать, внимательно перечитать Библию, помолиться и решить, как следует истолковать волю Бога в отношении их собственного поколения. Эти люди — пророки и учителя — служат живыми костными клетками Тела Христова, откладывают неорганические минералы, идущие на строительство скелета. Им нужно обладать смирением и постоянством, чтобы сохранить величайшие принципы христианской веры. Но им необходимо заботиться и о том, чтобы принципы получали современное толкование и отвечали на насущные вопросы.

В 1892 году Юлий Вульф впервые обнаружил на человеческом скелете ряды несущих нагрузку элементов сотообразной формы. Это послужило причиной открытия закона Вульфа, с которым в наше время знаком любой студент медицинского вуза. Вдохновленный открытием, Вульф заявил, что кости находятся в состоянии непрерывного изменения, легко адаптируясь к изменениям окружающих условий и функций организма. И действительно: когда я посетил исторический музей и сравнил скелеты людей, живших в разных столетиях, — я был сильно поражен их сходством. Адаптация к нагрузке осуществляется за счет мельчайших выступов и едва заметных гребней на костях, имеющих определенную длину и форму.

Каждый раз, применяя закон Божий на определенном витке развития человечества, следует помнить основной принцип Библии: уважение к жизни человека. Сегодня мы пересматриваем саму жизнь в свете новейших достижений в области медицины. Но всегда под защитой должны находиться скромность и благопристойность. В наши дни короткие волосы женщины уже не считаются неблагопристойными. Кость жила и живет своей идеальной жизнью — просто тело адаптируется к новым нагрузкам.

13. Жизнь «наизнанку»

Твои кости не наполнены мозгом, твоя кровь холодна.

«Макбет»

Два раза в год Луизиану охватывает странная лихорадка. Она окутывает весь город, будто туман, приплывающий с озера. Перед входом в еле сводящие концы с концами рестораны вывешиваются дощечки со сделанной на скорую руку надписью: ИМЕЮТСЯ СВЕЖИЕ РАКИ! Босоногие потные мальчишки с ведрами в руках лазят по дну оврагов и канав, наполненных водой. Из их ведер выглядывает по дюжине живых созданий доисторического вида: какая-то кишачая масса из смятых усов, наваленных друг на друга тел и похрустывающих скелетов.

В Луизиане, да и в любом другом месте раков можно легко найти повсюду: в каждой реке, пруду или канаве с водой. Их излюбленные места — водяные норы на отвесных берегах, где много прохладной тени, где очень удобно прятаться от палящих лучей солнца. Рано утром или поздно вечером вы садитесь на корточки у такого местечка и ждете. Постепенно ваши глаза привыкают к темной ряби на поверхности воды, и вы начинаете различать то, что происходит под ней. Возможно, вы увидите рака не сразу. Его трудно различить: зеленовато-коричневая окраска служит ему отличным камуфляжем.

Присмотритесь повнимательнее — перед вами тот, кого вы так хотели увидеть: этот неуклюжий уродец. Сначала появляются две бронированные клешни — прикрепленные к локтевым сгибам крючкообразные захваты угрожающего вида. Клешни составляют половину длины туловища рака. Они придают ему воинственный вид, но в то же время из-за них он кажется каким-то неустойчивым. Вообще рак напоминает канонерскую лодку с двумя гаубицами, торчащими по бокам. Между клешнями — два выпученных светящихся глаза: они прикреплены к концам выступающих над поверхностью подвижных стебельков. Когда раку захочется рассмотреть вас под другим углом, он не будет поворачивать голову: просто повернет свои стебельчатые выпученные глаза с такой же легкостью, с какой вы приподнимаете бровь.

Если полосатых зубаток называют засорителями водоемов, то раков — мусоросборниками. Они заглатывают все, что попадает им в рот: улиток, других раков, растения, лягушек, рыб — живых или мертвых, только что умерших или уже разложившихся. Их старшие братья, омары, с довольным видом пережевывают твердопанцирных крабов, моллюсков, мидий. Такая бесчувственная прожорливость раков возможна благодаря клешням — прочному приспособлению, состоящему из двух половинок с короткими острыми краями. Они способны разрывать и измельчать все, что оказывается между ними. Внутри желудка рака находятся еще три твердых костяных зуба — они заканчивают процесс измельчения.

В своем строении рак повторяет в миниатюре хорошо любимого многими омара: накладывающиеся одна на другую панцирные пластины переходят в широкий веерообразный хвост.

В 1879 году Томас Генри Хаксли написал классическую книгу о раках. Он обрисовал их ужасные повадки: они нападают на собственных детей, сжирают своих супругов после бурного брачного периода. Он упомянул о необычном явлении регенерации: у рака, потерявшего клешню, самым чудесным образом появляется другая. Рассказал он и об

уникальных свойствах крови рака: она совершенно бесцветная, температура ее меняется в зависимости от температуры окружающей воды. Из раненого рака течет бесцветная жидкость, так мало напоминающая кровь. А самому раку, вероятно, красная кровь показалась бы чем-то из ряда вон выходящим.

Я так много рассказываю о раках не из-за их необычной крови, и не из-за дикого нрава, и не из-за уникальной способности к восстановлению потерянной конечности, а из-за их скелета. Если вы разломите рака, то обнаружите мягкое, белое мясо, которое так и просится окунуться в соус, а потом попасть к вам в рот. К радости гурмана, в нем нет ни одной косточки -скелетом является панцирь. Когда в Луизиане открывается сезон раков, в местных ресторанчиках вам подадут блюдо, на котором красуются примерно тридцать вареных созданий, чьи панцири приобрели темно-красный цвет в процессе приготовления. Около часа вы занимаетесь тем, что с хрустом отламываете, отдираете, выковыриваете. В конце концов, перед вами полное блюдо скелетов: тоненьких оболочек раков, которые, если их сложить соответствующим образом, напоминают своих живых хозяев.

Рак снабжен внешним скелетом. Мышечная ткань находится внутри скелета: он служит ей защитой. Твердость рака - его основное средство нападения и защиты в этом полном опасности мире.

На протяжении нескольких глав я писал о крепости костей (учениях и библейских принципах) Тела Христова. Но теперь я хочу предостеречь вас.

Изучая историю церкви, я вижу, как велики были ошибки. И причина большинства из них — непонимание роли «скелета» в Телес Христовом. Есть христиане, которые усваивают значение закона и церковной дисциплины, но почему-то ходят «скелетом наружу». Встречаешь таких людей и видишь: догматы их веры воинственно выпирают наружу, как панцирь рака.

Тогда на ум приходят примеры: «Божьи спортсмены» - монахи, которые жаждали всем явить свою веру, явить как можно более убедительно. Симеон Столпник, умерший в 459 году, подал пример: в западной Антиохии он около 36 лет проповедовал, стоя на столбе. Говорят, что за один прием он мог положить 1244 поклона. Были монахи, питавшиеся только травой. А Феодор Сикеот, живший в VII веке, большую часть жизни провел в свисающей со скалы узкой клетке, открытой зимним ветрам. Страдая от голода, он пел Богу псалмы.

Некоторые из этих людей искали собственный путь, чтобы показать Богу свою верность. Были и другие, кто просто хотел поразить зевак своим рвением, т.е. совершал ту ошибку, которую осуждал Иисус Христос в обращенной к фарисеям речи (см. Мф. 23 и Лк. 11).

В наши дни больше всего фанатизма проявляют исповедники восточных религий — ходят по горячим углям, лежат на гвоздях. Но и христиане порой не прочь выставить напоказ свой «скелет».

Оглянитесь, выйдя на улицу. Подойдите к неверующему, отведите его в сторону и спросите, какими он себе представляет глубоко верующих христиан. Не таких, которые ходят в церковь по праздникам, а действительно глубоко верующих, рожденных свыше. Он тут же выдаст какое-либо клише: назовет какого-нибудь пострадавшего за веру священника, может быть, телепроповедника; или перечислит налагаемые на христианина запреты: не курить, не пить, не ругаться, не ходить в кино, на танцы..

А что сегодня думают о христианах евангельского вероисповедания? Зачастую они представляются людьми, которые следуют строжайшим правилам. Врачи-психиатры обвиняют их в нагнетании чувства вины в обществе, считая, что более половины их

пациентов оказались в больнице вследствие церковных проповедей. Почему-то мы продолжаем сидеть на своих «столбах». Мы прячемся за свой «скелет» и говорим: самое главное в нас то, что мы отличаемся от всех остальных.

Частенько мне и самому кажется, что законничество это всего лишь безобидное искажение вероучения. Что если церкви какой-то деноминации составляют собственный свод правил? Не смешно ли, когда члены церкви спокойно пьют и курят, но приходят в ужас при виде христианина в потертых джинсах и со жвачкой во рту?

Но в законничестве есть и огромная скрытая опасность, о которой нас предостерегает Библия. Ведь ни порнография, ни прелюбодеяние, ни насилие, ни остальные пороки современности не вызывали такой бури возмущения Иисуса, как законничество!

Как ни странно, людей, вызвавших столь сильный гнев Иисуса, сегодня назвали бы ортодоксами и фундаменталистами. Жизнь фарисеев была посвящена Богу. Они несли в храм десятины, точно соблюдали все ветхозаветные законы, посылали миссионеров завоевывать души язычников. В жизни фарисеев не было ни прелюбодеяний, ни уголовных преступлений, а Иисус почему-то осуждал этих примерных граждан... Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним о смиренном раке, ползущем по речному дну. Сравнивая его панцирь с моим куда более совершенным внутренним скелетом, я вижу ряд различий, которые, кстати, помогают мне понять, почему Иисус в Мф. 23 и Лк. 11 так горячо осуждал законничество.

Во-первых, раку внешний скелет-панцирь нужен прежде всего для защиты. Эта надежная броня защищает от врагов. Люди же, напротив, обладают мягкой, уязвимой плотью. Но по мере того как данные на благо Тела Христова законы начинают «отвердевать», мы так и норовим прикрыться ими. У нас начинает развиваться защитный панцирь. В «Письмах американской леди» Клайв Льюис говорит: «Ничто так не успокаивает совесть, как соблюдение правил, даже когда на поверку нет ни Дел милосердия, ни веры».

Законники дурачат вас! Подобно фарисеям и «Божьим спортсменам», они поражают вас своей преданностью Богу. Вам кажется, что этими людьми движет глубочайшее уважение к Богу. Но я сам вырос в среде законников и могу сказать: ошибка законников в том, что они не отрывают глаз от земли. Они точно скажут вам, что нужно делать, чтобы заслужить Божью похвалу, при этом совершенно забывая, что Благая весть — это Божий дар, который люди вовсе не заслужили.

Исследователь Мертон Строммен недавно опросил семь тысяч молодых людей из различных протестантских деноминаций. Он спрашивал их, согласны ли они со следующими высказываниями (в скобках указан процент согласившихся):

«Чтобы быть угодным Богу, нужно искренне стараться жить правильно» (более 60 %).

«Бог доволен, если человек старается стать как можно лучше» (около 70 %).

«Главная мысль Евангелий — Божьи правила, рассказывающие, как нужно жить» (более 50 %).

Можно подумать, что апостол Павел и Мартин Лютер за всю свою жизнь ни разу не открыли рта или что Иисус вовсе не приходил на землю умереть за наши грехи. Христиане — большая часть христианской молодежи — верят сегодня, что Богу можно угодить соблюдением правил'.

Что, как не наша назойливая настойчивость на соблюдении правил, вызвала подобную реакцию молодежи? Не следует ли нам больше разъяснять, что правила — это не лестница к Богу, а «суставы и кости», которые помогают «телу» трудиться?

Вторая опасность законничества такова: оно мешает нам расти, образуя твердый костный панцирь вокруг определенной группы христиан.

Взрослый рак растет всего лишь раз в году. При этом он проходит через трудное и мучительное испытание — меняет панцирь. Период линьки очень опасен для рака. Ему приходится сбрасывать ставший тесным панцирь. Готовясь к этой болезненной операции, рак трет ноги одну о другую, затем двигает каждой ногой по отдельности, затем ложится на спину и делает «разминку для хвоста» — дергает им вверх-вниз. Все эти движения помогают раку немного расшатать плотно прилегающий панцирь.

После нескольких таких действий рак делает мощный рывок, и верхняя часть его брони отваливается — теперь панцирь прикреплен к телу только в области рта. Он начинает осторожно двигать головой — чтобы не повредить глаза и усики, хотя порой эти органы и страдают. Затем следует мощное движение ногами. И, наконец, последний рывок вперед оголяет брюшко рака. И вот он лежит — незащищенный и слабый.

Отдохнув немного после тяжелой работы, рак начинает искать укрытие. Тело его больше не защищено блестящим хитиновым покрытием — сейчас оно похоже на мокрую бумагу. Зачастую сбросивший панцирь рак съедает свой «бывший домик», поглощая минералы, которые понадобятся ему, чтобы нарастить новый панцирь.

В последующие несколько недель рак интенсивно растет - это единственный период его роста за весь год. Прежде чем новый панцирь отвердеет, рак успевает прибавить в росте до двух с половиной сантиметров — только потом новый скелет замкнет подросшее тело в броню.

Мне довелось испытать сходные ощущения в процессе своего христианского роста. Я воспитывался в очень консервативной семье с четкими представлениями о том, что значит поступать по-христиански и не по-христиански, с какими людьми стоит общаться и с какими нет. Потом я много путешествовал, многое повидал. Я понял, что далеко не у всех христиан одинаковый цвет кожи, далеко не все поклоняются Богу в моей манере, далеко не все разделяют мои богословские убеждения. Поэтому мне пришлось вращаться в новый панцирь, в котором я жил, пока новые впечатления не заставляли его покинуть... Раньше христиане казались мне исключительными людьми, каждый из которых должен был походить на меня, т.е. тоже запертыми в панцири. Внутри панциря мне было уютно и тепло. Панцирь защищал меня от мира.

Но Иисус никогда не говорил, что отличительной чертой христианина должно быть наличие «внешнего скелета». Он предъявлял к христианам очень жесткие требования, говорил о любви, радости, полноте жизни. Требования эти относились к «внутреннему существу», заключенному внутри скелета. Когда Его просили истолковать один из ветхозаветных законов, Он обычно указывал на скрытый за законом принцип.

Иисус понимал: правила призваны не сковывать движение, а облегчать его. Они призваны способствовать росту тела, как способствует внутренний скелет, а не сковывать рост, как сковывает его внешний.

Непосредственный результат законничества — это его воздействие на людей, стоящих в стороне от законников. Если доктрины и правила образуют вокруг человека своеобразный панцирь, свидетельствуя о его гордыне, стремлении к духовному превосходству, то такой «внешний скелет» делает невидимыми Божью благодать и любовь, превращая христианскую Благую весть в нечто уродливое и неубедительное.

В начале нашего века в Индии и других странах Азии миссионеры стремились строить церкви по западному образцу. Их стараниями вокруг церквей образовались твердые

панцири, которые были неприятны для местного населения, которые мешали церкви стать влиятельной силой в обществе.

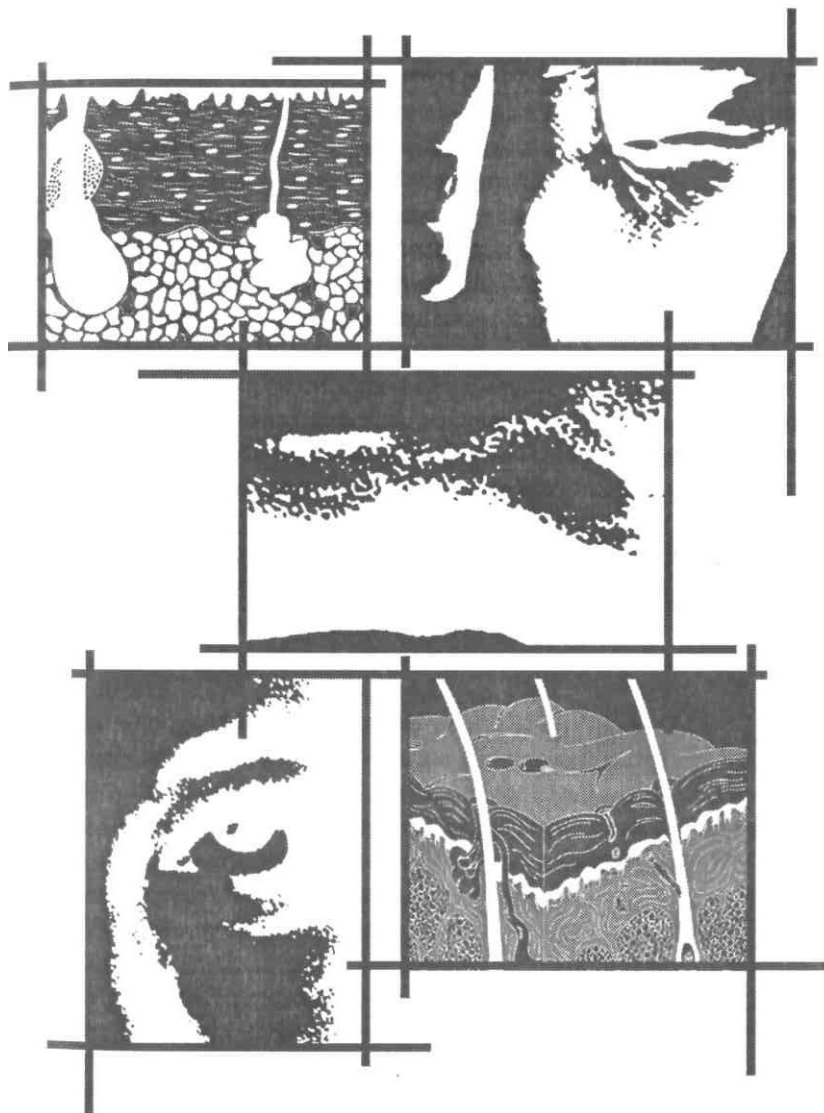
Как ни удивительно, это же наблюдается и в Америке. Поговорите с любым человеком, который раньше активно участвовал в церковной жизни, а потом оставил ее. Вы, наверняка, услышите историю о том, как какая-то грубость оскорбила веру человека. Может быть, другие христиане слишком резко высказывались о его семейной ситуации — сколько разведенных вынуждены были покинуть церковь из-за того, что их считали «христианами второго сорта»? Зная, как страдают от разводов дети, я ненавижу разводы. Или братьям по церкви не нравилось, что они курят. Мне приходилось лечить эмфизему, оперировать рак легких — потому я ненавижу курение. Но я не имею права «выживать» людей из церкви своими упреками. У меня есть, с кого брать пример терпимости: Иисус ненавидел грех, но любил грешников. Он прямо говорил о Божьих законах, но говорил о них с такой любовью, что стал считаться другом грешников.

Не гоним ли мы людей прочь от Бога своими представлениями о том, «что такое хорошо и что такое плохо»? Правила поведения нужны, и в Библии их приведено немало. Но «носить» их нужно внутри, а не снаружи. Они не должны быть знаком нашего превосходства над другими.

То, что происходит сегодня с многими молодыми христианами, воспитанными в крепких семьях и крепких церквях, является тревожным симптомом. Их ранние годы становятся ярким примером христианской веры, после чего они от веры отпадают. Почему так происходит? Не потому ли, что с детства окружающие их люди, да и они сами слишком много внимания уделяли внешним атрибутам христианской жизни? Не учились ли они с детства копировать поведение, речь, эмоции взрослых христиан? Не вырастили ли они, подобно ракам, собственные панцири, так похожие на панцири окружающих, уверовав, что именно в такой оболочке скрыто Царствие Божие? Не остались ли они слабыми и уязвимыми внутри панциря?

Когда христианские убеждения выливаются в чисто внешнее действо, то в определенный момент времени их очень легко потерять, как теряет свой панцирь рак. Кстати говоря, во время линьки многие раки погибают — от истощения или от внешних врагов.

Снаружи панцирь кажется красивым, крепким, надежным. Лучше иметь панцирь, чем не иметь его. Панцирь на живом существе — лучше, чем мертвый скелет. Но Бог задумал иначе. Он хочет, чтобы каждый христианин имел скрытый плотью скелет веры.

14. Видимая часть

Что же это такое: этот бесшовный чулок, размером почти в два квадратных метра, натянутый на все наше тело? Что это за оболочка, что за личина — которая краснеет, бледнеет, потеет, лоснится, излучает тепло, покрывается морщинами, дрожит, передвигается, чешется, испытывает удовольствие и боль на протяжении всей нашей жизни? При этом одновременно еще является и охранником наших внутренних органов, и высокочувствительным датчиком, и смелым путешественником по неизведанному миру. Что же это?

Ричард Сельзер

Когда я жил в Индии, исследование причин возникновения проказы и способов борьбы с ней отнимало все мое свободное время. И моя жена Маргарет тоже решила заняться медициной: она стала учиться на врача-офтальмолога. Прошло время, и из нее получился квалифицированный глазной хирург. Многие люди, нуждающиеся в лечении, не в состоянии были добраться до больницы. Тогда моя жена с группой ассистентов стала ездить в отдаленные сельские районы для оказания медицинской помощи. Они оборудовали передвижной госпиталь, где было все необходимое, и месяцами жили то в одной, то в другой деревне. Местные жители уже знали: в определенный день в каком-нибудь здании - в школе или на старой рисовой мельнице - будет вестись прием всех нуждающихся: и тех, у кого воспалились глаза, и тех, кто потерял зрение. Бригада врачей работала в тяжелейших условиях: стояла душливая жара, а оперировать приходилось без передышки — конвейерным способом. Иногда невозможно было найти ни одного подходящего здания. Тогда врачи раскладывали операционные столы в тени какого-нибудь бананового дерева. Бывали дни, когда ежедневно два врача делали до сотни операций по удалению катаракты.

Этот случай произошел в 1956 году. Бригада Маргарет на несколько недель разбила лагерь в сельском районе Индии, пораженном страшной засухой. Уже пять лет люди не могли собрать урожай, все колодцы пересохли: нечего было ни есть, ни пить. Жители всех окрестных деревень стали приходить в разбитый врачами лагерь, хотя не нуждались в лечении, — они надеялись получить пищу. Люди соглашались на операцию по удалению глаза — лишь бы им дали поесть.

Мальчики-подростки предлагали свою помощь в лагере-госпитале, больше напоминавшем в те дни сумасшедший дом. У Маргарет появился помощник — застенчивый смуглый мальчуган лет двенадцати. Его обязанностью было облачаться в белый халат, придающий солидность, но болтающийся на нем мешком, и во время операции стоять на ящике с карманным фонариком в руке. Причем держать этот фонарик, работающий от трех батареек, надо было так, чтобы свет падал прямо на роговицу глаза пациента. Маргарет сначала сильно сомневалась: выдержит ли неграмотный деревенский мальчишка шок, когда впервые увидит, как разрезается, а потом зашивается человеческий глаз.

Ребенок же, на удивление всем, выполняя свою работу, держался очень уверенно. В течение первых пяти операций он скрупулезно следовал всем инструкциям Маргарет: когда и как изменить угол света. Рука его была тверда и спокойна. Но во время шестой операции она дрогнула. Маргарет спокойно сказала: «Мой маленький брат, держи лампу как следует». Он моментально исправился. Но очень скоро луч света опять съехал с того

места, где проходила операция. Маргарет поняла: он просто не может больше смотреть на то, как режут глаз. Она подняла голову и спросила, как он себя чувствует.

По его щекам потекли слезы. Он пробормотал: «Ой, доктор... я не могу больше смотреть туда. Ведь это — моя мама».

Страдания мальчика закончились через десять дней. С глаз его мамы были сняты швы. Врачи выдали ей очки: сначала она была ослеплена ярким светом, потом постепенно глаза сфокусировались, настроились — и впервые в жизни мать смогла увидеть своего сына. Когда она протянула к нему руку, ее лицо озарилось улыбкой. «Сынок, — сказала она, — я думала, что знаю, какой ты. А сегодня я тебя вижу». Она прижала его к груди.

В этой трогательной сцене выражалось следующее: образ сына, наконец, стал для этой женщины узнаваемым. Раньше она знала его лишь на ощупь и слышала его голос. Теперь же она видела реальную внешность своего сына. Когда он снился ей по ночам, она его узнавала. Но ей снилось лишь то, что она знала, — его кожа. Все наши представления и ассоциации о человеке связаны с этим видимым органом. Именно по нему складывается наше впечатление о человеке.

Иногда я даже завидую той области медицины, которой занимается моя жена: два ограниченных овала, не закрытых светонепроницаемой тканью кожи. Можно заглядывать внутрь глаз, ничего не разрезая. А если даже и приходится резать, то потом можно беспрепятственно наблюдать процесс заживления. Только глаза могут продемонстрировать врачу наличие этих влажных клеток, живущих в человеческом организме: эти крошечные тельца, бегающие по кровеносным сосудам и повсюду выискивающие бактерии и опухоли.

Можно сказать, что кожа, так же как и глаз, — это окно с тончайшими стеклами. Через него мы видим деятельность, происходящую внутри нашего организма, и можем судить о его здоровье. Анемия заметна по ногтям и коже: она делает свои жертвы безжизненно бледными. Желтуха окрашивает кожу в желтый цвет, а у больных диабетом кожа отликает бронзой. Из-за воздействия некоторых видов лекарств кожа приобретает синюшно-радужный оттенок, как от татуировки. У нас в Карвилле есть такие пациенты. Недостаток кислорода в крови вызывает лиловый оттенок. Цинга, некоторые эндокринные заболевания и многие другие нарушения функций организма отражаются на состоянии кожи.

Когда цветовая гамма исчерпывается, кожа начинает использовать другие сигналы. Проказа проявляется отсутствием чувствительности в нервных окончаниях, рак — кожными высыпаниями или кровоточащей родинкой. Врач -ал л ер гол о г может узнать, что любит и что не любит ваш организм, расшифровав его секретный код. Он просто сделает у вас на спине ряд небольших разрезов и в каждый разрез внесет микроскопические дозы исследуемого вещества. Итак, что же вас не устраивает — собачья шерсть, цветочная пыльца, морепродукты? Ваша кожа откроет тайну мучающей вас тошноты или чиханья.

Кожа - это еще и окно в наш эмоциональный внутренний мир. Немногие из мышц, связанных с кожей, способны сокращаться по нашему желанию — мы не умеем двигать кожей, как это может делать лошадь. Зато мы можем контролировать выражение лица — об этом написаны целые тома. Боль, полученная в детстве, иногда накладывает отпечаток на очертания лица, словно чья-то рука оставляет зарубки на стволе дерева. Небольшой изгиб уголков губ вниз может заставить супруга ходить по струнке.

Иногда тело выдает наши истинные чувства независимо от нас. Марк Твен сказал: «Человек — это единственное животное, которое способно краснеть». Краснеть. Это означает ощущать неожиданный резкий прилив тепла, когда мгновенно раздувшиеся сосуды непроизвольно, никого не спрашивая, доставляют к коже в пятьдесят раз больше крови, чем обычно. (Для сравнения представьте: в вашем городе резко возрос спрос на водопроводную воду, и городская станция водоснабжения на 5 000 процентов увеличила ее подачу.) Молодые краснеют чаще, чем пожилые; женщины — чаще, чем мужчины. Исключений нет: краснеют и слепые люди, краснеют представители любой нации, включая самую темнокожую (доказательством тому служат альбиносы). Покраснеть — означает поставить собеседника в известность о наличии чувств, которые хотелось бы скрыть.

Нет другого такого органа, как кожа. При массе в четыре килограмма, она закрывает все наше тело. Кожа аккуратно огибает суставы, выпуклости и изгибы головы, кончики пальцев и мясистые ягодички, образуя в нужных местах складочки. Где-то она нежная, как животик ребенка; где-то шершавая, как у крокодила. Руки каменщика могут быть жесткими, мозолистыми, как будто их протерли шкуркой; и в то же время на животе у него кожа мягкая и дряблая. Замысловатые узоры прожилок можно найти на коже ноги, плотно прилегающей к сильным мускулам; кожа на локте свободно провисает, как у кота на загривке, за который его легко можно поднять.

Возьмем небольшие участки кожи на черепе, губах, груди, пятках, животе и кончиках пальцев и рассмотрим их под микроскопом. Рисунок на всех этих участках совершенно разный — наше тело напоминает лист бумаги, разрисованный разнообразнейшими узорами. Всю поверхность кожи пересекают крошечные рубчики, обеспечивающие трение, — так же как зимние шины у автомобиля. Очень любопытный факт — по совершенно непонятной причине каждому из нас присваивается различный рисунок рубчиков. Именно это свойство используют правоохранительные органы и хранят отпечатки пальцев различных людей в собранных на них досье. Сами выпуклые рубчики участвуют в создании структуры ткани. Они обеспечивают возможность удерживать скользкие предметы.

Кожа играет большую роль в наших любовных ощущениях, и мы непременно стараемся, чтобы она выглядела привлекательно. Мужчины каждое утро совершают ритуал удаления того, что выросло за ночь из их волосяных мешочков. Затем они располагают в определенном порядке волосы на голове. Возможно, сильно переживают из-за пары прыщиков, все время рассматривают самые заметные родинки. Женщины совершают еще более сложный и длительный ритуал: они без устали Каждое утро наносят слой сухой пудры на сальные железы носа, чтобы уменьшить его блеск; закручивают наверх волоски вокруг глаз; выщипывают те, что растут повыше; обводят глаза темными цветами. Некоторые наносят на кожу слой краски, как художники, грунтуя холсты. Большинство женщин оттеняет цвет губ в соответствии с цветом одежды. И, что самое главное, мы — единственные из всех живых существ, созданных Богом, испытываем потребность заматывать одеждой большую часть пространства своего тела, чем и содействуем развитию индустрии моды, затрачивающей миллиарды долларов на производство своих товаров.

Мне еще больше становится понятным стремление приукрасить себя, чтобы как-то выделиться, когда я приступаю к изучению других нескольких миллионов видов живых существ, населяющих вместе с нами эту планету. Выберите любой вид животных — змей, насекомых, птиц, млекопитающих — и полистайте книжку с цветными картинками

представителей данного вида. Какие краски, какие рисунки! Такое впечатление, как будто Творец взялся за дело в приподнятом настроении и с радостью выставил напоказ ярко раскрашенного попугая, дельфина-косатку и коралловую змею. Потом Он слегка перевел дыхание и продолжил уже без особого энтузиазма: получились грязно-серые ящерицы, скучного вида воробьи и ничем не привлекательные непромысловые рыбы. Потом Ему захотелось добавить красок, и появились сверкающие яркими придуманными совершенно неожиданно расцветками различные виды тропических рыб; демонстрирующие необычное оперение птицы: кардинал, сойка, сорока. А после этого Творец перешел к созданию более сложного по форме рисунка — и в мир пришли чешуйчатые рептилии, полосатые зебры и пятнистые гепарды. Потом вдохновение пошло на спад: буйство красок и рисунков прекратилось. И вот тогда были созданы человеческие существа с неброским цветом плоти — белокожие люди. Для разнообразия к ним были добавлены еще желтокожие, чернокожие и рыжие — причем каждый человек с ног до головы имеет один цвет, за исключением лишь размытого кораллового оттенка на губах и грудных сосках. Насколько искусным был Творец? Представьте рисунки, картины, скульптуры, фотографии, которые еще со времен пещерного человека наглядно отражают наше бесконечное восхищение простой человеческой кожей.

Изучая биохимию кожи, я постигаю тайну: всего несколько молекул, расположенных в разных местах, при взаимодействии со светом способны изменить цвет (представители негроидной расы получают свой насыщенный цвет всего-навсего из 8-9 граммов меланина). Мне удалось понять этот сложный процесс: влажные студенистые клетки перемещаются на поверхность, где сглаживаются и высыхают, превращаясь в кератин-защитное чешуйчатое покрытие, которое постепенно отшелушивается. Я смог понять и самый сложный процесс образования с помощью кератина прочных ногтей у человека и копыт у лошадей. Но сколько бы я ни старался, я не перестаю удивляться, когда наблюдаю, как одинокий стебелек кератина прокладывает себе путь из волосяного мешочка. Он растет прямо и гордо и вдруг превращается в павлиний хвост, развернувшийся во всей своей красе. То, что было химией, стало красотой. Ощущение такое, как будто вы долго шли между мрачных, однообразных, серых скал, и совершенно неожиданно перед вами откуда-то появилось вывешенное индейцами лоскутное одеяло какой-то немыслимой ослепительно яркой расцветки, просто поражающей буйством красок. Или посреди безжизненной пустыни вы вдруг увидели стаю подпрыгивающих резвящихся дельфинов.

В сравнении с покрытыми перьями, шерстью и чешуей животными, человек кажется голым, незащищенным, «недоделанным». В отличие от животных всех видов, человек создан с кожей, предназначенной не столько для обозрения, сколько для общения, контакта с миром. Это свойство кожи подсказывает нам, какую роль выполняет кожа в Телесном Христовом: в нем кожа символизирует само присутствие Христа. Кожа Тела Христова — это живая оболочка, которая показывает миру форму Тела, указывает на присутствие Божьего Тела в мире. Мы с вами уже говорили о том, что христиане порой совершают грубую ошибку, обнажая перед миром свой скелет. Христос осуждал подобные действия. Он учил нас принципу любви: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:35).

Кожа — мягкая, теплая, приятная на ощупь — образ Божьей вести, исполненной любви ко всякой твари. Христос говорил нам: «Пусть мир прежде увидит красоту, прочувствует мягкость и тепло христианской общины, и лишь потом поймет, на каком вечном, непоколебимом основании она стоит».

Мир смотрит на Тело Христово. Что он видит? Какова на вид и на ошупь его кожа? Видят ли люди «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание» (Гал. 5:22)? Мы судим о людях по их внешности, наблюдаем за выражением их лица, стараясь уловить их настроение, понять их... На нас, Тело Христово, пристально и внимательно смотрит мир. Глядя на нас, люди представляют себе Христа. Поэтому царящая в церкви атмосфера, подобно коже, показывает людям нашу внутреннюю сущность.

15. Восприятие

Самое сильное ощущение нашего тела — это ощущение прикосновения. Мы постоянно испытываем какие-то чувства, любим и ненавидим, мы прикасаемся к кому-то и к нам прикасаются — осязательные клетки нашей кожи принимают во всем этом самое непосредственное участие.

Дж. Лайонел Тэйяор

В 1953 году по программе Фонда Рокфеллера я ездил по разным городам Соединенных Штатов Америки в составе делегации известных во всем мире хирургов и терапевтов. Мы изучали проблему возникновения паралича как осложнения после проказы. Заканчивалось наше пребывание в Нью-Йорке, где я должен был сделать доклад для Американского Института исследования проказы и встретиться с несколькими хирургами. Во время конференции в институте я вдруг почувствовал себя плохо: закружилась голова, стало тошнить. Кое-как я сумел прочитать доклад. Но меня все сильнее и сильнее бил озноб. Мне пришлось встать и выйти из зала. Я поехал на метро в гостиницу. Когда я ехал в вагоне, мне стало совсем плохо: от укачивания голова так закружилась, что я не мог ни стоять, ни сидеть. Я упал на пол. Пассажиры, скорее всего, подумали, что я пьяный. Никто не подошел ко мне.

Еле-еле я дотащился до гостиницы. У меня тупо пронеслось в голове: надо бы вызвать врача. Но в номере не было телефона, а мне было так плохо, что сил уже не было: я со стоном упал на кровать. В таком состоянии я находился несколько дней. Мальчик-посыльный каждый день приносил мне в номер апельсиновый сок, молоко и аспирин.

Я едва пришел в себя как раз ко дню отлета назад в Англию, в Саутгемптон, был еще очень слабым и передвигался с трудом. В Саутгемптоне я пересел на поезд, чтобы доехать до Лондона. В поезде я плюхнулся на сиденье и, как привадились, согнувшись, к спинке, так и ехал всю дорогу. А ехал я долго. Поменять положение у меня просто не было сил. К концу пути ноги свело судорогой. У меня было единственное желание: чтобы эта бесконечная поездка наконец закончилась.

В конце концов, я добрался до дома своей тети, полностью опустошенный эмоционально и физически. Как мешок картошки, я безжизненно рухнул на стул; снял ботинки. И вот тут наступил, наверное, самый жуткий момент в моей жизни. Наклонившись, я снял носки, и мне стало совершенно очевидно: моя левая нога ничего не чувствует.

Смертельный страх сжал мой желудок сильнее, чем рвотные спазмы. Неужели это все-таки случилось со мной после семи лет работы с больными проказой? Теперь я сам стал больным? Стараясь держать себя в руках, я встал, нашел длинную булавку и снова сел. Булавкой я уколол себя в лодыжку. Боли не почувствовал. Я воткнул булавку глубже — мне очень хотелось, чтобы сработал условный рефлекс на боль. Но его не было. Лишь кровь просочилась из пораненной кожи. Я содрогнулся при мысли о том, что боль уже никогда не вернется ко мне, и молча закрыл лицо руками.

Семь лет я вместе с бригадой врачей сражался против вековой традиции, чтобы дать свободу больным проказой. Из всех сил мы старались побороть страх — мы сорвали страшную колючую проволоку, окружавшую поселок для больных проказой в Веллоре.

Я убедил весь персонал, что эта болезнь — наименее заразная из всех инфекционных болезней, передаваемых от человека человеку. Я объяснял, что соответствующая гигиена

практически гарантирует, что врачи не заразятся. И вот теперь я, их руководитель — прокаженный. Это отвратительное слово, на употребление которого я наложил запрет, вдруг выросло передо мной, как чудовище, обнажив свою жуткую сущность. Как убедительно я доказывал своим пациентам, что они должны стереть это клеймо прошлого и собственными руками сотворить для себя новую жизнь, преодолев предрассудки общества!

Мой разум помутился. Мне надо будет обязательно изолироваться от семьи: дети пациентов — самая большая группа риска. Возможно, я смогу остаться в Англии. Но что, если каким-то образом просочатся слухи о моем заболевании? Я уже представил себе заголовки в газетах. А что же будет с моими пациентами? Кто же теперь рискнет лечить больных проказой, если сам в любой момент сможет оказаться отверженным?

Всю ночь я пролежал на кровати, не раздеваясь, сняв только ботинки и носки. Мое тело покрылось испариной, мне было тяжело дышать — я испытывал сильное моральное напряжение. В мозгу, как кадры кинофильма, проносились один за другим сюжеты о том, чего я теперь лишился, заболев проказой. Хотя я знал, что сульфаниламидные препараты, скорее всего, очень быстро остановят распространение болезни, я не мог не думать о том, как проказа исказит мое лицо, ноги, пальцы. Руки были для меня орудием труда. Как же я буду водить скальпелем по живым человеческим органам, если кончики моих пальцев не будут контролировать силу нажатия и чувствовать ответное давление? Моей карьере хирурга скоро придет конец.

Сколько всего красивого уйдет из моей жизни. В выходные дни я больше всего любил копаться в саду. Я обожал разрыхлять землю тяпкой, а потом нагибаться и разминать комочки земли руками. Перебирая землю пальцами, я испытывал массу ощущений. Я различал на ощупь жесткие камешки, влажную от росы траву; мог, не глядя, определить влажность почвы, количество присутствующей глины. Теперь, вероятнее всего, я буду лишен этих ощущений.

Я больше никогда не получу удовольствие от прикосновения к мягкой шерсти, когда буду гладить любимую собаку; не испытаю щекотки, когда возьму в руки майского жука; не почувствую трепетного волнения, прикоснувшись к пушистому кокону гусеницы, в котором зарождается новая жизнь. Прикосновение к перьям птицы, лягушке, цветам, шерсти животного — эти осязательные ощущения наполняли всю мою жизнь. Из-за того, что я работал с людьми, больными проказой и поэтому лишенными большинства осязательных ощущений, я дорожил ими гораздо сильнее, чем другие.

Забрезжил рассвет. Я встал с кровати, совершенно не отдохнувший. Меня переполняло отчаяние. Я подошел к зеркалу, постоял около него, собираясь с духом. Потом снова взял булавку, чтобы определить границы пораженной области. Сделав глубокий вдох, я воткнул булавку в ногу — и громко вскрикнул. Никогда мне не доводилось испытывать такого восхитительного чувства — чувства, которое испытывает живое тело, пронзенное болью, как ударом тока. Я упал на колени в порыве благодарности Богу.

Потом я громко рассмеялся и замотал головой, осознав, каким же глупым был ночью. Совершенно очевидно: я прекрасно чувствую боль. Когда я ехал в поезде, то был очень слабым — мне трудно было даже сделать лишнее движение, поэтому я сидел в одном и том же неудобном положении долгое время. И ноги просто онемели. Очень усталого и разбитого, меня охватили страшные подозрения, которые и переросли в ложные выводы. Проказы не было, была просто усталость от долгой утомительной поездки.

Эти мрачные чувства, о которых в течение многих лет я не решался никому рассказать, преподали мне хороший урок на тему, что такое боль и что такое

чувствительность. После этого случая я постоянно старался осязательно ощутить, т. е. почувствовать на ощупь сотни предметов окружающей обстановки. Деревья, цветы, животные, ткань, скульптура, картины, — я хотел потрогать все. Меня охватила какая-то особая непреодолимая жажда все щупать и щупать голодными на ощущения пальцами. Кожа существует не просто для того, чтобы придать телу внешний вид. Это еще и полный жизни, деятельный источник непрерывно поступающей информации об окружающей среде. Большая часть наших органов — уши, глаза, нос — ограничена небольшой территорией. А вот кожа, похожая на тонкое раскатанное тесто для пирога, состоит из полумиллиона крошечных передающих устройств — они постоянно звонят все вместе, как маленькие телефончики, чтобы сообщить нашему мозгу важные новости. Только представьте себе, какое разнообразие информации кожа беспрерывно передает нам: ветер, пыль, паразиты, перепад давления, изменение температуры, перемена влажности, свет, радиация. Кожа довольно прочна, чтобы выдержать трение при ходьбе по асфальту, и в то же время достаточно нежна, чтобы босые пальцы ног почувствовали легкое дуновение ветерка. Слово «прикосновение» имеет огромное количество значений. Я смотрел его во многих словарях, включая большой Оксфордский словарь, — и везде у этого слова гораздо больше значений, чем у других слов. Едва ли можно представить себе человеческую деятельность — будь то спорт, музыка, искусство, кулинария, физический труд, секс, — где бы так много не было связано с прикосновениями. (Может быть, только осуществление умственных математических расчетов?)

Осязание — это одно из чувств, которое работает всегда, даже когда мы спим. Это чувство еще и укрепляет нас эмоционально. На минутку представьте себе, что вы испытываете, когда вас обнимает любимый человек, когда вам делают расслабляющий массаж, когда вы прижимаете к груди ребенка, когда стоите под теплым душем. Почитайте наблюдения Хелен Келлер, с отличием окончившей Рэдклиффский университет, автора 12 книг, — и вы узнаете, что способно дать мозгу одно лишь осязание.

И хотя ученые расходятся во мнении, что такое осязание и как оно осуществляется, но они могут точно определять — насколько четко и слаженно протекает этот процесс. Легкий щелчок ногтем может сообщить мне, до чего я дотронулся: до бумаги, ткани, дерева, пластмассы или металла. Здоровая человеческая рука способна различить на ощупь стеклянный стакан: ровные у него края или граненые, даже если грани составляют всего 0,01 мм. Человек, работающий в текстильной промышленности, может легко определить на ощупь мешковину грубого плетения. Это для него не составляет никакого труда. Но он также может с завязанными глазами отличить сатин от шелка. А если он потрет в руках синтетическую ткань, то даже почувствует, что в ее составе нейлона добавлено на 5 процентов больше.

А эти никчемные волоски, торчащие как попало на нашем теле, в действительности служат своеобразными рычагами, увеличивающими осязательные ощущения. Мы можем чувствовать давление величиной в 0,028 грамма кончиком волоска длиной в 1 см¹.

Свойство кожи — давать информацию о мире, и она подсказывает мне еще одну важную обязанность «передового отряда» Тела Христова, который должен бдительно наблюдать за людьми, вступающими в контакт с церковью. Начинающих душепопечителей, жаждущих помогать людям, всегда предупреждают: «Сначала научитесь

¹ Впервые чувствительность волосков удалось определить моему близкому другу доктору Хоналку из Бомбея, который исследовал группу женщин на определение пороговых норм чувствительности. Изучая чувствительность волосков на ногах женщин, он обнаружил: у тех, кто не сбрасывает волосы, чувствительность в зонах, побритых для исследования, очень низкая. Они почти ничего не чувствуют, как и больные проказой. Но постепенно их кожа адаптируется. У кожи имеется потенциал для усиления чувствительности, но он не используется, пока имеются волоски. Когда после бритья волоски удаляются, тело вдруг замечает пустые места на ногах и «отдает команду» направить туда чувствительные осязательные клетки.

слушать. Ваш мудрый совет окажется бесполезным, если вы прежде не выслушаете человека». Кожа тоже помогает слушать. Тысячи чувствительных клеток снабжают нас информацией. С этого первичного контакта начинается любовь.

Стоит измениться давлению воздуха, текстуре ткани, температуре, как кожные рецепторы посылают сигналы мозгу. Так и христианская церковь, которая, по словам Иисуса, «в миру, но не от мира сего», улавливает постоянный поток сигналов, преобразующихся в информацию о жизни общества и о его нуждах. Вселенское Христово Тело огромно. Ежесекундно его рецепторы несут ему информацию о том, что происходит в трущобах Гарлема, перуанских джунглях, на Шри Ланке, на просторах России и в пустынях Аравии.

В Теле Христовом есть члены, обязанность которых -следить за изменением нужд мира. Например, в наши дни миссионеры начинают больше внимания обращать на физические и материальные нужды людей — не только на нужды духовные.

На рассвете миссионерского движения появилось немало людей, которые были слепы к новой обстановке. Они не видели красоты и преимуществ тех народов, которым проповедовали. Из гологрудых негритянок и бьющих в там-тамы негров они пытались вылепить европейцев, замотав их в неудобные и неподходящие для того климата одежды, обучив их любимым гимнам Мартина Лютера.

Божья любовь как бы «снисходила» до этих людей в виде горькой пилюли, придуманной на другом конце земли. Но высшая и действенная любовь всегда начинается с тихого слушания, с первичного узнавания.

Из всех наших чувств осязание дает наиболее надежную информацию. Ребенок начинает познавать мир с прикосновения. Дайте ему игрушку — и он будет трогать ее пальчиками, потом потянет в рот, полижет... Для него слух и зрение — вторичны. Лишь позже он поймет ценность взгляда. Но даже мы, взрослые, порой больше доверяем прикосновению. «Ощутимым» свидетельствам легче поверить. Фома сомневался в рассказах о воскресении Христа. Он говорил: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20:25).

Ребенок трогает атрибуты фокусника, чтобы посмотреть, настоящие ли они. Он не верит своим глазам. Мираж может одурачить взгляд и мозг, но не обманет прикосновение.

Помню один случай. Моей дочери, Мэри, было три года, и она очень боялась грозы. Она понимала, что в доме ей ничего не грозит, но, когда молнии начинали сверкать все ближе к дому, она подбегала ко мне и, вложив свою ручонку в мою руку, неуверенно спрашивала: «Папочка, ведь нам с тобой не страшно, да?»

Слова ее говорили, что ей не страшно, но истинные чувства выдавала ее трясущаяся от страха рука. Через ее кожу я понимал ее состояние.

Мы будем говорить об особых свойствах кожи, которые помогают ей адаптироваться к внешней среде. Но эти ее свойства бесполезны, если кожные рецепторы молчат. Сам Бог решил ощутимо присутствовать в мире, в котором Он, подобно людям, мог получать информацию о мире через кожу. Он уставал, чувствовал боль и затем умер. Но лучший пример безмолвной любви явил Его Сын. Сегодня Он призывает нас стать в миру Его «чуткой» кожей.

16. Податливость

Никто другой, только короли и принцы должны иметь возможность заражаться чесоткой, потому что, когда чешешься, испытываешь восхитительное наслаждение.

Король Яков

Будучи студентом интернатуры в Лондоне, я имел счастливую возможность заниматься под руководством доктора Гвинна Уильямса, хирурга, придававшего большое значение человеческому аспекту медицины. Когда он проходил по плохо отапливаемым коридорам больницы, его правая рука, как у Наполеона, была засунута внутрь халата, где всегда находилась бутылочка с горячей водой, скрытая от глаз пациентов.

«Никогда не доверяйте тому, что пациенты рассказывают вам о своем кишечнике, — наставлял д-р Уильяме своих аспирантов. — Пусть вам все расскажет сам кишечник». Горячая бутылка нужна была ему для того, чтобы рука могла лучше «расслышать» то, что ей будет рассказано. Он учил нас становиться на колени перед кроватью пациента и класть теплую руку на его оголенный живот. «Если вы будете обследовать больного стоя на ногах, — объяснял он, — вы сможете касаться его живота только пальцами. Если же вы

встанете на колени, то ваша ладонь полностью ляжет на живот. И не начинайте сразу же передвигать руку. Пусть она полежит спокойно».

Мы научились различать мгновенное сокращение брюшных мышц пациента — его защитный рефлекс. Прикосновение холодной руки заставляет эти мышцы долгое время находиться в сжатом состоянии, а теплая рука успокаивает и расслабляет их. Мы нежно гладили животы пациентов, вызывая тактильное расслабление. Когда мышцы становились мягкими, можно было различить под ними легкое движение органов, вызываемое даже дыханием.

Доктор Уильяме был прав: не было необходимости задавать вопросы. Натренированная рука, осторожно продвигаясь по животу, могла нащупать напряжение, воспаление и даже опухоль — все то, что могли подтвердить более сложные диагностические процедуры. Осязание — самый верный способ при обследовании больного.

Мы назвали осязание «основным» чувством, но такое название может сбить с толку. В действительности, осязание — это одно из самых сложных чувств.

Каждый квадратный сантиметр поверхности по-своему отвечает на прикосновение. Ученые во главе с Максимилианом фон Фреем составили карту нервных окончаний человеческого тела, очень напоминающую географическую карту мира. Фон Фрей измерил порог чувствительности и дал ему определение. Это минимальный, выраженный в граммах вес, воздействующий на человека, при котором человек начинает чувствовать объект, контактирующий с его кожей. Подошва ступни, загрубевшая от ежедневной нагрузки при ходьбе, не ощущает прикосновений весом менее 250 мг/мм². Тыльная часть предплечья начинает чувствовать прикосновение при давлении в 33 Мг тыльная часть ладони — в 12 мг. Самые чувствительные зоны — это кончики пальцев (3 мг) и кончик языка (2 мг)¹.

Все наши нервы покажутся просто обленившимися, если сравнить их с нервными окончаниями роговой оболочки глаз — прозрачной, бескровной и потому самой уязвимой. Роговица чувствует давление на нее в две десятых доли миллиграмма. Попавшая в глаз ресничка может заставить лучшего футбольного нападающего неожиданно прекратить игру — он не сможет концентрироваться ни на чем, кроме нее. А точно такая же ресничка на тыльной стороне его руки останется совершенно незамеченной. Поэтому «мудрый» комар, чтобы остаться невредимым, сядет вам на плечо, а не на ладонь. И только самое безрассудное насекомое попытается приземлиться на ваши губы.

Распределение осязательных ощущений было задумано не просто так, не на ходу, не за карточным столом («Бог не играет в кости», — сказал Эйнштейн): чувствительность каждого квадратного сантиметра запрограммирована в соответствии с функциями данной части тела. Кончики пальцев, язык, губы — это те участки тела, деятельность которых требует наибольшей чувствительности.

Ученые составляли свои карты на основании «нормальных» реакций на раздражители. В действительности, осязание постоянно изменяется вместе с окружающими условиями. Кожа адаптируется исключительно легко. Мое предплечье ощущает вес всего в 100 мг. Если мне завязать глаза, я почувствую: что-то прикоснулось ко мне. Это ощущение продолжается четыре секунды, затем исчезает. Моя нервная система адаптировалась: я больше не ощущаю давления. Мое тело отфильтровывает сообщения, поступающие от нервных окончаний предплечья. Оно считает, что явной опасности нет, поэтому нет необходимости загружать каналы связи бесполезной информацией о давлении на мою руку. Непроизвольно я теряю ощущение прикосновения — это будет продолжаться до тех пор, пока нагрузка не снимется. Тогда мой мозг примет сигнал об изменении ситуации на моей руке. Если бы система накапливала все сигналы о любых прикосновениях ко мне, то я бы Даже не смог носить шерстяной свитер — мое тело постоянно напоминало бы мне о его присутствии, он бы раздражал мою кожу, и я бы не мог сконцентрироваться ни на чем другом.

Я явственно ощущаю процесс адаптации, когда принимаю горячую ванну. Обычно я наливаю самую горячую воду, какую только могу выдержать, и погружаюсь в нее. Первое ощущение: как будто меня обертывают жгучей крапивой. Через десять секунд мое тело привыкает; та же самая вода становится приятной и ласкающей. Для себя я провел эксперимент: мое тело способно адаптироваться к температуре воды до 45°C, а выше этой температуры телу уже плохо.

Чем вызвана такая сложная система восприятия? Может быть, мозг изголодался по ощущениям и желает получать и получать сообщения по замкнутой цепи из внешнего мира? Или чувствительные рецепторы нашего тела аккумулируют информацию просто из любопытства? Конечно, нет. Задача этого сложного устройства — дать возможность частям тела подготовиться к принятию наиболее правильного решения.

Тщательно продуманный механизм осязания подготавливает кожу для адаптации к изменениям на ее поверхности. Бионики используют слово «податливость» для обозначения ответной реакции кожи. Податливость — способность кожи принимать форму любой поверхности, с которой она контактирует, как бы обтекать ее. Это свойство кожа демонстрирует лучше, чем любой другой сопоставимый с ней материал. Податливость кожи дает телу возможность свободно перемещаться в любых пределах, быть готовым к различным изменениям окружающих условий и в то же время сохранять целым и невредимым свою защитную оболочку. Кожаная одежда и кожаные ботинки ценятся очень высоко (и стоят тоже), потому что они, будучи изготовлены из кожи

животных, обладают гибкостью и эластичностью, а также способны «дышать». Компания «Дюпон» потратила миллионы долларов на разработку корфама — потенциального заменителя кожи, но в конце концов признала свой проект неудачным. Их изобретение не обладало податливостью, присущей коже даже мертвых животных.

Все последние годы я занимался конструированием обуви и приспособлений для ног и рук людей, страдающих проказой и лишившихся осязательных ощущений. За это время я провел сотни часов, изучая анатомию живой кожи. Глубоко под кожей ладони находятся жировые отложения, по внешнему виду и по консистенции напоминающие крахмальный клейстер. Эти жировые прослойки настолько мягкие, почти жидкие, что самостоятельно не могут сохранить свою форму. Они поддерживаются вплетенными в них коллагеновыми прожилками. Все это очень похоже на надувные воздушные шары, перехваченные в разных местах веревкой. Коллаген встречается в большом количестве в тех местах, где он особенно необходим, — там, где требуется поддержание формы. На щеках и ягодицах больше жира и меньше коллагена. (К сожалению, с этим знакомы те, кто сражался с двойным подбородком и с лишним весом в области бедер). Но когда усиливается нагрузка, например, на ладонь руки, весь имеющийся жир как бы скручивается и утончается, оборачиваясь фиброзной тканью. Все это становится очень похожим на кружева.

Я беру в руку молоток. В ответ на полученную нагрузку каждая группа жировых клеток изменяет свою форму. Они все растягиваются, но не могут выйти за строго очерченные границы, благодаря располагающимся вокруг них прочным коллагеновым волокнам. В результате образуется легко перемещающаяся подвижная ткань, которая подгоняет свою форму и точки нагрузки под конкретную форму ручки молотка. Инженеры не могут скрыть восторга, когда анализируют это уникальное свойство. Они не в состоянии создать материал, который бы так идеально сочетал в себе эластичность с вязкостью, как кожа.

Если бы ткань моей кожи была более твердой, я мог бы раздавить хрустальный бокал и даже не заметить этого. Если бы ткань была более мягкой — рука не смогла бы удержать бокал. Когда моя рука обхватывает какой-то предмет — спелый помидор¹, лыжную палку, котенка, другую руку, — жир и коллаген сразу же перераспределяются таким образом, что их форма соответствует форме обхватываемого предмета. Это распространяется на всю зону соприкосновения. Благодаря этому свойству, предотвращается скопление точек повышенного давления, перераспределяется нагрузка, обеспечивается надежная поддержка.

В классе на уроках биологии часто можно увидеть скелеты частей человеческого тела. Попробуйте взять побрякивающий скелет руки и обернуть его пальцы вокруг молотка. Ручка молотка будет соприкасаться с такой жесткой поверхностью, как кость, всего лишь в четырех точках, которым и предстоит нести основную нагрузку. Без податливой кожи и окружающей ее ткани эти четыре точки, испытывающие очень сильную нагрузку, начнут воспаляться и покрываться язвами после того, как я ударю молотком всего несколько раз. Но благодаря податливости кожи, целиком покрывающей мою руку, кость выдержит огромное количество ударов.

¹ На помидорах можно продемонстрировать превосходные качества человеческой кожи. Сейчас стали выращивать специально выведенный сорт помидоров с толстой кожурой. Это сделано для того, чтобы собирающие урожай бесчувственные механические приспособления не смогли помять или раздавить их. Ведь у автоматов нет податливой кожи. Такие помидоры практически безвкусные. Я же не перестаю испытывать бурный восторг, когда подрастают мои ярко-красные спелые-преспелые помидорчики с тоненькой кожицей, — они такие вкусные, сочные и мясистые. Я собираю их сам, потому что у меня, к счастью, имеется податливая кожа.

Податливость — слово, имеющее специфическое значение для инженеров и очень емкое значение для биологов. Но оно имеет еще и особый духовный смысл. Мне нужен жесткий скелет, чтобы держаться ровно, чтобы сохранять независимость от воздействий окружающего мира. Но, когда я беру что-то в руки, мои кости не должны соприкасаться с этим предметом. Податливые ткани, в которые обернуты мои кости, принимают форму предмета — будь она изогнутой или ровной. Я не требую, чтобы предмет принял форму моей руки, — мои руки адаптируются к предмету, перераспределяя нагрузку соответствующим образом.

Жить по-христиански — это настоящее искусство. И, я думаю, концепция «податливости» помогает нам лучше усвоить его. Каждый день мое тело вступает в контакт с множеством других объектов. И как реагирует на это моя кожа? Что происходит со мной? Я беру квадратный предмет - моя кисть повторяет его форму. Я беру круглый предмет — происходит то же самое. Происходит ли это же с моим естеством? Апостол Павел проводит ту же параллель для нас в 1 Кор. 9:19-22: «Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых». Доктор Гарри Ф. Харлоу обожал стоять у клеток с животными в своей лаборатории в Висконсинском университете. Он подолгу наблюдал за детенышами обезьян. От его взгляда не ускользнуло, что малышам очень нравятся разложенные на полу тряпичные подстилки. Обезьянки обращались с ними с какой-то особенной нежностью: брали на руки, обнимали, укачивали на руках, как дети укачивают плюшевого медвежонка. В результате наблюдений было установлено: те обезьянки, которые росли в клетках с мягкими подстилками, становились более крепкими и здоровыми, чем те, которые росли на голом сетчатом полу. Неужели основополагающим фактором было наличие ткани — нежной и приятной на ощупь?

17. Прикосновение

В период правления в Уганде Иди Амина, установившего кровавый режим, группа американских миссионеров послала туда письмо на имя епископа. В письме спрашивалось: «Чем мы можем помочь вашему народу? Что вам прислать?» Вскоре пришел ответ: «Не надо присылать нам еду, не надо присылать лекарства. Пришлите 250 пасторских воротничков». Далее шло объяснение: «Возможно, наша просьба покажется вам странной. Вы — люди Запада, и ваши взгляды сильно отличаются от наших. Но постарайтесь понять: когда наших людей сгоняют в толпы и расстреливают, они должны иметь возможность выделить в этой толпе своих священников».

Пол Сибэри

Доктор Харлоу смастерил из Махровой ткани оригинальную искусственную маму. Сзади приделал к ней лампу подогрева, чтобы она была теплой. Спереди к «маме» прикрепили резиновые трубки с сосками, откуда детеныши могли сосать молочко. Новорожденные обезьянки приняли ее с большой радостью. А почему бы и нет? Она всегда была рядом с малышами: кормила, согревала и в то же время, в отличие от настоящей мамы, никогда не сердилась на них, не шлепала и всегда была под рукой.

Убедившись, что можно вырастить детей с помощью неживой суррогатной матери, доктор Харлоу стал исследовать степень важности осязательных или тактильных характеристик, присущих матери. Он проделал такой эксперимент: поместил в большую клетку мягкую махровую куклу-маму и еще одну искусственную «маму», сделанную из грубой проволочной сетки. Потом принес и положил туда восемь обезьяньих детишек. Когда пришло время кормления, ассистенты доктора распределили детей между двумя мамами — четырех одной и четырех другой. Каждый детеныш мог получить молочко только у той мамы, к которой был распределен.

Результат не заставил себя ждать: все восемь малышей проводили все свое время бодрствования (шестнадцать — восемнадцать часов в день) около махровой куклы. Они прижимались к ней, обнимали и поглаживали ее, лазили по ней. Те детеныши, которым было положено питаться у проволочной куклы, ходили туда только за едой. А потом быстро возвращались к махровой «маме», которая была такой приятной и нежной на ощупь. Когда малыши пугались чего-то, они сразу же крепко прижимались к махровой кукле или залезали на нее, ища успокоения, — все восемь детенышей.

Доктор Харлоу пришел к выводу: «Мы не удивились, обнаружив, что приятное осязательное ощущение составляет основу привязанности и любви. Но мы не ожидали, что это ощущение имеет такое большое значение для детенышей — большее, чем кормление. Это несоответствие настолько велико, что мы считаем возможным предположить: основная функция ухода за новорожденными — обеспечение как можно более частого непосредственного осязательного контакта между малышом и матерью. Другими словами, для нормального развития грудному ребенку недостаточно одного молока»¹.

Антрополог Эшли Монтэгю описывает подобные и многие другие эксперименты в своей оригинальной, увлекательной книге «Прикосновение». Он делает вывод: близкий физический контакт матери и детеныша просто необходим для нормального развития животного.

В отличие от человека, все остальные млекопитающие посвящают огромное количество времени тому, что вылизывают своих малышей. Часто те новорожденные, которых не вылизывают родители, умирают. Причина этого заключается в том, что сами они не могут удалять собственные отходы. Но это лишь одна из причин. Доктор Монтэгю пришел к выводу: вылизывание детенышей одинаково важно как для поддержания чистоты, так и для тактильной стимуляции.

Те, у кого есть домашние животные, знают: и маленькие, и взрослые животные любят, когда их гладят. Любят они и сами себя гладить. Кот выгибается, выворачивает голову и нежно, старательно вылизывает себе бока и спинку. Собака ложится на ковер и поднимает лапки кверху: она ждет, чтобы ей погладили животик. Обезьяна тщательнейшим образом очищает и вычесывает шерсть своих сородичей.

Монтэгю считает, что даже человеческие зародыши, находящиеся в утробе матери, нуждаются в большом количестве тактильных стимуляций, чтобы стать физически крепче. Это необходимо для облегчения прохождения через родовые пути, которое у человека является самым длительным и самым напряженным. Эти четырнадцать часов родовой деятельности, кстати, так хорошо описанной матерями и никак не описанной новорожденными, — очень важный стимул для окончательного созревания некоторых органов и систем организма ребенка. Может быть, этим и объясняется тот факт, что дети, появившиеся на свет с помощью кесарева сечения, имеют более высокий Уровень смертности и больший процент заболеваемости?²

Хотя роль тактильной стимуляции во время родов остается спорной, необходимость осязательного контакта после рождения ребенка была ярко продемонстрирована драматическим, Даже трагическим способом. В конце двадцатых годов уровень смертности новорожденных в некоторых приютах для подкидышей в Америке достиг 100 процентов. В те годы доктор Фриц Тэлбот из Бостона оказался в Германии и познакомился там с концепцией «о нежном и заботливом уходе», которая, казалось бы, не имела никакого отношения к науке. При посещении детской больницы в Дюссельдорфе он обратил внимание на то, что одна пожилая женщина постоянно ходит по коридорам больницы с больным, слабеньким ребенком на руках. Сопровождающий врач сказал: «Это бабушка Анна. Когда мы сделаем больному ребенку все что положено с медицинской точки зрения, а он все равно не выздоравливает, — мы зовем бабушку Анну, и она выхаживает малыша».

Когда Тэлбот предложил эту оригинальную идею администрации американских лечебных заведений, то его просто подняли на смех. Руководство не принимало в расчет такое архаичное представление, что простое прикосновение может обеспечить выздоровление больного ребенка. Но очень скоро неумолимые цифры статистики убедили их. Первыми стали реализовывать новую идею в Беллевейской больнице в Нью-Йорке. Там было введено правило: каждого ребенка надо обязательно брать и какое-то время носить на руках, а также нежно гладить по головке несколько раз в день. Вскоре уровень смертности новорожденных снизился там с 35 до 10 процентов.

Несмотря на подобные открытия, и сейчас еще многие рассматривают осязательный контакт как неотъемлемую часть более важных процедур — кормления и купания. Очень редко к прикосновениям относятся, как к чему-то необходимому для полноценного развития ребенка. Представители еврейской нации придают большое значение осязательным ощущениям, так же как и латиноамериканцы. А вот англичане, американцы и немцы не считают прикосновения настолько важными. Другими словами: чем выше социальный уровень, тем меньше родители дотрагиваются до своих детей. Мне кажется, в Америке уже дошли до крайности: матери совершенно не носят своих

новорожденных малышей на руках, а постоянно возят их в пластиковых колясках, а отцы прикасаются к ребенку, в среднем, в течение тридцати секунд в день.

В случаях с тяжело больными детьми, например страдающими аутизмом, только постоянное и настойчивое прикосновение может дать надежду на излечение. Ребенок, больной аутизмом, нуждается в том, чтобы его гладили и массировали практически постоянно. Только так можно вывести его из состояния тяжелой депрессии.

Монтэгю на основании своих исследований приходит к выводу: кожа — самый важный из всех органов чувств, важнее, чем глаза или уши. Кожа не только передает нам информацию о внешнем мире, но еще и пробуждает сильнейшие чувства. Любят ли меня, радуются ли мне? Безопасен или враждебен мне этот мир? Кожа автоматически впитывает все эти понятия и ощущения, получаемые извне.

Слова, обозначающие прикосновения, образуют в нашем языке выражения, с помощью которых мы передаем свое отношение к окружающим. Мы можем «гладить кого-то против шерсти» или «погладить кого-то по головке». Доверчивых, добрых людей мы называем «мягкими», а с капризными и несговорчивыми можно обращаться только осторожно, дипломатично, лишь «в лайковых перчатках». Мы все делимся на «толстокожих» и «тонкокожих», мы стараемся не оказаться «в чужой шкуре». Мы ведем себя тактично или бестактно — производные от слова «тактильный», что значит «осязательный».

Интимные сексуальные отношения — самое сильное осязательное ощущение нашей кожи. Наши прикосновения друг к Другу настолько пылкие, что два организма на какое-то время становятся одним. На Западе, где культура ориентирована на зрительные восприятия, слышны призывы к тому, чтобы во время секса (который часто ошибочно принимается за любовь) был максимальный кожный контакт.

С годами мы начинаем понимать: такие важные эмоции как любовь должны выражаться естественными способами. Кожа сама предлагает их нам. Именно кожа — наш главный орган общения с другими людьми. Клетки кожи предлагают прямой путь в неиссякающий эмоциями сосуд, который мы метафорически называем «человеческим сердцем».

Но прикосновение может вызывать и неприязнь. Мы рискуем испытать холодное сопротивление раздраженного чем-то супруга или недовольство ребенка, равнодушно пожимающего плечами, что означает: «Оставь меня в покое!» Но оно может также внезапно пронзить электризующим чувством взаимной любви, когда вы испытываете симбиоз ощущений. Это случается, когда одновременно ты прикасаешься к любимому человеку и он прикасается к тебе. Поцелуи или пощечина — и то и другое - формы прикосновения и одновременно общения.

Кожа Тела Христова тоже является органом общения с миром: через него мы являем миру любовь.

Я вспоминаю, как вел Себя Иисус, пребывая в земном теле. Он протягивал руку, чтобы прикоснуться к глазам слепого, коже прокаженного, ноге увечного. В толпе к Нему прижалась женщина, чтобы впитать исцеляющую силу, которая, как она верила, в Нем крылась. Он почувствовал истечение Своей энергии, остановился в шумной толпе и спросил: «Кто прикоснулся ко Мне?» Его прикосновение источало силу.

Я порой думал: почему Иисус так часто прикасался к исцеляемым? Многие из них были обезображены болезнью - грязные, дурно пахнущие люди. Он обладал такой силой, что мог бы легко исцелять взмахом какого-нибудь волшебного жезла. Кстати говоря, волшебным жезлом можно было бы прикоснуться к гораздо большему количеству людей.

И вообще можно было бы разделить больных на группы — отдельно положить паралитиков, отдельно — горячечных, отдельно — прокаженных, — а потом взмахом руки в их сторону исцелять всю группу целиком, т.е. всех скопом. Но Он этого не делал. Иисус пришел на землю не для того, чтобы объявить крестовый поход против болезней. (Если бы было иначе, то почему осталось столько больных в мире и почему Он велел ученикам молчать об исцелениях?) Нет, Он пришел, чтобы служить людям, и больным *В* том числе. Он хотел, чтобы все эти люди, один за другим, почувствовали Его любовь, Его тепло, Его близость к ним. Иисус знал, что не может явить Свою любовь толпе — любовь передается через прикосновение.

В 7-й главе я говорил, что нам, Телу Христову, нужно помогать всему Телу — помогать едой и медикаментами, которые мы посылаем в разные страны. Я побывал на передовой — видел, какую пользу приносит гуманитарная помощь. И я твердо верю: подобную любовь лучше выражать лично, через прикосновение. Чем больше мы отдаляемся от нуждающихся, тем дальше мы отходим от того идеала служителя, который оставил нам Иисус.

В Индии, когда мне встречался трудный случай и я назначал лекарство, родственники пациента шли в аптеку, покупали лекарство, а потом часто несли ко мне: просили, чтобы я сам дал его больному, потому что у меня «добрая рука». Они верили, что лекарство лучше помогает больному, если его дает рука врача.

Я живу на территории единственного в Соединенных Штатах лепрозория. У Карвилля очень интересная история. Больница была создана после гражданской войны, когда представительницы ордена католических монахинь «Дочери милосердия» выразили желание ухаживать именно за больными проказой. Никто из местных жителей не хотел, чтобы рядом с ними открывали лепрозорий. Поэтому все было сделано тайно: на берегу Миссисипи купили заболоченный участок земли, якобы, чтобы организовать ферму для разведения страусов. Первые пациенты были доставлены туда нелегально глубокой ночью. Их привезли на баржах для перевозки угля, накрытых окрашенным в черный цвет брезентом.

Но, конечно же, слух о том, что здесь будет больница для прокаженных, быстро облетел округу — тогда строители бросили все и ушли. Для людей слово «проказа» означало что-то жуткое и страшное, и никто не хотел рисковать своей жизнью. И лишь монахини были полны решимости. Под руководством своей смелой и отважной настоятельницы они взяли в руки мотыги и лопаты и стали рыть рвы и канавы — надо было прежде всего осушить болотистую почву. Не имея никакого опыта в строительстве, сестры в длинных накрахмаленных рясах выкопали котлован под фундамент и возвели стены. И потом они не брезговали ухаживать за пациентами, прибывшими к ним под покровом ночи.

Теперь, спустя почти столетие, я лечу пациентов с диагнозом «проказа» в этой самой больнице. Для многих из них, к чему бы они ни прикасались — к мебели, ткани, траве, асфальту, - ощущение всегда одно и то же. Если они дотрагиваются до чайника с кипятком, они не чувствуют, что им горячо. Им все равно: что горячо, что холодно, а я потом лечу их обожженные руки. Я ненавижу проказу. Тем больным, которым не оказывается лечение, болезнь постепенно калечит руки и ноги, для них наступает самое худшее: они теряют способность чувствовать прикосновение. Многие не чувствуют, когда до них кто-то дотронется или погладит по руке. Из-за невежества и суеверий больные люди лишаются социального общения: с ними больше не встречаются ни друзья, ни коллеги, ни соседи. Проказа — заболевание, приводящее к полному одиночеству.

В Карвилле стало возможным лечить пациентов и проводить постоянные научные исследования благодаря усилиям христианской церкви, особенно Миссии помощи больным проказой, точнее, одному из ее отделений — Американской миссии помощи больным проказой. Я часто удивлялся, почему для проказы создана своя миссия: я никогда не слышал о «Миссии помощи больным малярией» или «Миссии помощи больным холерой». Я думаю дело тут вот в чем: именно больные проказой больше всех нуждаются в человеческом участии. И участие это необычно — оно связано с риском. Христианская! любовь к ближнему как раз и отвечает таким требованиям.

Бригады врачей в больнице для страдающих проказой в Веллоре (Индия) делали все, чтобы спасти своих пациентов. Врачи терпеливо лечили мокнущие язвы, скрупулезно восстанавливали ноги и руки, делая пересадку кожи и пластические операции. Они осуществляли хирургическую трансплантацию новых бровей взамен уже отсутствующих; восстанавливали бездействующие веки; нередко даже возвращали людям зрение. Они учили пациентов, что нужно делать в восстановительный период. Они давали им новую жизнь.

Но самое большое, что только можно подарить больному проказой, — это прикосновение. Мы не морщились при виде больных, как другие. Мы протягивали им свои руки, мы любили их всей своей кожей — наша кожа дарила им свою любовь.

18. Любовь

Христианство — это не статистический отчет о жизни.

Мальколм Маггеридж

Простая женщина, известная под именем Мать Тереза, стала лауреатом Нобелевской премии за вклад в дело мира. Она удостоилась этой высокой награды за свою благотворительную деятельность в Калькутте. Там она помогала людям, принадлежащим к самому низшему в Индии сословию. Она не могла спасти все население Индии, поэтому решила помочь самым нуждающимся — обреченным на умирание. Найти их можно было повсюду: в выгребных ямах и на мусорных свалках Калькутты, откуда они и доставлялись в благотворительную больницу усилиями Матери Терезы. В этой больнице они были окружены заботой и любовью. Улыбающиеся женщины смазывали их раны, смывали налипшую слоями грязь, одевали в чистое белье. И эти несчастные, ослабевшие настолько, что даже были не в силах произнести слово, лишь смотрели широко открытыми глазами на никогда ранее невиданные проявления любви, такие запоздалые в их жизни. Может, они уже умерли и попали на небеса? Что означает такая неожиданная и бескорыстная забота? Почему их так ласково кормят из ложечки теплым, вкусным супом?

Корреспондент в студии Нью-Йоркского телевидения - элегантный щеголь в костюме-тройке, постоянно поглядывающий за подсказками на стоящий за камерой телесуфлер, — расположился напротив Матери Терезы, задавая ей стандартный набор вопросов. Бросалось в глаза, что он очень гордился своими вопросами. Ну зачем же она, в самом деле, тратит средства на людей, у которых все равно нет надежды на спасение? Не лучше ли потратить эти и без того ограниченные средства на людей, которых еще можно спасти? Какими же успехами может похвастаться ее больница, если все пациенты рано или поздно умирают? Мать Тереза смотрела на него молча, слушала вопросы и пыталась проникнуть сквозь внешнюю оболочку в его душу, чтобы понять, что он за человек. У нее не нашлось ответов: понятных таким беззаботно щебечущим, как он. Поэтому он тихо сказала: «Всю жизнь с этими людьми обращались, как собаками. Самое страшное их заболевание — ощущение того, что они никому не нужны. Разве у них нет права умереть подобно ангелам?»

Мальколма Маггериджа, написавшего книгу о Матери Терезе, тоже очень мучили подобные вопросы. Он был в Калькутте, своими глазами видел всю эту жуткую бедность и грязь и, когда вернулся в Англию, страстно и возмущенно описал это. Но, как заметил он сам: разница между ним и Матерью Терезой состояла в том, что он вернулся в Англию... а она осталась в Калькутте. Надо признать, что по статистическим данным она добилась небольшого результата: вырвала из жуткой клоаки нужды и лишений всего нескольких несчастных. Свою книгу он заканчивает выводом: «Но ведь христианство — статистический отчет о жизни».

И это действительно так. Это не статистический отчет жизни. Когда пастух в поле, пересчитал своих овец и увидел, что их девяносто девять вместо ста, он кинулся на поиски пропавшей овечки и долго, запыхавшись, с бешено бьющимся сердцем бежал и искал ее. А когда нашел, положил на плечи и принес в стадо (Лк. 15:4-7). И случай, когда хозяин заплатил одинаково всем своим работникам: и тем, которые работали целый день,

и тем, которые работали всего один час (Мф. 20:1-16), — не статистический отчет о жизни.

Христианская любовь к ближнему, милосердие, бескорыстие — это не статистические понятия. Восприятие кожей — сильнее, чем восприятие глазом или ухом. Оно дает четкое представление о потребности другого человека и инстинктивно помогает отзываться на эту потребность.

Я не верю, что миссионерская работа обязательно станет эффективнее, если будет более специализированной, но безликой. Технологические усовершенствования, конечно, необходимы везде и в христианских медицинских центрах, в частности. Но я сам видел в Индии хорошие христианские медицинские заведения, которые постепенно теряли свою изначальную сущность. Они принимали официальный статус, обрастали новыми зданиями и раздували свой штат. «Качество» их лечения улучшалось — но и стоимость возрастала. Чтобы окупить свои затраты, они приобретали дорогое современное оборудование, рекламируя которое, могли привлечь богатых пациентов. А тем временем бедные, обделенные здоровьем люди уже не в состоянии были заплатить за лечение в миссионерской больнице. Они вынуждены были обращаться за помощью в государственные клиники.

Мне вспоминается тот вклад, который, в отличие от подобных миссий, внесли мои родители. Они поехали в Индию проповедовать Евангелие. Прожив там год, они научились понимать потребности простых людей и стали заниматься медицинской, сельскохозяйственной, образовательной, евангельской, а также переводческой деятельностью. Осознание ими нужд других людей (податливость) и определило ту форму, которую приняла их любовь.

Мои мама и папа проработали семь лет, прежде чем смогли обратить кого-нибудь в христианство. Но первые обращенные в христианство люди — прямой результат их исцеляющей любви. Очень часто деревенские жители оставляли больных родственников на пороге нашего дома, и мои родители лечили и выхаживали их. Однажды, когда индусский священник умирал от осложнений после гриппа, он прислал свою слабенькую, болезненную девятимесячную дочку моим родителям на воспитание. Никто из его окружения не ухаживал за больным ребенком — девочка лежала и умирала. Мои родители взяли ее, выходили, а потом удочерили. Я приобрел сводную сестру, Руфь, а родители завоевали доверие людей. Односельчане были так тронуты этим примером христианской любви, что вскоре сами приняли любовь Христа.

Много лет спустя, когда моей маме, «бабуле Брэнд», было восемьдесят пять лет, уже много позже смерти отца, она помогла сделать открытие в области медицины. Часто ей как врачу приходилось сталкиваться с тяжелыми гнойными абсцессами, поражающими кожу на ногах жителей горных деревень. Она лечила их: вскрывала воспаленное место, удаляла из раны гной и извлекала тонкого червячка — источника воспаления. Такой червячок называется «ришта». Маму очень беспокоило огромное количество подобных заболеваний. Она стала искать причину и обнаружила: будучи личинкой, этот червяк-ришта какую-то часть своего жизненного цикла живет в воде. Если бы можно было нарушить этот цикл, то появилась бы возможность уничтожить и самого червя. Мама приступила к поискам решения этой проблемы. А пока, познакомившись поближе с образом жизни горцев, она пришла к выводу: люди заражаются, когда берут воду из родников и вступают в нее босыми ногами. Тогда она верхом на лошади объездила все окрестные деревни, убеждая людей построить каменные мостки для подхода к родникам. За десятилетия своей христианской деятельности она снискала любовь и доверие этих людей. Поэтому люди послушались ее. Через несколько лет эта пожилая женщина

собственноручно истребила всех червей-ришт и, соответственно, вызываемое ими заболевание в окрестностях двух горных хребтов.

У моей жены была похожая ситуация с заболеванием глаз у детей. Каждый раз, когда она сталкивалась с этим заболеванием, я догадывался об этом в тот же вечер по выражению отчаяния на ее лице. Я только сочувственно смотрел на нее и вопросительно произносил одно слово «Кератомия?» Она утвердительно кивала головой.

Эта болезнь возникает из-за недостатка витамина А и белка у детей от года до двух лет. Пока ребенка кормили грудью, он получал все необходимое. Но это продолжалось до тех пор, пока на свет не появлялся его младший братик или сестричка, и тогда грудное молоко доставалось уже младшему. Однообразное питание, основу которого составлял рис, не обеспечивало детский организм необходимыми витаминами, поэтому организм малышом подвергался инфекции. Она не заставляла себя долго ждать и поражала глаза ребенка. У ребенка развивался конъюнктивит. Это инфекционное заболевание очень легко поддается лечению у нормально питающихся детей. Но у получающего неполноценное питание ребенка конъюнктивит все больше и больше разъедает глаза. Глядя на такой глаз, мы видели лишь желеобразную, влажную, размяченную массу, как будто под воздействием какого-то невидимого горячего луча все составные части глаза расплавились. Осмотр даже одного такого ребенка, испуганно отворачивающегося от света, всегда выводил Маргарет из состояния душевного равновесия, — и уже не имело значения, сколько успешных операций провела она в этот день.

Маргарет начала бить во все колокола. Она писала в различные медицинские институты и просила помощи. Ученые одного из институтов занялись этой проблемой. Вот что они обнаружили: обычная зеленая трава, в изобилии растущая в той местности, где жили дети с инфекционным заболеванием глаз, содержит очень высокую концентрацию витамина А. Они также обнаружили, что арахис, урожай которого жители собирали каждый год для изготовления растительного масла, содержал необходимый детям белок. После того как из арахиса отжималось масло, жители обычно отдавали отжимки на корм свиньям.

Теперь надо было растолковать людям о необходимости кормления детей травой и арахисом. Маргарет и приехавшие ей на помощь медсестры начали проводить разъяснительную работу. Вскоре матери маленьких детишек возбужденно рассказывали своим соседкам о том, что простая трава и арахис могут предотвратить слепоту у ребенка. Эта новость распространялась по округе с огромной скоростью. Через некоторое время дети уже забыли об этом жутком заболевании.

Конечно же, эти два примера являются исключением. В основном миссионерская деятельность состоит из изнурительного труда и мало заметного результата. Но обе эти женщины продемонстрировали ощутимые результаты христианской любви. Правительственные банки данных, оснащенные современным оборудованием больницы, специалисты сельского хозяйства имели все необходимое, чтобы победить кератомию и червя-ришту. Но они были лишены доверия местных жителей. Движущей силой медицинских открытий стали не они, а те труженики, которые постоянно «держали руку на пульсе» страданий простого народа и которые очень много потрудились, чтобы заслужить доверие и уважение людей своими делами.

Китайская пословица говорит: «Ничто не может загладить обиду от подарка, кроме любви человека, который его делает». Если я подойду к бедняку, суну ему в руку десятидолларовую бумажку и уйду прочь, — я сильно оскорблю этого человека. Мой поступок означает: «Ты не в состоянии позаботиться о себе — вот тебе подарок». Но

если я приму участие в его жизни, узнаю его нужды, пойду по жизни рядом с ним, поделюсь с ним тем, что имею, — тогда я не обижу его.

Могу себе представить, какой был бы результат, если бы «бабуля Брэнд» разбрасывала с самолета листовки, призывающие построить каменные мостки у источников воды.

Каждую неделю мой почтовый ящик переполнен письмами от христианских организаций, занимающихся благотворительной деятельностью: кормят голодных, одевают нагих, посещают заключенных, лечат больных. В письмах они рассказывают, в каких ужасающих условиях живет мир, и просят у меня денег на то, чтобы облегчить страдания мира. Очень часто я жертвую деньги, потому что сам жил и работал среди страдальцев мира сего. Я знаю, что большая часть этих организаций изливает любовь и сострадание на жаждущих во многих странах мира. Но мне становится грустно оттого, что единственная нить, соединяющая миллионы христиан-даятелей с нуждающимся миром, — это почта. Чернила на бумаге... Фразы отредактированы так, чтобы достичь наилучшего результата, но нет кожи, нет прикосновения.

Если свою любовь я выражаю опосредованно — через присланный мною чек с пожертвованием, то я никогда не увижу того удивительного отклика, который всегда порождает тихая верная любовь. Не каждый из нас может поехать в страны третьего мира, где проживает большая часть нуждающихся. Но каждый может посетить заключенных в тюрьме, отнести обед прикованному к постели инвалиду, помочь матери-одиночке, сироте. Если мы будем любить только тех, с кем нас разделяют мили пути, то сами окажемся в проигрыше: чтобы кожа сохраняла чувствительность, ей нужно постоянно находиться в контакте с окружающим миром.

И лучший пример тому — Иисус Христос, воплощение Бога Живого, ходивший по нашей земле. В Послании к Евреям писатель подводит итог Его земной жизни. Он говорит, что наш Первосвященник может проявлять сочувствие к нашей слабости (см. Евр. 4:15). Бог Сам решил, что Ему нужно прийти к нам. Ему мало было любить на расстоянии, да и как показать Свою любовь иначе, чем облекшись в человеческую плоть? Об Иисусе сказано, что Он «страданиями навывок послушанию» (Евр. 5:8). Вроде бы глупо звучит: Божий Сын чему-то учился здесь у нас на земле. До облечения в человеческое тело Бог никогда не испытывал физической боли, не жил под одной крышей с нуждающимся. Но Бог пребывал с нами и прикасался к нам. Проведенное на земле время позволило Ему прочувствовать всю полноту нашей боли.

Выходит, что лучше всего дарить любовь тем, к кому можешь прикоснуться: соседу, родственнику, бедняку. В Индии мне представилась такая возможность. Сегодня я дарю свою любовь людям из Карвилльской клиники для прокаженных — любовь через прикосновение. Я не стал, естественно, безразличен к нуждам жителей Индии. Я ищу людей, которые могут занять мое место там. Этих миссионеров и посылающие их организации я стараюсь поддерживать молитвами и пожертвованиями.

Но у прикосновений бывают посредники — такое случается и в жизни, и в церкви. Рецепторы давления находятся глубоко в моей коже. То, что происходит на поверхности кожи, передается им через посредников — другие клетки. Я могу помогать индусам через свою дочь, живущую в Бомбее, через друга, доктора Фритчи, работающего в больнице для прокаженных в Карджири. И каждый раз я жду от них известий о том, какой отклик вызвала моя любовь. Моя обязанность — быть частью их труда, и для этого мне надо знать о них все: читать поступающие от них весточки, молиться за них. Когда я молюсь за них — за клетки, находящиеся на передовой, — я могу чувствовать их боль и их

борьбу. Итак, мы можем поддерживать связь с членами Тела Христова, находящимися в других странах, и они становятся нашими болевыми рецепторами.

Нужды накатывают на мир, словно лава при извержении вулкана. Каждый день несет нам печальные известия о голоде, войнах, эпидемиях. Порой мы узнаем о несчастьях мира, копаясь в набитом едой холодильнике. Мы переключаем телевизор на другую программу, когда на экране появляется голодный черный ребенок со вспученным животом. Нужды мира так велики, что происходит парадоксальная вещь: вместо того чтобы пробудить в нас сострадание, поток известий о бедствиях делает нас жестокими и бесчувственными.

Одновременно в нас накапливаются ощущения вины и стыда, которые теоретически могли бы заставить нас действовать. И тут я снова вспоминаю о служении Иисуса. Он исцелял людей, но у Его служения был определенные географические рамки. Он не дошел ни до кельтов, ни до китайцев, ни до ацтеков. Но Он сплотил группу христиан, которая должна была обойти весь мир и помочь нуждам всего мира. Итак, нужно начинать с того, что есть. Нужно начинать с близких, соседей, тех людей, которые находятся в пределах досягаемости. Один человек не может изменить весь мир, но все вместе мы можем выполнить Божью заповедь — наполнить мир Божьим присутствием и Божьей любовью. Когда ты протягиваешь кому-нибудь руку помощи, то знай — это рука Тела Христова.

19. Противостояние

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Иисус

Я был бы не совсем прав, если бы оставил у вас впечатление, что единственные функции кожи — это информировать нас об окружающей обстановке и обеспечивать контакт с ней через прикосновение. Природа не бывает столь расточительной. Кожа является, в основном, защитным барьером, своеобразной линией Мажино, которая не позволяет находящемуся внутри нее выйти наружу, а находящемуся снаружи — попасть внутрь. Без нее части нашего тела просто растекутся, как повидло, и мы потеряем четкость очертаний своего организма.

Если бы я выбирал самое ценное свойство кожи, я бы выбрал водонепроницаемость. Шестдесят процентов тела состоит из жидкости, которая просто испарилась бы, если бы кожа не окружала тело со всех сторон, сохраняя так необходимую ему влажность. Без кожи горячая ванна просто убила бы нас: вода под напором устремилась бы внутрь нашего тела будто в сливное отверстие - с огромной скоростью закручиваясь воронкой; тело распухло бы от обрушившегося внутрь него потока; кровь стала бы разбавленной; легкие пропитались бы водой и превратились в болото. Прочный кожаный барьер, состоящий из клеточек-булыжников, предохраняет от подобных катастроф.

Современная цивилизация предъявляет коже чрезмерные требования. В быту мы пользуемся грубыми чистящими и моющими средствами (которые могут изменить кислотный баланс кожи и именно этим способствовать росту числа бактерий). Мы любим по субботам подвергать кожу воздействию хлорки, плавая в бассейне; руки — воздействию керосина, разжигая огонь! для шашлыка. Очищаем запачканные краской кисточки скипидаром, а предметы, на которые случайно капнула краска, абразивным порошком. Каким-то невероятным способом кожа все это выдерживает.

Помимо всего прочего, кожа служит первой линией обороны против полчищ микробов и грибов, которыми буквально усыпана ее поверхность. Увеличенные фотографии поверхности кожи, сделанные через микроскоп Леннартом Нильсоном, демонстрируют крошечные отверстия потовых и жировых пор. Это отличные лазейки для проникновения бактерий извне в более глубокие слои кожи. По краям этих отверстий четко видны удобно расположившиеся зеленоватые микробы и кишачая масса грибов. Одна-единственная бактерия, живущая на свете примерно двадцать минут, воспроизводит огромное количество себе подобных. Через восемь часов их число может достичь миллиона. На каждом из нас живет столько же этих мерзких тварей, сколько людей населяет нашу планету. Кожа! состоит из нескольких химических соединений, отрицательно заряженных частиц и слоя защитных клеток — все это, чтобы не допустить вторжения мародеров.

По трещинам и бороздкам кожи ползают и более крупные живые существа. В прошлом веке даже в развитых странах клещи, блохи, клопы и вши были неотъемлемой частью внешнего вида человека. В головной повязке Томаса Бекета кишели вши. Самуэль Пепис вынужден был вернуть обратно присланный парикмахера парик, полный гнид. Нетитулованное мелкопоместное дворянство Франции, очень озабоченное своими ма-

нерами, хмурило брови, если раздавалось специфическое щелканье — кто-то давил гнид под ногтями. Но его представители сами занимались тем же в компании близких друзей. И в наши дни восьминогая тварь длиной в треть миллиметра, имеющая название *Demodex folliculorum*, резвится внутри волосяных мешочков головы или, поразмыслив на досуге, решает перебраться в другое место, например на глазные ресницы. Эту разновидность клеща, по форме напоминающего сигару и, в общем-то, безвредного, можно обнаружить практически у каждого человека. «Юноши» и «девушки» *Demodex* встречаются для своих любовных утех в укромном местечке позади волоска, и немного-немало двадцать пять юных созданий появляется на одной теплой и жирной сальной железе нашего тела.

Коже приходится отбивать атаки и гораздо более крупных созданий, таких как скорпионы, лесные клещи, блохи, мелкие мушки и крупные кусачие мухи. Некоторые клопы, жаждущие потянуть соки из человека, устремляются к стесненным одеждой частям тела, где сдавленные подкожные сосуды близко прилегают к коже. И вот эта тварь ползет по телу со скоростью восемь сантиметров в минуту, пока не доберется до участка кожи, сжатого резинкой от белья. Кожа в этом месте такая тонкая, она так и приглашает впитаться в нее — вот где можно вдоволь насосаться крови.

А такие воздействия на кожу, как удары и ушибы, встречают сопротивление тысяч клеток эпидермиса. Эти клеточки, растягиваясь, словно пружинки, затем возвращаются в свое исходное положение. Они быстро восстанавливаются, как трамплинчики, поглощая силу удара, способного повредить внутренние органы.

Внешний мир довольно грубый, и, чтобы устоять перед ним, эпидермис предоставляет нашему телу бесчисленное множество жертвующих собой клеток. Клеточки внешнего роговического слоя, очень похожие на кукурузные хлопья, готовы в любой момент отшелушиться и освободить место новым влажным клеткам, переместившимся на их место из более глубоких слоев. Специалисты подсчитали: ежедневно мы теряем десять миллиардов клеток кожи. Одно только рукопожатие или поворот рукой дверной ручки вызывает целый листопад падающих на землю клеточек кожи — до нескольких тысяч. Можете себе представить, сколько их остается лежать на земле, например, после игры в баскетбол.

Мертвые клетки сохраняются на поверхности кожи руки, покрытой пластырем, в течение нескольких недель. А куда же деваются остальные? Водопады таких клеток обрушиваются из стряхиваемых простыней, некоторые уносятся ветром, но большая часть остается в доме. До 90 процентов всей домашней пыли состоит из клеток мертвой кожи, добровольно отшелушившихся от вас, ваших домашних, ваших гостей. Они ждут, когда их соберут мягкой тряпочкой и выбросят на помойку, а вот чего они не ждут — это слов благодарности за принесение себя в жертву. Новые клетки вырастают на их месте преимущественно между 00:00 и 4:00, когда большая часть тела отдыхает.

Как-то ко мне обратился энергичный молодой студент, который учился играть на гитаре. С озабоченным лицом он попросил меня осмотреть его пальцы — подушечки были красные, распухшие, кровоточили, когда он играл. «Неужели у меня слишком слабые пальцы? Неужели я никогда не стану гитаристом?» — жалобно спрашивал он.

Смешно было смотреть, как он разглядывает клеточки своей кожи. Кожа была частью его тела, верно ему служила, но он относился к ней, как начальник к своим подчиненным. Он сомневался, добросовестно ли она работает. Я предложил ему немного сбавить темп. Его кожа старалась изо всех сил приспособиться к новым нагрузкам — струны

«соскабливали» тонкий слой эпидермы еще до того как клетки успевали восстановиться. Я объяснил, что через некоторое время скорость размножения клеток на подушечках его пальцев возрастет и подушечки покроются толстым слоем грубой кожи.

Из всех органов человеческого тела кожа кажется мне наиболее священной. Неудивительно, что около одной четвертой части всех пациентов каждого врача страдают какими-либо заболеваниями кожи. Чтобы защитить жизненно важные органы, находящиеся внутри человека и неспособные приспособиться к изменениям в окружающей среде, кожа принимает на себя все удары мира. Повышение температуры всего на семь или восемь градусов оказалось бы смертельным для человеческого организма, не будь кожи... Коже приходится служить своеобразным радиатором — жидкость приливает к ее поверхности и испаряется, чтобы охладить тело. Кровь приливает к поверхности кожи и таким образом противодействует жаре. В жаркий солнечный день человеческое тело испаряет порой до семи литров жидкости. И все для того, чтобы охладить организм.

С одной стороны, верующие в Иисуса Христа являют миру Тело Христово, а потому каждый из них в той или иной мере исполняет роль кожной клетки. Порой каждому из нас доводится быть передовым отрядом Тела Христового в миру и принимать на себя удары врага. Тем не менее я твердо уверен: как наши тела защищают нежные клетки глаза или печени от внешних суровых условий, так и в церкви есть люди, которых нужно оберегать: им нужно дать отдохнуть и поразмыслить о Боге. Некоторые члены церкви нуждаются в защите в определенные неприятные моменты своей жизни. Именно для защиты этих верующих кому-то из членов Тела Христового приходится выходить на передовую и страдать за остальных.

Работать кожной клеткой новичку не под силу. Кожа -очень сложный орган, отвечающий за безопасность тела, связанный с иммунной системой организма. Тесты на аллергию, оспу, туберкулез проводят именно на коже, потому что она несет в себе информацию о внутренних органах и защищает их. Христиане, которым очень уж хочется «покрасоваться» перед Миром, выталкивают новообращенных на передовую — чтобы мир их видел, видел результат работы церкви. Но новообращенным может не хватить мудрости и духовной зрелости, чтобы выполнять такую функцию. Я могу перечислить имена спортивных звезд, которых после обращения тут же затаскали по христианским спортивным конференциям и которые в результате отпали от веры и сегодня не проявляют ни малейшего интереса к христианству. Они напоминают мне нежные клетки кожи на пальцах молодого гитариста, которые еще не привыкли к новой нагрузке.

Новообращенные более других открыты для опасностей, подстерегающих их во враждебной окружающей среде. Им нужна защита, чтобы они могли невозбранно освоить «науку Тела». Если даже апостолу Павлу понадобилось «время на размышление», можем ли мы торопить сегодняшних новообращенных? Им нужно привыкнуть к своему новому положению!

Не каждый из нас окажется на передовой. Но и тех, кто несет смиренное служение внутри Тела Христового, тоже подстерегают свои опасности: они могут почувствовать себя незначительнее других частей Тела, тех, которые больше на виду. Если кто-то моет полы в больнице или печатает церковные объявления на машинке, он, по всей видимости, меньше делает для Царствия Божьего, чем проповедник, — вам так не кажется?! Библия много пишет о тех редких людях, которые призваны были вести за собой других, завоевывать для веры новые территории. Они — пример для нас. В этом нет сомнения. Но не станем же мы все апостолами! Такого в Библии не написано. Прихожане любой

церкви — в своей массе обычные люди, которых сделали разными разные условия жизни.

Одних Бог ставит на передовую, например Мать Терезу, Корритен Бум, Билли Грэма. Они заслуживают того, чтобы мы за них молились, поддерживали их и ни в коем не завидовали им, — жизнь на передовой Тела Христова нелегка.

История церкви пестрит «клетками», которые добровольно решали жить в местах, где их подстерегали наибольшие нагрузки. Им нипочем были удары, жара, невыносимое напряжение. Список героев веры из главы 11 Послания к Евреям звучит для меня как перекличка мучеников, сражавшихся на передовой. Ибо они «заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих; жены получали умерших своих воскресшими; иные же замучены были, не принявши освобождения, дабы получить лучшее воскресение; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу. Были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11:33-38).

Сегодня христиан преследуют в странах, где господствуют репрессивные режимы. Александр Солженицын напоминает нам о море страданий, в которое были погружены русские христиане, о том наследии, которое они оставили миру.

Я вспоминаю свою мать. Она жила в комфортабельном доме на окраине Лондона. Оттуда она уехала миссионером в Индию. Когда «бабуле Брэнд» исполнилось 69 лет, миссия предложила ей пойти на пенсию. И она вышла на пенсию, но без работы она пробыла недолго — лишь до тех пор, пока не нашла удаленного местечка в горах, где еще не ступала нога миссионера. На свой страх и риск она забралась в эти горы, построила маленькую деревянную хижину и проработала там еще 26 лет. Из-за сломанного бедра и прогрессирующего паралича она могла передвигаться только с помощью двух бамбуковых палок, но на своей старой кляче она с докторским чемоданчиком объезжала окрестные горы. Там она искала тех, кто был никому не нужен — уродливых, больных, увечных, слепых, — и лечила их. Когда она приезжала в знакомое селение, навстречу ей высыпала целая толпа, встречавшая ее радостными приветствиями.

Моя мама умерла в 1974 году в возрасте девяноста пяти лет. Из-за плохого питания и слабого здоровья суставы у нее опухли, она стала худой и изможденной. Она перестала заботиться о своей внешности задолго до этого, даже не хотела смотреть в зеркало, чтобы не видеть на лице отпечатка суровой жизни. Она была частью передового отряда Божьей армии, несшего Божью любовь отверженным.

Другая женщина, тоже служащая в Божьем передовом отряде, сочетает в себе все свойства кожи Тела Христова. Монахиню, доктора Пфау, я встретил в 1950 году в окрестностях Карачи, в Пакистане. Худших условий для жизни и представить себе нельзя. Еще задолго до того как я добрался до ее дома, зловонный запах начал разъедать мне ноздри. Запах был настолько сильным, что казался почти осязаемым.

Вскоре я увидел огромную свалку мусора на берегу моря — отбросы большого города, которые разлагались и гнили здесь уже многие месяцы. В воздухе гудели тучи мух. Наконец я стал различать фигуры людей, покрытых язвами, копошащихся в горах отбросов. Это были прокаженные. Больше сотни прокаженных, изгнанных из Карачи, поселились здесь на свалке. Листы ржавого железа указывали на их укрытия. Труба с краном, из которого капала вода, была единственным источником воды. (Сегодня этой

свалки уже нет, и доктор Пфау служит старшим врачом в современной больнице для прокаженных в Пакистане).

И вот здесь, рядом с этим ужасным местом, я увидел чистенькую деревянную клинику. Там я и нашел доктора Пфау. Она с гордостью показала мне аккуратные полки, папки с историями болезней пациентов. Такая папка была заведена на каждого пациента со свалки. Разительный контраст между ужасающей картиной горы отбросов и этим оазисом любви и заботы — чистенькой клиникой - навсегда врезался в мою память. Каждый день доктор Пфау исполняла функции кожи. Она являла собой красоту, чувствительность к нуждам других, сострадание и постоянное, бесстрашное практическое проявления Божьей любви — любви через прикосновение. По всему миру люди, подобные ей, выполняют Христову заповедь — наполняют мир Божьим присутствием.

-

20. Движение

При отсутствии других доказательств достаточно одного пальца, чтобы убедить меня в существовании Бога.

Исаак Ньютон

На сцену выходит уже немолодой человек. У него приятная внешность. На испещренном морщинами лице выделяется крупный нос. Ссутуленные плечи, запавшие тусклые глаза — человеку более девяноста лет. Он садится на голую черную скамеечку, подвигая ее под себя. Сделав глубокий вдох, поднимает руки. Слегка дрожа, они на минуту застывают над черно-белыми клавишами. И вот начинается музыка. Все мысли о старческой слабости немедленно уходят из сознания четырех тысяч человек, пришедших на концерт Артура Рубинштейна.

Программа вечера очень проста: экспромт Шуберта, несколько прелюдий Рахманинова и хорошо знакомая всем «Лунная соната» Бетховена — любое из этих произведений можно услышать на уроках в музыкальной школе. Но сегодня их исполняет Рубинштейн. Бросая вызов смерти, его исполнение соединяет воедино безупречную технику с высоким поэтическим стилем. Его интерпретации музыкальных произведений вызывают у публики восторженные нескончаемые крики «Браво!» Рубинштейн слегка кланяется и, согнув в локтях свои такие непостижимые старческие руки, уходит со сцены.

Должен признать, что такое великолепное исполнение, как у Рубинштейна, воздействует на мои глаза так же, как и на уши. Руки — моя профессия: я изучаю их всю жизнь. Игра на фортепиано — это балет пальцев, восхитительные движения связок и суставов, сухожилий, нервов и мускулов. Я должен сидеть рядом со сценой, чтобы наблюдать за их движением.

Я проделал очень скрупулезный расчет и теперь знаю: ритм, требуемый для исполнения некоторых музыкальных партий, таких, например, как мощное арпеджио в «Лунной сонате», слишком быстрый, и наше тело просто не может поспеть за ним. Нервные импульсы не передаются в мозг с такой скоростью, чтобы успеть дать команду третьему пальцу быстро подняться от клавиши — дабы четвертый палец успел вовремя ударить по следующей клавише. Должны пройти месяцы бесконечных тренировок, прежде чем мозг сможет подсознательно давать быстрые указания пальцам, т. е. выработается рефлекс — музыканты называют его «память пальцев».

Я не менее восхищаюсь и медленными, ритмичными пассажами. Хороший пианист управляет своими пальцами так, как будто они не связаны между собой. Когда звучит аккорд из восьми нот, для исполнения которого требуются обе руки, каждый палец оказывает разное давление на клавишу для придания звуку выразительности, а нота основной мелодии звучит громче всех. В ключевом отрывке пианиссимо разница в давлении на клавиши разными пальцами составляет всего несколько грамм — только оснащенная самыми совершенными техническими средствами лаборатория может зафиксировать эту разницу. А в человеческом ухе такая лаборатория имеется. И музыканты, подобные Рубинштейну, слышат возгласы восхищения, потому что умеющие различать звуки слушатели способны наслаждаться малейшими нюансами исполнения.

Очень часто мне приходилось стоять перед группой студентов медицинского университета или хирургов и подробно объяснять им движение всего лишь одного

пальца. Обычно я держу перед ними препарированную руку трупа. Она всегда выглядит ужасно: из нее торчат разорванные сухожилия. Я объявляю, что пошевелю кончиком мизинца этой руки. Для демонстрации только одного этого движения мне надо положить мертвую руку на стол и потратить, по меньшей мере, четыре минуты, чтобы разобраться в путанице связок и сухожилий. (Сами пальцы не снабжены мышцами, обеспечивающими ловкость и проворство, необходимые для такой деятельности, как игра на пианино, — сухожилия передают им усилия от мышц предплечья и ладони). Наконец, я нахожу с десятков необходимых мне мышц, придаю им нужное положение, слегка натягиваю их и очень осторожно перемещаю — кончик мизинца совершает заметное движение без какого бы то ни было участия двух других своего сустава.

Семьдесят различных мышц участвуют в движении руки. Я могу заполнить всю комнату хирургическими руководствами, предлагающими различные способы восстановления поврежденной руки. Но за сорок лет практики я ни разу не встречал руководства, предлагающего усовершенствовать работу нормальной, здоровой руки.

Я всегда вспоминаю свои лекции, когда сижу на концерте и наблюдаю, как тонкие пальцы пианиста взлетают вверх и падают вниз, как они скользят по клавишам. Я глубоко уважаю руку. Рубинштейн использует ее функцию, как что-то само собой разумеющееся. Руки — его покорные слуги. Часто он закрывает глаза или смотрит прямо перед собой, как бы не замечая своих рук. Он совершенно не думает о мизинце: он осмысливает Бетховена или Рахманинова.

Множество различных мышц выстраивается в очередь, готовое прийти на помощь рукам Рубинштейна. Предплечья его рук напряжены, локти изогнуты под прямым углом, чтобы соответствовать высоте рояля. Находящиеся в движении мышцы тыльной стороны плеча должны сокращаться, чтобы поддерживать руки, простертые над роялем, а мускулатура шеи и груди надежно удерживает плечи. Когда он доходит до особенно сложного музыкального отрывка, все мышцы его торса и ног напрягаются. Они образуют прочную опору, обеспечивающую возможность рукам свободно двигаться. Без помощи этих цепких мускулов Рубинштейн заваливался бы вперед каждый раз, когда ему нужно было наклониться, чтобы прикоснуться к клавишам.

Чтобы познакомиться с различными типами протезов рук, на создание которых были затрачены миллионы долларов и годы труда ученых и инженеров, я побывал на нескольких заводах радиоактивных материалов. С нескрываемой гордостью научные работники демонстрировали мне свое детище — ловкие автоматы, позволяющие избежать воздействия радиации. С помощью кнопок и рычагов можно управлять движениями искусственной руки, запястье которой движется вверх-вниз и поворачивается. Самые последние модели даже имеют большой палец — в природе такое строение встречается лишь у приматов. (Только человек может соединить большой палец со всеми остальными, благодаря чему мы можем легко и крепко захватывать и удерживать предметы.) С видом гордого папаши разработчик этой модели наставил на меня большой палец искусственной руки.

Я одобряюще закивал и наговорил ему кучу комплиментов по поводу такого огромного диапазона возможностей этой механической руки. Но он так же, как и я, конечно, знал: по сравнению с человеческой рукой его машина — типичное создание атомного века — выглядит топорной и неуклюжей, даже какой-то жалкой. Она так же далека от настоящей руки, как детский рисунок от шедевра Микеланджело. Концерт Рубинштейна доказал это.

Шестьсот мышц, составляющих 40 процентов веса нашего тела (в два раза больше, чем кости), потребляют огромное количество энергии, получаемой с пищей. Это дает нам

возможность совершать движения. Самые маленькие мышцы обеспечивают получение светового изображения нашими глазами. Другие мышцы длиной в два-три сантиметра позволяют нашему лицу принимать разные выражения, с помощью чего мы можем многое поведать своему собеседнику. Самая большая мышца — диафрагма — руководит кашлем, дыханием, чиханьем, смехом и вздохами. Массивные мышцы ягодиц и бедер управляют нашим телом при ходьбе. Без мышц кости превратятся в бесформенную грудку, суставы разъедутся в разные стороны, и движение станет невозможным.

Мышцы человека делятся на три типа: гладкие мышцы осуществляют «автоматические» процессы, которые происходят без участия сознания; поперечно-полосатая мускулатура обеспечивает произвольные движения, например, игру на фортепиано; а сердечные мышцы настолько специализированы, что заслужили выделения в особую категорию. (Сердце птички колибри весит всего 3 г, а бьется с частотой 800 ударов в минуту; а вот сердце кита весит целых 4,5 кг. По сравнению с ними функции человеческого сердца кажутся крайне ограниченными, но оно вполне справляется со своими обязанностями—в среднем по 70 лет работает без передышки.)

Хотя мы живем в постоянном окружении созданных человеком движущихся предметов — самолетов, автомобилей, цветowych бликов на экранах телевизоров, мы просто цепенеет от полнейшего восторга, который вызывают у нас различные виды движений, ставшие возможными благодаря мышцам. Но даже низшие представители животного мира демонстрируют поразительное мастерство. Мышцы обычной домашней мухи срабатывают за тысячную долю секунды — вот почему не так просто поймать ее голыми руками. Какая-то жалкая блоха совершает такие акробатические прыжки и сальто, которые, применительно к достижениям человека, вызвали бы страшную зависть у наших олимпийских чемпионов. Посетите зоопарк и понаблюдайте за тюленями и морскими львами, такими неловкими на суше. Тогда слово «грациозный» наполнится для вас новым смыслом. Посмотрите, как деревенская ласточка, камнем падая вниз, вдруг описывает дугу и возобновляет свой полет.

А вот человек более консервативен, диапазон его движений ограничен. Мы не такие зоркие, как орел; не так хорошо слышим, как сова; не светимся, как светлячок. Мы не способны бегать подобно собаке, прыгать подобно кузнечiku, летать подобно птице. Но наши мышцы устроены таким образом, что вполне позволяют нам заниматься балетом, фигурным катанием, гимнастикой. Мы не раз наблюдали по телевизору выступления представителей этих видов искусства и спорта: одни невесомые красавицы словно скользят по воздуху, на пальчике одной ноги выделяют сложнейшие пируэты; другие соскакивают с верхней перекладины брусев, легкой пружинкой приземляясь на пол. У людей, достигших подобного мастерства, грациозность — результат упорнейших тренировок. Во время выступления слышатся различные звуки: толчки, глухие удары, поскрипывание снарядов, тяжелое дыхание; перед нашими глазами натруженные, потные тела, тяжелый физический труд. Эти люди могут преобразовывать напряженную мышечную деятельность в плавность и отточенность линий. Их изящество возможно благодаря двойной природе движения: огромной силе и жесткому мышечному контролю.

21. Равновесие

Христианство преодолело трудности и объединило яростных противников: теперь они все вместе присоединились к нему и все так же яростны.

Гильберт Честертон

Движения, осуществляемые, например, Рубинштейном или Барышниковым, не происходят сами по себе. Двигательный очаг коры головного мозга, на который будут записываться определенные коды для каждого движения, сначала чист, как вытертая школьная доска. И хотя некоторые движения выполняются нами инстинктивно, все же новорожденный ребенок из-за действия силы притяжения не может держать головку и принимать вертикальное положение. Его ручки и ножки совершают отрывистые и нелепые движения, как в старом немом фильме. Но он меняется очень быстро: уже через месяц может держать головку, а через два его можно сажать, прислонив к опоре. Через семь месяцев, если все идет нормально, ребенок уже сидит без опоры. В восьмимесячном возрасте он способен стоять без посторонней помощи и, в среднем, еще через семь месяцев устойчиво ходить со скоростью один шаг в секунду. При этом он совершенно не задумывается о своих движениях.

Если мы проанализируем все участвующие в движении сигналы тела, то обнаружим: этот улыбчивый, шатающийся, делающий первые шаги ребенок является непостижимо сложным механизмом. Более сотни миллионов чувствительных клеток каждого глаза воспроизводят образ стола, к которому малыш направляется. Рецепторы, отвечающие за вытягивание шеи, соотносят положение его головы с туловищем и определяют соответствующее мышечное напряжение. Нервные окончания суставов, как автоматная очередь, выстреливают сообщения с информацией об углах костей его ножек. Органы чувств, находящиеся внутри уха, информируют мозг о направлении силы притяжения и равновесии тела. Величина давления пола на кончик каждого пальчика фиксируется в каждом сообщении — это определяется типом поверхности, по которой малыш идет.

Для того, чтобы ребенок мог остановиться, мышцы «противоположного» действия — сгибатели и разгибатели бедра, колена и лодыжки — должны сократиться с одинаковым и «разнонаправленным» напряжением, придав суставам устойчивость и не позволяя им разогнуться. Слова «мышечный тонус» описывают сложный процесс взаимодействий, которые обеспечивают умеренную степень сокращения мышц стоящего ребенка, — в этом положении они столь же деятельны и энергичны, как и при сменяющих неподвижную позу движениях.

Мимолетный взгляд вниз, чтобы ненароком не наступить на игрушку, валяющуюся на ковре, заставит все органы чувств полностью перестроиться. На сетчатке глаза мгновенно появится образ пола, но внутреннее ухо и отвечающие за растяжение рецепторы успокоят мозг: тело не падает. Любое движение головы изменяет центр тяжести всего тела, вызывая натяжение каждой мышцы ног. В организме малыша кипит работа — миллионы сообщений передают информацию в его мозг и отдают приказ совершить экстраординарный поступок — сделать шаг вперед.

Отдельные клетки мышечной ткани подчинены сложной иерархической организации. Мышечные клетки — длинные, гладкие тельца с многочисленными темноокрашенными ядрами — выполняют единственное действие: сокращение. Они

способны лишь тянуть, а не толкать, поскольку молекулы двух содержащихся в клетке белков «вдвигаются» одна в другую, как зубцы повернутых друг к другу расчесок. Клетки объединяются в тяжи — мышечные волокна, похожие на заплетенные косички, мышечные волокна «подотчетны» структуре, которая стоит на более высокой иерархической ступени организации и называется мышечным пучком.

Один двигательный нерв управляет одним мышечным пучком, опутывая его своими окончаниями, словно осьминог щупальцами. Получив сигнал, все волокна мышечного пучка сразу укорачиваются и утолщаются, некоторые волокна отвечают за быстрые резкие движения и быстро расходуют необходимую для сокращения энергию; другие, рассчитанные на длительные нагрузки, устают медленнее. Реакция мышечных волокон на раздражение подчиняется принципу «все или ничего». У них нет механизма, регулирующего сокращение в зависимости от силы импульса, есть только простой выключатель, различия в силе сокращения, как в фортепианной игре Рубинштейна при легком касании клавиш или сильных ударах по ним, определяются числом мышечных пучков, включившихся в движение в данный момент.

Дирижеры больших хоров обычно рекомендуют своим певцам не задерживать дыхание в конце такта пианиссимо, так как звук при вдохе становится рассеянным. Певцы должны сделать вдох в середине такта, причем не все сразу, а по очереди, чтобы большая часть голосов продолжала звучать. Но клеточки — это не певцы в хоре: мышцы не могут попросить своих членов петь определенным образом. Все, что могут сделать бицепсы, — изменить число участников. Каждая группа двигательных мышц при необходимости отдыхает. При этом мышечное сокращение остается стабильным.

Очень редко все группы двигательных мышц одного Крупного мускула запускаются одновременно. Бывают случаи, когда выброс адреналина способствует проявлению невиданной огромной силы. Она называется силой «истерического состояния». Например, мать может поднять автомобиль, придавивший ее ребенка, - в этом случае, видимо, все группы двигательных мышц стимулируются к одновременному действию.

Мышечный «хор» можно по-настоящему услышать, если в мышцу вставить иглу, соединенную с устройством, преобразующим электрическую энергию в звук. Вы услышите: «клик-клик-клик» — постоянный поток сообщений передает информацию о мышечном тоне. Медленно согните бицепсы — поток кликающих звуков ускорится. Резко поднимите руку вверх — и вы услышите крещендо звуков, выстреливающих с частотой автоматной очереди. Клеточки никогда не перестают издавать звук. Они перестраиваются мгновенно — за доли секунды, - когда получают приказ от мозга ускорить свою деятельность. Измерительный прибор осуществляет запись движения статического потока из зоны только одной группы мышц, задействованных в области вторжения иглы, а ведь работают еще и сотни других мышц — невозможно записать деятельность их всех. Многочисленные и очень важные группы мышц выполняют свое дело независимо от того, думаем мы о них или нет: автоматически срабатывают мышцы век, дыхания, сердцебиения и пищеварения. Это мудрое тело не доверяет нашей забывчивой эксцентричной воле в вопросах контроля за жизненно важными функциями. Поэтому эти функции настолько защищены, что мы не можем по своему желанию прекратить биение сердца или остановить дыхание. Никто не в состоянии покончить жизнь самоубийством, задержав дыхание: собравшаяся в легких двуокись углерода включит в действие механизм, отключающий наше желание и заставляющий срабатывать мышцы ребер, диафрагмы и легких.

Представьте себе электрическую сеть, охватывающую! каждый дом в огромном городе. По какой-то причине в один момент свет в домах вдруг погаснет, холодильники начнут

размораживаться, компьютеры отключатся, электрические часы остановятся, телевизоры выключатся и т.д. Огромный город может лишиться многих необходимых вещей — начнется беспорядок. Гораздо более сложная система включения — выключения действует в вашем теле сейчас, когда вы читаете эту книгу. Эта система прекрасно отрегулирована, в ней идеальный порядок. Когда вы дочитаете страницу до конца, вы перевернете ее пальцами, которые совершенно не вникают в сложность управляющих ими систем.

Мышцы нашего физического тела, как и мышцы тела духовного, нужно постоянно тренировать, иначе они не растут. Если из-за паралича мы теряем способность двигаться, начинается атрофия мышечных тканей, они уменьшаются в объеме до тех пор, пока не поглощаются другими тканями тела. Так же и здоровье Тела Христова становится очевидным лишь тогда, когда оно проявляет любовь к окружающим. Когда оно не реагирует на боль и несправедливость, оно начинает увядать и слабеть. Если не использовать способности органа, то он деградирует.

Но меня непрестанно поражает одна из особенностей движения Тела Христова. Если изучить историю церкви, то можно увидеть, что ее развитие всегда носило довольно беспорядочный, неравномерный характер. В каждом веке в церкви наблюдались расколы и раздоры, ожесточенные споры о ее роли в обществе и печальные переборы в отклике ее на нехристианские влияния. В истории церкви наблюдаются временные спады в ее активности, на основании чего мы делаем вывод, что движение церкви неэффективно. (Часть неразберихи происходит из-за того, что видимая церковная организация — церковная структура и иерархия — может в каждый данный период времени не совпадать с реальной церковью — Телом Христовым. Пастырь или даже епископ в какой-то исторический отрезок может выйти за рамки Тела и работать во вред Телу Христову.)

Когда я размышляю о биологическом механизме движения, мне легче понять, каким образом внешне не связанные потоки энергии могут вызывать направленное движение. Движение человеческого тела не является результатом согласованного однонаправленного действия всех его частей. Более того, каждое действие вызывает как прямую, так и обратную реакции. Мы уже говорили о том, что мускулы состоят из мышечных пар-антагонистов: когда трицепс сокращается, бицепс расслабляется и наоборот. Но один из пионеров нейрофизиологии, сэр Чарльз Шеррингтон, показал, что всякое мышечное движение является комбинацией процессов торможения и возбуждения, происходящих в мышечных тканях. Так что в каждом «предложении», «написанном» мышцей, всегда есть уравнивающее «но».

Вот отличная иллюстрация принципа Шеррингтона. Когда доктор ударяет молоточком по колену пациента, сокращается мышца, расположенная в передней части бедра. Но колено не сможет двинуться, если мышца задней части бедра, которая сгибает колено, не будет в этот момент расслаблена. Два импульса, поступающие в мышцы, обладают равной силой. Только один вызывает расслабление мышцы, а другой — сокращение. Сложные движения, такие как движения при ходьбе, при ударе по мячу, вызваны одновременным напряжением и расслаблением сотен мышц. Таким образом, все движения мышц строятся по принципу «расслабление — напряжение». Шеррингтон развил эту мысль: «Говорят, что цель жизни — движение, а не мысль. Но сегодня это мнение придется опровергнуть: удержаться от поступка — это такое же действие, как и совершить его. Мы выяснили, что процесс торможения наряду с процессом возбуждения тоже является результатом действия нервной системы»¹. Решение НЕ совершать поступок - это тоже решение.

Определенная комбинация процессов торможения синхронизирует деятельность всех органов тела — координирует сердцебиение с дыханием, дыхание с глотанием, регулирует мышечный тонус, помогает телу приспособиться к изменениям в темпе движения тела. Короче говоря, благодаря процессам торможения мышцы никогда не мешают друг другу.

Этот биологический принцип помогает объяснить то явление, которое на первый взгляд кажется досадной неувязкой в истории церкви. Тело Христово движется вперед семимильными шагами. Кстати говоря, вопрос о действии и бездействии был предметом жарких споров в ранней церкви. В человеческом поведении, как отметил Чарльз Вильямс, господствуют две противоположные тенденции: «Человеку так и хочется сказать: «Все без исключения важно». Вторая тенденция — сказать: «Это — истинно. Но ради собственного душевного здоровья мы не можем все в мире считать равнозначным»². Первая жесткая позиция приводит к обостренному мировосприятию, при котором человек каждое действие считает имеющим вечные последствия. В худшем случае это может вылиться в законничество и нетерпимость, свойственные «святым» крестовым походам. В более благоприятном случае человек сбережет рассудок, но ему грозит опасность погрузиться в бездействие: он может стать равнодушным к несправедливости и греху.

В Посланиях к Римлянам и Галатам апостол Павел боролся с обеими этими крайностями. Он осуждал законников за то, что они извратили понятие Божьей благодати, и одновременно утверждал, что добрые дела должны быть естественным результатом возникновения в человеке новой жизни.

В отношении к миру в целом христиане опять же разрывались между двумя крайностями. В первые два века христианства возникли два пути — Путь утверждения и Путь отрицания, у каждого из которых были свои ярые последователи. Путь утверждения создал строгие церковные правила: «Если какой епископ или священник, или дьякон, или священнослужитель любого ранга будет воздерживаться от брака, мясоедения и вина, то... надлежит ему указать на это или лишить сана и изгнать из церкви»³.

Тех, кто воздерживался от брака и празднеств, называли «хулителями мироздания». У сторонников Пути утверждения было много мишеней, ведь немало истощенных полуголых отшельников скиталось по пустыням. Этот парадокс не нов: Сам Иисус Христос говорил, что Иоанна Крестителя ругали за его аскетический образ жизни, а Его — Сына Божьего — обзывали Пьяницей и обжорой (Мф. 11:19). Каждый из Путей оставил человечеству нечто хорошее: Путь утверждения подарил нам великое искусство и романтическую любовь, философию, учение о социальной справедливости; Путь отрицания оставил нам в наследство творения христианских мистиков, которые могли выйти лишь из-под пера человека, поглощенного созерцанием! Святого.

Современная христианская мысль старается выработать новую церковную этику, соответствующую нуждам перенаселенного! мира. Можно ли позволить себе создавать прекрасные произведения искусства и архитектуры, когда на их создание уходит столько средств? Вновь заходят разговоры об опоре на общество, которое в демократических странах Запада может иметь чрезвычайно сложную структуру. Руководители миссионерских организаций разрываются между целями-близнецами, заложенными в их служении. Речь идет о служении на духовном и материальном уровне, о благовестии и социальной работе. Даже в крошечной церкви могут наблюдаться противоположные тенденции.

Если поговорить на христианском собрании с молодыми политиками-радикалами, резко выступающими против американского правительства и проповедующими пацифизм и

международную нищету, то я так и не смогу составить себе целостного взгляда о том, что должны делать христиане для мира. Тем не менее, подобная христианская контркультура может, находясь в процессе торможения, направить в нужное русло деятельность «официальной церкви», пробудив ее от спячки бесчувствия, заставив ее открыть глаза на творящуюся в мире несправедливость. Возможно, действия радикалов не позволят Телу Христову перекошиться на один бок.

Но во всех этих спорах объединяющим фактором должна быть верность Главе — Иисусу Христу. Мы можем по-разному истолковывать Его слова, цели, предлагать разные пути их осуществления во враждебном обществе. Но если мы не будем едины в повиновении Ему, то наши действия не станут взаимодополняющие и взаимоуравновешивающими силами, необходимыми для любого нормального движения, а будут спазматическим, бесплодным сокращением мышц.

22. Отклонения от нормы

Наши способности можно сравнить со сталеплавильными заводами, на которых лишь отделяют руду от большого количества примесей; когда свет слишком яркий — плохо видно.

Мальколм Маггеридж

Э то случилось, когда я жил и работал в Индии. Однажды ко мне на прием пришел пациент — толстый неповоротливый увалень. Он плакал. Много лет назад он приехал из Австралии, с тех пор работал здесь инженером. Все было хорошо. Но вот начались проблемы с шеей: она вдруг стала дергаться — сначала немного, потом все сильнее и сильнее. И сейчас спазмы уже такие сильные, что через каждые несколько секунд подбородок просто стучит о правое плечо. Я понял: у пациента — спазматическая кривошея, или синдром скрученной шеи. Очень изнуряющее состояние, обычно вызываемое сильными психическими нарушениями.

В перерывах между резкими сокращениями мышц мой пациент рассказывал свою грустную историю. Вдобавок к дергающейся шее он еще страдал из-за маленького роста и сильной полноты, а в молодости к тому же был алкоголиком. По его словам, кривошея началась веко-Ре после его поездки на время отпуска в Австралию. Живя в Индии, он прослыл убежденным холостяком. И вдруг из Австралии он возвращается с женой — значительно моложе его и выше ростом, — которая тут же, естественно, становится объектом сплетен во всей деревне. Кругом шептались: «Что она нашла в нем? Что заставило ее сделать такой неудачный выбор?»

Я направил мужчину к психиатру, потому что ничем не мог помочь ему — лишь выписал успокоительные лекарства. Психиатр высказал свое подозрение: состояние пациента объясняется постоянно преследующим его навязчивым страхом, что он не соответствует своей жене. Врач установил диагноз, но не назначил никакого лечения. Через несколько недель этот мужчина опять пришел ко мне еще более подавленный. Неопрятно одетый, с постоянно дергающейся шеей, он не мог не вызывать жалости.

Когда он сидел где-нибудь в одиночестве, не привлекая ничьего внимания, его шея почти не дергалась. Но как только кто-то вступал с ним в разговор, подбородок сразу заваливался на шею, как раз на то место, где виднелся незаживающий лиловый синяк. Я исследовал его состояние и стал искать способы лечения. Но ничего, кроме снотворного, не помогало. Я делал ему уколы новокаина — после них наступало временное облегчение. Он уже дошел до такой крайней степени подавленности, что предпринял попытку самоубийства. И потом снова и снова твердил мне громким, решительным голосом, что будет повторять такие попытки до тех пор, пока не достигнет желаемого результата. Он больше не мог жить с этой ненормальной шеей.

Я предложил ему поехать за границу, так как в Индии не было нейрохирурга. Он отказался. С большой неохотой мне пришлось согласиться провести ему опасную и сложную операцию на спинном мозге и основании головного мозга. Я никогда не делал таких сложнейших операций, но мужчина настаивал, говоря, что иначе снова совершит попытку самоубийства.

Я не помню больше ни одной операции, сопровождавшейся таким количеством неприятных моментов. Мы удлинili обычный операционный стол, чтобы пациент мог лежать на нем лицом вниз, как на нормальном нейрохирургическом столе. К сожалению,

это затруднило работу анестезиолога: ему неудобно было быстро поправить кислородную трубку в трахее пациента, когда трубка сместилась. Из-за недостатка кислорода началось обильное кровотечение. В тот момент, когда нам потребовалось остановить кровотечение, в термокоагуляторе вдруг произошло короткое замыкание. А потом случилась самая ужасная. Когда спинной мозг пациента был уже в зоне моей видимости, погас свет во всей больнице. И я остался лишь с маленьким ручным фонариком и неработающим термокоагулятором для остановки кровотечения. Вдобавок ко всему я не успел перед операцией освободить собственный мочевой пузырь и теперь испытывал большой дискомфорт.

В перерывах между этими отвлекающими моментами я пытался сконцентрироваться на самой операции. После того как я обнажил спинной мозг и нижнюю часть головного мозга, я стал прослеживать путь тонких, как волоски, нервов, идущих в спастические мышцы шеи. Любое незначительное движение скальпеля могло перерезать пучок нервов и лишить пациента движения или чувствительности.

Каким-то чудесным образом, несмотря на все трудности, операция прошла удачно. Когда наш пациент пришел в себя и почувствовал повязку на шее, он понял: бесконечное дерганье шеи его больше не беспокоит. Да оно и не могло беспокоить: я перерезал двигательные нервы, идущие от спинного мозга к произвольно сокращающимся мышцам шеи. Это движение просто уже не могло больше совершаться. Определенная группа мышц была полностью изолирована, так как она восстала и перестала выполнять приказы мозга. Выведенные из употребления, эти нервы постепенно атрофировались и исчезли.

Когда люди видят больного со сведенной судорогой мышцей, они тут же решают, что все дело в самой мышце. Но на самом деле мышца абсолютно здорова. Более того, она хорошо развита — тому способствовало ее частое использование. Оказывается, нарушены связи этой мышцы с остальными частями тела: она показывает свою силу не вовремя, тогда, когда действие этой мышцы телу не требуется. Спастические сокращения мышцы, как в случае с австралийским инженером, ставят его самого в неловкое положение, вызывают боль и отчаяние.

Как разросшиеся жировые клетки могут привести к возникновению вредной опухоли, поглощая энергетические ресурсы тела, так и спастические сокращения мышцы могут мешать нормальному движению тела. Все просто: сведенная судорогой мышца не принимает в расчет нужды остального тела. Нарушение ее функции — это уже не болезнь, а бунт.

Проявления любви — исцеление, кормление голодных, обучение, благовестие о Христе — все это функции духовного Тела Христова. Но даже эти действия, которые кажутся совершенно благими, могут стать объектом серьезных нарушений, как сведенная судорогой мышца, когда мы делаем благие дела ради собственной выгоды, для собственного блага, ради поддержания своей репутации. Служа физическим и эмоциональным нуждам других, мы легко можем впасть в искушение, возмнив себя Богом, вознесясь в непомерной гордыне. Тогда любовь, ставшая для нас божком, вскоре превратится в беса. Те из нас, кто занимается христианской работой, знают, насколько реально это искушение — искушение гордыней. Ко мне приходят за советом, и я даю совет. Но не успеет человек выйти из кабинета, как я уже поздравляю себя с тем, какой я замечательный душе попечитель.

Ученики Иисуса — первые Его ученики — постоянно претыкались о гордыню. Они начинали спорить по пустякам: кто из них величайший ученик, кто из них удостоится

наибольших почестей на небесах (см. Мф. 20:20-23). Иисус говорил им о жертвенности. Выводил ребенка из толпы, чтобы показать образчик кротости, даже мыл их грязные ноги, чтобы продемонстрировать, каким должен быть служитель. Но ничего не помогало — вплоть до темного дня на Голгофе.

Я не собираюсь никого судить, не собираюсь писать о современных мне христианах, которые разминают свои мышцы исключительно ради своего блага, а не ради блага Тела Христова. Но меня больше всего волнует рост «электронной» церкви. Это новая, очень сильная мышца, которая может дотянуться до миллионов людей и собрать миллионы долларов. Но не дают ли новые технические возможности руководителям христианских церквей чрезмерную силу и чрезмерные возможности? Я — бывший миссионер и всегда играл второстепенные роли. Но я слишком хорошо знаю, насколько слаб человек и как сильно искушается он духовной гордыней. Теле- и радиоблагочестивые, христианские лекторы и артисты рассказывали мне о своих трудностях. Как легко им купаться в лучах одобрения и ласкающем душу обожании поклонников. Должностные лица крупных христианских организаций и пасторы тоже подвластны искушению гордыней и высоким положением.

Ни у одного человека нет полного иммунитета против гордыни. Христианам-радикалам, стремящимся работать в бедных кварталах больших городов, христианам-консерваторам, жертвующим большие суммы на миссионерскую работу, студентам духовных семинарий, ищущим применения своим новообретенным знаниям, членам церковных советов — всем нам нужно воскресить в памяти образ Сына Божьего, склонившегося на каменном полу и развязывающего покрытые палестинской пылью сандалии на ногах учеников. Мы не сможем почувствовать свою ценность, если будем совершать собственные беспорядочные движения в Теле Христовом. Каждое наше действие должно быть направлено на благо всего Тела. Если мы верно служим Христу и получаем в ответ всеобщее одобрение, то нам понадобится особая благодать от Господа, чтобы устоять, не впасть в искушение. Но если мы служим ради одобрения, славы и богатства или какого-то иного конечного результата, то результат нашего служения не будет отличаться от спазматического сокращения мышцы. Подобно Анании и Сапфире, мы превратим благое дело в дело нечистое, ибо наши мотивы будут нечисты.

Итак, чтобы Тело двигалось, нужно, чтобы все его части работали плавно и четко, с радостью подчиняя свою силу воле Главы. Если они не будут исполнять приказания Главы, то их движения, какими бы мощными и впечатляющими они ни были, не принесут Телу никакой пользы.

Есть и еще одна особенность движения, из-за которой все тело может стать калекой. Когда части тела работают согласованно, начинается процесс трения. Об этой опасности я вспомнил, когда ко мне обратилась одна известная английская пианистка. Он рассказал, что на концертах ей мешают приступы боли — не дают сосредоточиться на музыке и ритме. Все ее естество сосредоточено на боли, пронзающей руку в тот момент, когда большой палец отклоняется под определенным углом от ладони. Из-за этих приступов ей пришлось отменить ряд концертов, хотя она по-прежнему понимала музыкальные произведения, мышцы ее работали нормально, пальцы сохраняли чувствительность и чувство ритма ей не изменяло.

Я объяснил ей, что причиной всему — пораженная артритом область между двумя костями запястья у самого основания большого пальца. Я сказал, что не стоит прерывать выступления, но следует постараться как можно меньше двигать этим суставом. «Но как

же я могу играть Шопена, когда мне нужно думать о большом пальце?» — запротестовала она. Всякий раз, когда она начинала играть, ее внимание переключалось на боль, возникающую из-за трения в крошечном огрубевшем суставчике.

Подобные случаи заставили меня обратиться к вопросу о «смазке», которая используется в суставах, и тут я узнал одну из самых поразительных вещей. Я узнал, почему наши суставы плавно работают и мы не испытываем при этом никакой боли. В Кавендишской лаборатории в Кембридже (Англия) группа химиков и инженеров сравнивала свойства хрящевой оболочки суставов со свойствами искусственных материалов, используемых в механизмах с повышенной силой трения. Ученые искали материал, который можно было бы использовать для создания протеза бедренной кости таза. Прежде всего они выяснили, что сила трения, возникающая в коленном суставе вола, составляет одну пятую от силы трения, возникающей при взаимодействии двух хорошо отполированных металлических деталей. Примерно такая же сила трения возникает при трении друг о друга двух кусков льда. Казалось невероятным, что природа смогла создать сустав, который по своим механическим свойствам в пять раз превосходил все созданное современной инженерной наукой.

Дальнейшие исследования показали, что хрящ, покрывающий снаружи конец кости, испещрен канальцами, содержащими жидкость-смазку — синовиальную жидкость. Хрящ может сжиматься: когда сустав приходит в движение, та область хряща, на которую приходится наибольшее давление, сжимается, выдавливая жидкость-смазку из канальцев. Жидкость становится своеобразным смазочным материалом, который образует прослойку между двумя поверхностями и не дает им соприкасаться друг с другом. Движение сустава продолжается, и уже другая область хряща принимает на себя давление — из нее прыскает жидкость-смазка и все повторяется снова. Та же область хряща, которая больше давления на себе не испытывает, расширяется и впитывает ранее выдавленную из нее жидкость. Итак, при активном движении поверхности хрящей не соприкасаются друг с другом, а как бы проплывают рядом друг с другом на «подушке» из смазочной жидкости. Инженеры были поражены: смазка отдельных частей соприкасающихся деталей и материалы, сами выделяющие смазочные вещества под давлением, были последним словом в инженерии, а оказалось...

В Теле Христовом суставы — это области, потенциально подверженные повышенным нагрузкам и трению; это группы людей, работающие совместно в определенных стрессовых УСЛОВИЯХ. Когда тело отдыхает, ему не нужно защищаться от трения, но как только мышцы и кости приходят в движение, суставы становятся объектами повышенного внимания. Если взглянуть, как часто требуется обращать внимание на подшипники в любом механизме, то начинаешь удивляться, как могут суставы работать десятилетиями, не изнашиваясь и не ржавея. Но, несмотря на прекрасную природную смазку, суставы тоже выходят из строя — если повреждена их поверхность, если истончаются хрящи.

Людям пожилого возраста хорошо известны боли в суставах — это реакция организма на естественный износ. В Теле Христовом естественный износ тоже можно наблюдать. Свидетельство тому — нетерпимость старших, мудрых членов церкви по отношению к полным энтузиазма молодым членам церкви, которым еще многое предстоит узнать о правилах христианского поведения и о христианском учении. В последние годы в церкви наблюдался большой приток новых людей, особенно тех, кого в 60-е годы называли «Иисусовым народом», и тех, кто пришел на волне харизматического движения 70-х. Христиане старшего возраста становятся раздражительными и нетерпимыми в отношениях с этими новыми членами. Так что порой нам очень нужна Божья благодать.

Она — словно синовиальная жидкость, впрыснутая в сустав, помогает старым понять молодых, а молодым помогает уяснить, каково иметь изношенные хрящи в суставах.

Гораздо более серьезно другое заболевание суставов — ревматизм, он может даже молодого человека сделать калекой. Нам неизвестны причины этой болезни, в результате которой клетки суставов становятся сверхчувствительными. Неожиданно сустав наполняется антителами, которые появляются обычно лишь тогда, когда включаются защитные механизмы организма, чтобы истребить попавшие в тело бактерии или чужеродные белки. Нормальная защитная реакция организма вдруг превращается в пир каннибалов. Клетки, находящиеся в синовиальной жидкости, начинают вести себя как при воспалительном процессе. Если вскрыть и осмотреть сустав, то никаких инородных тел и «врагов» мы там не найдем — только огромное скопление защитных частиц, которые яростно атакуют хрящи и связки. Разражается ужасная «гражданская война». Защитные механизмы тела обращаются против тела.

Есть множество теорий, призванных объяснить возникновение ревматоидного артрита. Согласно одной из них, существует инородное тело, являющееся причиной происходящего, просто мы еще не в состоянии его идентифицировать. Какая бы теория ни победила — результат один: гипертрофированная реакция на нечто вызывает страшную боль и наносит вред суставу. Даже если и существует неизвестный нам враг, он сам наверняка принес бы меньше вреда, чем бешеная реакция клеток на него.

Духовный «ревматоидный артрит» порой охватывает целые церкви. Члены церквей становятся легкоранимыми, мгновенно обижаясь на якобы обращенные против них обвинения. Их чувство собственного достоинства, положение в церкви становятся для них важнее, чем согласие в церковной общине; возникает спор по какому-то малозначительному богословскому вопросу, и согласие по этому вопросу объявляют условием восстановления духовного единства церкви.

Вывод однозначен. Но недостаточно сделать выводы, нужно еще и применить их на практике. Не вызывают ли трение и нагрузки воспалительных процессов в моем окружении? Не происходят ли все беды из-за того, что во мне загорается праведное негодование против зла, творящегося в моей семье, институте, церкви? Может быть, мой гнев приносит больше зла, чем само зло, против которого он направлен?

Артрит поражает суставы, потому что именно в суставах присутствует процесс трения. Некоторые люди считают, что христиане меньше подвержены «процессам трения», ибо у них общие цели и идеалы. Но на деле на христианской ниве «силы трения» могут быть даже сильнее, потому что кроме обычных рабочих ситуаций на христианина воздействует и еще одна мощная сила — постоянная потребность быть «духовным». В христианском медицинском колледже в Индии работал психиатр, частыми пациентами которого были местные миссионеры. Они следовали высоким целям. Они жили в уединении и, казалось, часто становились жертвами всяческих внутренних духовных конфликтов. Очень часто они отказывались признавать наличие внутреннего конфликта до тех пор, пока сила трения не увеличивалась до предела и не сводила на нет все доброе, чего им удалось достичь.

В отдаленном районе на станции служат две женщины. Целые дни они общаются только друг с другом. Они обе выполняют важное дело, но сломить их может не громадность задачи, а «трение» — необходимость ежедневно работать бок о бок. Они не решаются заговорить о своем раздражении, потому что стыдятся своих чувств, считая их недостойными звания христианина. Поэтому они прячут свои чувства глубоко в себе, и те

выбиваются наружу лишь в виде физических и душевных немощей. Когда же взаимное раздражение наконец выплескивается наружу, то повод к этому бывает самым что ни на есть пустяковым — неуместная шутка, храп соседки.

Некоторые люди считают, что христианин обладает иммунитетом против раздражения. Но это не так. Человеческое тело делает все возможное, чтобы нивелировать процессы трения, а потому и Тело Христово не должно забывать о смазочных материалах — предотвращать возможные конфликтные ситуации между своими членами.

23. Иерархия

Нервная клетка, или нейрон — человек в миниатюре: это личность, это организм, состоящий из разнообразнейших частей. Она может действовать спонтанно, а может четко выполнять полученные распоряжения... Она говорит на понятном нам языке, впитавшем в себя все, что происходило раньше.

Теодор Баллок

Я уже говорил о силе, воздействующей на наш организм подобно удару тока. Электрический ток, электричество. Что же это такое? В наши дни это уже ни у кого не вызывает удивления, хотя совсем недавно подобные понятия вселяли ужас. Само слово «электричество» ассоциировалось с грозой и вспышками молнии, которые могли убить человека. Все это объяснялось действием страшных потусторонних сил. Другими словами, электричество было столь же непонятно прошлым поколениям, как нам непонятна атомная энергия. Сейчас невозможно представить себе нашу жизнь без электрического тока — мы платим деньги за его постоянное присутствие в наших домах. И это при том, что каждую минуту тысячи огненных всполохов освещают нашу планету в виде молнии. Только самых храбрых людей не пугают эти электрические разряды.

Какое отношение эти леденящие душу вспышки электричества, обрушивающиеся с небес на наши головы, имеют к миллиардам крошечных нервных клеток, живущих внутри меня? Итальянец Луиджи Гальвани, живший через тридцать лет после прославившегося своей храбростью Бена Франклина, первым заглянул в лабиринт человеческих нервов. До Гальвани все ученые и врачи придерживались теории греческого физика Галена, выдвинутой им в 130 году н. э. В своей теории Гален очень наглядно описал все процессы взаимодействия в теле человека в виде непрекращающегося потока бесплотных «животных духов», передающегося по пустотелым трубчатым разветвлениям. Эта теория существовала столетия. И это естественно. Вряд ли в те времена кто-то мог поверить, что дрожь любовной страсти, безбрежный океан эмоций, пробуждаемых музыкой Вивальди, священный мистицизм праведника — все это не что иное, как математически рассчитанные формулы химических реакций и электрических импульсов.

Бедный Гальвани не мог даже предположить, до какой степени будут упрощены его открытия. Без всякой задней мысли однажды пасмурным днем он принес домой на ужин нескольких лягушек и повесил на крыльце. Но в порыве страстного желания оставить свой след в истории науки, он обезглавил этих лягушек и снял с них кожу. Затем отвел проводок из громоотвода и пропустил его через спинной мозг животных. А потом, когда небо Болоньи ослепили молнии и послышались оглушительные раскаты грома, в дневнике Гальвани появилась такая запись: «В тот же момент, когда сверкнула молния, все лягушачьи мышцы мгновенно сократились. Они возбужденно сокращались и растягивались вместе с каждой вспышкой молнии. Движения ножек лягушек осуществлялись в полной зависимости от раскатов грома, как будто бы служили их предупреждением»¹.

Гальвани был ученым. Если бы он был писателем, он бы обязательно описал выражение недоумения и любопытства на лицах своих гостей, когда у них на глазах обезглавленные лягушки дрыгали лапками, будто плыли по поверхности пруда. Электричество из атмосферы воздействовало на нервы лягушек, и их мышцы приходили в движение, несмотря на то что животные были уже мертвы.

Гальвани проделал множество других экспериментов с лягушками. Некоторые из них с течением времени стали легендами, так что теперь трудно представить, что же происходило на самом деле. Он был очень скромным человеком и опубликовал свои открытия лишь к концу жизни. Его племяннику приходилось отстаивать теории дяди, ведя непримиримую борьбу с консервативным общественным мнением. Но свое самое значительное открытие Гальвани сделал в один из солнечных дней, когда повесил несколько обезглавленных лягушек на медные крюки над железной перекладиной, приделанной на крыльце. Он прислонял одну из лягушачьих ножек к перекладине: в тот момент, когда они соприкасались, — ножка конвульсивно дергалась.

Прыгающие мертвые лягушки во время грозы — это одно дело, а вот «плывущие» по крыльцу лягушки в солнечный день — это уже было ошеломляющим научным открытием, взбудоражившим весь научный мир.

А противник Гальвани Алессандро Вольта пришел к выводу, что электрический ток ни при чем в опытах с лягушками, но имеет самое прямое отношение к двум предметам из разных металлов, которые при контакте друг с другом образуют проводник электрического тока. Он даже пошел дальше и изобрел батарейку. Это его мы должны благодарить за информационные табло на вокзалах и в аэропортах, за бегущие рекламные строки на больших домах в центре крупных городов, за яркие вывески и указатели, наконец, за то, что нам удастся утром завести машину, когда температура на улице ниже нуля.

Гальвани упрямо считал, что причиной реакций у лягушек было «животное электричество». Этому неумолимому труженику мы должны быть признательны за электрокардиограф, мониторы для наблюдения за состоянием пациента во время хирургических операций, приборы для лечения электрошоком. Но, прежде всего за миллионы лягушачьих ножек, с его легкой руки немало послуживших науке в лабораториях медицинских институтов.

Прошло еще полтора столетия, прежде чем ученые, наконец, нашли разумное объяснение тому, каким образом электричество передается по нашему телу. Совершенно очевидно, что это происходит совсем не так, как в наших ломах: воткнул вилку в настенную розетку — и ток пошел по проводу в нужное место. Очевидно, что наши нервы не настолько вместительны, чтобы их пучок шириной в волосок содержал в себе 100 000 отдельных «проволочек». Научно установлено: электрический ток внутри нашего тела проходит через химические соединения ионов натрия и калия. В наши дни на ярких иллюстрациях учебников по медицине нередко можно увидеть красочные изображения нервных клеток со знаком «плюс» снаружи оболочки и со знаком «минус» — внутри. На рисунках хорошо видно: молекулы передают нервные импульсы подобно бегунам, бережно передающим по эстафете от одного к другому факел с олимпийским огнем.

Клетка под названием «нейрон» — самый важный передающий информацию элемент внутри тела. Как только мы рождаемся на свет, двенадцать миллиардов нейронов уже готовы к действию. Каждая вторая клетка в организме умирает и заменяется новой через несколько лет, но только не нейрон. Как бы мы могли существовать, если бы данные нашей памяти и информация о мире периодически стирались? Если нейрон умирает, он не появляется снова. По единодушному мнению огромного числа медиков, нейрон считается самой важной и самой интересной клеткой во всем организме.

В учебниках по биологии изображены отдельно взятые нейроны, как бы изъятые из тела и представленные в идеализированной форме, в которой они никогда не встречаются в природе. Но, глядя даже на это подобие, можно представить себе грандиозность нейрона.

Он берет свое начало с лабиринта невероятно тонких, похожих на кружево, отростков, называемых дендритами, которые, как ветки дерева, прикреплены к одному стволу. У афферентных нейронов, передающих сообщения мозгу, дендриты соединяются с той частью тела, от которой получают раздражение. У эфферентных нейронов, управляющих мышцами, эти ответвления обернуты вокруг мышечных волокон и имеют концевые бляшки, непосредственно регулирующие мышечную деятельность.

Студент медицинского вуза, изучающий органы, хранящиеся в сосудах с уксусной кислотой, аккуратно подписанных и расставленных в определенном порядке, испытывает сильнейший шок, когда в первый раз вскрывает труп и обнаруживает в нем окровавленные органы, перепутанные между собой, все какие-то одинаковые, причем каждый старается вытеснить другого, как будто ему не хватает места. Такой же шок испытывает и хирург, который, впервые столкнувшись с нейроном, изумленно застывает на месте. Он видит перед собой сотни, а может быть, и тысячи переплетенных в виде веревки пучков, сплетенных в толстый кабель, который подходит к спинному мозгу. Дендриты переплетены между собой так сложно, что даже под микроскопом почти невозможно разобраться: где заканчивается один и начинается другой. Я очень люблю зимним днем стоять на опушке леса и любоваться пейзажем. Передо мной — сотни деревьев, раскинувших в разные стороны свои ветки, одетые в белоснежные одежды. Если бы все эти деревья можно было уплотнить и каким-то образом уместить в нескольких квадратных метрах, но так, чтобы их веточки остались неповрежденными, заполнили все пустые пространства и при этом не касались друг друга, то в результате вы бы получили представление о нервном пучке нашего организма.

Десятилетиями шли ожесточенные споры между нейрофизиологами: соприкасаются веточки-дендриты или нет. В электропроводке, имеющейся в любом жилом доме, каждый находящийся под напряжением провод соединен с другим проводом, тот — с третьим, таким образом все провода объединены между собой, т.е. вся система, так же как и водопроводная, представляет собой замкнутый контур. А вот в нашем теле на каждом из двенадцати миллиардов нейронов имеется выемка в том месте, где у соседнего нейрона находится выпуклость. Эта выемка называется синапс. Именно в этих местах и осуществляется соприкосновение.

Точность расположения синапсов потрясает воображение. Возьмите хотя бы один двигательный нейрон, контролирующий один пучок мышц одной руки. По всей длине этой одной нервной клетки в тысяче разных точек образуются синапсы строго напротив выпуклостей соседних нейронов. (На крупном двигательном нерве может быть до десяти тысяч отдельных контактных соприкосновений, на нейроне мозга — до восьмидесяти тысяч.) Если на двигательный нерв поступает сигнал к действию, то мгновенно тысячи соседних нервных клеток оказываются в состоянии готовности. Отдельные клеточки, нарисованные в учебниках по биологии, охватывают каждый квадратный миллиметр кожи, каждую мышцу, каждый кровеносный сосудик, каждую косточку — ими пропитано все тело.

Я хочу пошевелить рукой. Достаточную ли силу имеет импульс, идущий от мозга, чтобы заставить мышцу сокращаться? Сколько мышечных волокон необходимо для каждого конкретного усилия? Хорошо ли сдерживаются противодействующие мышцы? Единственный нерв передает все эти электрические сигналы с частотой до тысячи отдельных импульсов в секунду с соответствующей паузой между ними. Каждый импульс отслеживается и передается на все десять тысяч синаптических соединений, находящихся на пути следования сигнала. При этом возникает и звуковой образ мышечного действия, слышимый как «клик-клик-клик», который был бы понятен даже

ребенку. Можно сказать так: в каждом из нас ежеминутно вздымаются и с ревом перекачиваются не прекращающиеся ни на минуту импульсные волны.

Может быть, нам надо что-то сделать, чтобы остановить этот нескончаемый поток обмена информацией? Может быть, мне надо перестать печатать на машинке, чтобы дать возможность нейронам своих пальцев отдохнуть от этой безумной деятельности? Наоборот, наши тела нуждаются в бесперебойной стимуляции. Были проведены эксперименты, в ходе которых организм людей лишался нормальной ежедневной стимуляции, — результаты были ужасающими. Одни добровольцы залезали в темный, обитый изнутри ящик, снаружи их запирали на замок; другие с завязанными глазами погружались в резервуар с теплой водой и лежали там без движения. Так же, как природа не терпит вакуума, наш мозг не терпит тишины. Он начинает искать выход — быстро заполнять образовавшуюся пустоту галлюцинациями. Через несколько часов доброволец просился наружу, потому что невозможно оставаться в здравом уме, не получая внешних раздражителей.

Мозг не может единолично принимать решения и отдавать приказы, координирующие деятельность всего организма. Это шло бы вразрез с главным принципом управления - распределением полномочий. Не только мозг, но и вся четко отлаженная система рефлексов координирует реакции организма в большинстве ситуаций.

Когда я ударяю молоточком по коленному сухожилию своего пациента, его нога подскакивает вверх. Она могла бы даже долететь до моего лица, если бы мышечное усилие не остановило ее. Теперь я прошу пациента заглушить рефлекс и ударяю молоточком снова. У пациента ничего не получается — нога снова взмывает вверх. А это еще что за темная сила коленного сухожилия, которая осмелилась противостоять приказу мозга? Это просто встроенная защитная система: небольшие стерженьки, закрепленные рядом с сухожилием. Они растягиваются вместе с мышцами, позволяя нервным волокнам всегда находиться в состоянии готовности — доставить сообщение в спинной мозг. Обычно (в действительности, почти всегда, кроме случаев, когда врач проверяет рефлекс) быстрое напряжение этих мышц означает, что ногу удерживает какой-то тяжелый груз. Чаще всего это случается, когда человек споткнулся и падает. И тогда срабатывает рефлекс, который автоматически выпрямляет ногу. Мозг возлагает функцию защиты на дуговой рефлекс. Этот рефлекс — врожденный, организм может полностью на него положиться.

Управление различными процессами, такими как чиханье, кашель, глотание, слюноотделение и моргание, тоже построено на принципах распределения. Моргание. Я уже говорил о слепоте, подстерегающей людей, больных проказой. Их глазные веки полностью лишились своих рефлексов. Уже ничего не поддерживает веки в состоянии готовности, когда высохшая роговица глаза нуждается в увлажняющей смазке, — для чего, собственно, и требуется моргание. Иногда нам удается предотвратить слепоту пациентов — когда пациенты овладевают способностью произвольно моргать. Но это очень и очень непросто. На первый взгляд покажется, что, когда твое зрение поставлено на карту, ничего не стоит просто-напросто моргать. Но приобретенные рефлексы — очень сложная вещь. Пациентов надо долго и терпеливо обучать с помощью плакатов: тренировать, используя секундомер; их надо без конца заставлять, ругать, хвалить, уговаривать. Их высокоразвитый мозг внушает им, что нельзя его беспокоить такими пустяковыми вопросами, как рефлекс (кому придет в голову каждые тридцать секунд загружать суперсовременный компьютер такими заданиями, как сосчитать до десяти?).

Некоторым пациентам так и не удастся научиться этому — и их глаза, естественно, высыхают.

Однако некоторые функции не подвластны компетенции жесткой роботизированной системы рефлексов. В стволе головного мозга находится следующий уровень управления, регулирующий непроизвольные процессы, такие как дыхание, пищеварение, сердечная деятельность. Эти процессы требуют гораздо большего внимания, чем рефлексы: одно только обычное дыхание требует согласованной работы девяти грудных мышц. К тому же требования организма постоянно изменяются, например сердцебиение и дыхание резко учащаются, когда я бегом поднимаюсь по лестнице.

Самыми высшими в иерархии нервной системы являются полушария головного мозга, святая святых организма — лучше всего защищенные костью, наиболее уязвимые и подверженные повреждению, если в защитной стене будет пробита брешь. Десять миллиардов нейронов и сто миллиардов глиальных клеток (являющихся биологическими батарейками для деятельности мозга) плавают в желеобразной массе, просеивая получаемую информацию, осуществляя запоминание, обеспечивая наше сознание. В мозге — источник нашей предрасположенности к пороку и ярости, в нем же находится и движущая сила благородства и любви.

Исследования доказали: можно управлять гневом. Сигнальный датчик имплантировался в мозг быка и с помощью электропереключателя превращал разъяренного зверя в безобидное забавное домашнее животное. Существует немало любителей объяснять такие сложные понятия, как романтическая любовь, альтруизм или представление о Боге, с точки зрения ионов калия, состояния химического равновесия и находящихся в мозге клеток ассоциативной памяти. Но их объяснение заходит в тупик. Вопрос: «Почему бы не предположить, что представление о Боге — это всего-навсего серия электрических импульсов в моем мозге?» Ответ: «А почему бы не предположить, что электрические импульсы — не что иное, как средство, избранное Богом, чтобы сообщить мне о божественной сущности, о которой невозможно узнать другими способами?»²

Иерархический порядок строго соблюдается. Но тут возникает одна небольшая загвоздка; она напоминает карандаш, застрявший в хорошо смазанных движущихся шестеренках. Окончательный выбор, по какому пути двигаться, иными словами, «разрешение» на определенный вид деятельности мышц, участвующих в совершении различных движений на конкретных участках тела, дается не роскошными мозговыми извилинами, а одной-единственной скромной нервной клеточкой, или нейроном, управляющим мышечными волокнами. Сэр Чарльз Шеррингтон сделал это ошеломляющее открытие, присвоив ему сложное название «самый оптимальный маршрут».

Клеточное тело этого нейрона получает серию импульсов от окружающих нервных центров. Оно всегда готово отреагировать на мышечное напряжение, наличие боли, действие противоположных мышц, степень усилия, необходимого для данного вида деятельности, частоту раздражений, количество получаемого кислорода, температуру тела, фактор усталости. Из мозга поступают приказы: «Подними руку — ящик тяжелый, так что, будь готов привлечь целый эскадрон двигательных мышц». Но после того как все сигналы собраны в гигантский резервуар противоречащих друг другу советов и рекомендаций, уже сам двигательный нейрон, находящийся в нижней части спинного мозга, решает: какие мышцы должны сократиться, а какие — расслабиться. В конечном счете, он лучше всех подходит для принятия такого решения, так как именно он находится в тесном контакте с тысячами местных синапсов и в то же время с мозгом.

Профессор Баллок из калифорнийского университета в Сан-Диего дает такую оценку данного процесса: «Степень свободы, имеющая место даже на этом уровне, может обеспечить почти неограниченную степень сложности». И теперь эта описанная нами сложноподчиненная иерархия, существующая в организме, сводится к простейшему порядку вещей: нейрон делает то, что он считает наилучшим в данной ситуации. Кто сказал, что в природе нет демократии? Физики-атомщики доказывали нам это в течение десятилетий, и теперь наш мозг и его посредники подтверждают этот факт.

В этой путанице несовместимых команд к сокращению и к расслаблению выбирается «самый оптимальный маршрут». И мы должны радоваться этому. Я стою на горной вершине, вокруг меня голые серые скалы. Прямо над моей головой растет какой-то цветок небывалой красоты. Но мне его не достать. Я вытягиваюсь вперед, аккуратно переставляю ноги, настраиваю свой фотоаппарат — все это по инструкции мозга. Объектив фотоаппарата уже в нескольких сантиметрах от чудо-цветка. И вдруг — какая-то сила отбросила меня назад. Как будто я кукла с привязанной к спине веревочкой. И кто-то резко дернул за эту веревочку. Сердце бешено колотится; я оглядываюсь назад, чтобы посмотреть, кто помешал моей съемке. Вокруг меня никого нет, кроме ворчащей хриплой птицы-сойки.

Когда я высунулся из-за скалы, внизу подо мной простиралось ущелье глубиной 600 метров. Тогда мои клетки наполнились химическим составом, свидетельствующим о состоянии повышенной опасности. Мой мозг сознательно захотел запечатлеть на пленке красивый цветок; а мои подсознательные рефлексy получили сообщение от органов равновесия, расположенных в ухе, о незначительном, но рискованном отклонении от нормы. Тогда они мгновенно послали срочные сообщения нервным клеткам, отвечающим за работу мускулов, которые и обеспечили резкий рывок моего тела назад.

Я ощущаю воздействие такого же спасительного противодействия, когда иду босиком по территории карвилльской больницы. (Я — большой сторонник хождения босиком: считаю, что оно оздоравливает и укрепляет ноги, а также открывает передо мной целый мир ощущений и передает ценные сведения из земли, по которой я иду.) Если я наступлю на колючку, то моя нога замрет на полпути, не давая мне возможности закончить шаг еще до того, как боль зафиксируется в моем мозгу. Но если бы мне пришлось покинуть горящий самолет, мои клетки уже знали бы: мозг призывает их пережить небольшой стресс, чтобы избежать более травмирующей нагрузки. И тогда я бы смог наступить на обугленный металлический лист, так как нормальный рефлекс был бы приторможен ради главной цели — спасения¹.

Иерархическое устройство нервной системы обеспечивает мне инстинкт самосохранения. Иногда мой мозг сам руководит процессом, иногда перераспределяет полномочия. Но всегда результат его решений полностью зависит от одной автономной периферической клетки, обеспечивающей самый оптимальный маршрут.

¹ Джим Корбет, много писавший об Индии, приводит пример удивительной силы воли, побеждающей боль под воздействием сильного стресса. На женщину напал тигр, и она, чтобы спастись, ухватилась за ветку дерева. Тигр пытался оторвать ее, но она держалась так крепко, что у него ничего не получилось. Сразу после этого случая Джим Корбет оказался на месте происшествия. Он увидел дерево, из-за которого напал тигр, увидел спасительную ветку. Рассмотрев ее повнимательнее, он обнаружил прилипшую к коре кожу с ладоней женщины. Бедняга настолько крепко вцепилась в дерево, что никакая боль не способна была оторвать ее от него

24. Водительство

Желать чего-то одного — благо, потому что если вы пожелаете и одного, и другого, то в вашем пожелании не будет единства, и это будет означать, что вы двуличны.

Сёрен Кьеркегор

Мы выяснили, какова иерархическая подчиненность тела: клетка — нейрон — рефлекс — условный рефлекс — спинной мозг - головной мозг — и обратно по тому же пути вплоть до нейрона. Несмотря на сложнейшее взаимодействие тысяч синапсов, система сама по себе проста. В основу ее положены два принципа — свобода и взаимопомощь. Такие простые действия - пристукнуть комара, сфотографировать цветок — требуют, чтобы вся система работала согласованно и практически на пределе.

И это очень похоже на взаимосвязь членов в Теле Христовом! Все мы присягнули на верность Главе - Христу. Но Бог, Который с огромным уважением относится к нашей свободе, оставляет право выбора за нами, причем каждый из нас в своем выборе совершенно свободен.

Тело преподает нам один интересный урок: очень важно, чтобы мы поддерживали друг с другом связь на всех уровнях. Жизнь была бы безнадежно запутанной, если бы мой мозг был обязан отдавать сознательный приказ каждому мышечному волокну. Когда утром я иду на работу, я могу спокойно размышлять о своих пациентах или о чирикающих на ветках птичках. Я не должен указывать ногам, куда идти. Мышцы ног выполняют череду рефлекторных действий, которые как бы введены в их программу. Мышечные волокна отдыхают по очереди, а не все сразу. Поэтому я двигаюсь плавно, а не рывками. Мои нейроны прислушиваются к остальным частям тела. Если поступают какие-либо жалобы от сердца, они замедляют шаг моего тела. Если я вдруг спотыкаюсь, они тут же предпринимают меры.

Здоровое тело прекрасно. Полная гармония царит между центральной нервной системой и подвластными ей тканями тела. Но и в этой совершенной гармонии каждый нейрон должен знать, что ему нужно сделать в каждый данный момент. Подобное «решение» он принимает, проанализировав все входящие импульсы. В каждой нервной клетке заключен микроскопический компьютер. Он улавливает мои намерения, переговаривается с моими мышцами, анализирует объем вырабатываемых гормонов, проверяет запасы энергии, наличие ощущений усталости или боли, а потом говорит «да» или «нет» определенной группе мышц.

Представьте себя частью двигательной системы Тела Христова — одной из миллионов клеток. На основании чего вы принимаете решение — действовать или воздержаться от действия? Откуда поступает приказ? Должен ли всегда быть более сильный «входящий» импульс, который перечеркивает все внутренние импульсы?

Самые многочисленные и наиболее тесные связи любой клетки организма — это связи с нейронами, расположенными в непосредственной близости от нее. Одни нейроны передают информацию от клеток двигательной системы, другие — от болевых рецепторов, третьи — от рецепторов давления, от температурных рецепторов, от клеток, следящих за тонусом! мышц. Все это составляет огромный поток информации о состоянии всего клеточного сообщества. На основании этой информации каждый

отдельный нейрон решает, «что ему делать». Мне кажется, что Бог подобным же образом замыслил и церковь. Что должна предпринять церковь, чтобы помочь городским беднякам? Как помочь семьям? Как помочь жертвам наводнения? Бог изложил нам принципы, по которым должно действовать все Тело, но Он же создал поместные группы верующих, которые сами должны решать, какова их роль и роль каждой из составляющих их клеток.

В Библии перечислены различные духовные дары, которые следует использовать в организационной иерархии поместной церкви. Интересно, что когда речь заходит о подборе церковных работников, нигде в Библии не сказано, что нужны знающие и опытные люди. Нигде не говорится, что пастырь церкви должен быть хорошим менеджером, или опытным бухгалтером, или талантливым руководителем. К работникам церкви предъявляются чисто духовные требования. Насколько они верны Богу? Умеют ли они держать себя в руках? Что у них происходит в семье? Для церковных работников главное не опытность, а преданность своему делу. Кажется, Бог говорит: «Я могу работать с любыми людьми, главное, чтобы они были верны Мне». Бог даровал нам свободу. Теперь ему нужны руководители, которые готовы воспользоваться своей свободой, подчинив ее Божьей воле. Знающая, но неверная телу клетка может совершить замечательный поступок, но, подобно «сведенной» мышце, будет бесполезной для Тела Христова, если ее поступок церкви не нужен.

Люди, воспитанные в условиях западной демократии, которая своими высшими ценностями считает автономию и свободу, с готовностью могут представить себе тело в виде демократической республики — в нем конечное решение принимает каждая отдельная клетка. Но это лишь часть общей картины. Как отмечал епископ Лесли Ньюбигин, «цель Божья состоит не в том, чтобы собрать группу душ, привлеченных в церковь красотой друг друга... Подобная мысль не совместима с библейскими представлениями о Боге, человеке и мире. Бог предлагает нам искупление как в рамках общества, так и в рамках Вселенной. А потому на каждом шагу Божье провидение творит новые истинные отношения между людьми и новые истинные отношения между человеком и остальным тварным миром. В центре Божьего провидения всегда какое-то деяние, свершенное в поворотный момент истории в конкретном месте. Весть о деянии передается через людей — люди рождаются свыше, меняются их отношения друг с другом, и они сами вовлекают новых людей в эти качественно новые отношения»¹. Очень часто Бог говорит с нами не через нашу собственную душу, а через братьев — членов Тела Христова. И сам процесс распространения Божьего откровения связывает нас воедино.

Некоторые вожди христианского движения смогли развить эти новые взаимные отношения с другими клетками тела, причем интереснейшим образом. Методистское движение Джона Уэсли получило свое название от слова «метод». Дело в том, что у него были свои организационные методы, благодаря которым все члены церкви несли ответственность друг перед другом. Они еженедельно собирались группами и каждый из членов отвечал на такие вопросы: «Встречались ли тебе искушения на этой неделе? Поддался ли ты им? Как шел твой духовный рост на этой неделе? Как за тебя можно помолиться?» В первых методистских церквях очень серьезно относились к подчиненности, которая в Телу Христовом, как и в теле человеческом, имеет вертикальную и горизонтальную направленность.

Каждый из нас — каждая отдельная клеточка — должен принимать по тысяче решений за день: что съесть на завтрак, какую радиостанцию послушать, какой зубной пастой воспользоваться, к кому из соседей заглянуть, кому позвонить по телефону. Кроме этих

обычных задач каждому из нас приходится решать и множество этических вопросов. Могу ли я возлюбить ближнего, как самого себя? Могу ли я потратить премию на новую рубашку? Стоит ли мне уплатить государству все причитающиеся налоги? Как мне выяснить Божью волю в той или иной ситуации? Психиатры могут рассказать о множестве глубоко верующих людей, которые впадали в ступор, будучи не в состоянии ответить на подобные вопросы. Наш разум так перегружен обилием информации, что зачастую реакция на окружающий мир выливается в бездействие.

Именно по этой причине, как мне кажется, Библия говорит, что наша связь с Богом и со Словом Божиим обязана стать столь тесной, что любое христианское дело милосердия должно сделаться для нас чисто рефлекторным. Если в каждой конкретной ситуации мне нужно решать — говорить правду или нет, — жизнь становится безнадежно запутанной. Но если я говорю правду рефлекторно, отвечая на какой-то импульс свыше, то я иду по жизни уже гораздо увереннее. Иду как христианин, которому не нужно смотреть под ноги на каждом шагу.

Павел подводит итог этому разговору о необходимых нам духовных рефлексках в следующем отрывке: «И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2). Далее он впервые во всем Писании проводит развернутое сравнение между телом человеческим и церковью. Потом следует краткое перечисление заповедей, составляющих суть Божьей воли: ненавидеть зло, следовать добру, считать других выше себя, помогать нуждающимся Божиим людям, не гордиться, жить в мире со всеми.

Павел никогда не пускается в дебри психологии, не пишет о семейных и социальных факторах, затрудняющих исполнение этих заповедей. Он не умоляет нас жить праведно. Он просто рассказывает нам, что такое праведная жизнь и увещевает «обновиться умом». Я бы назвал это так: Павел напоминает каждой отдельной клетке о ее новом естестве во Христе. У нас есть нехорошая тенденция забывать, что Христос — Глава. Нас так и тянет подменить Его собой, хорошо образованным человеком. Но Павел рекомендует нам пройти процесс чистки мозгов и сознательно найти свое место в установленной Богом духовной иерархии.

Очень часто мне встречаются христиане, которые так выставляют напоказ свою духовность, что она образует вокруг них нечто вроде нимба, указывающего на их причастность к «запредельному бытию». Некоторые говорят, что духовный христианин — тот тот, от кого можно услышать слова: «Бог сказал мне: пора покупать новое платье» или «Я уверен: Бог хочет, чтобы церковь истратила эти деньги так...» Очень часто слова «Бог сказал мне» становятся привычным оборотом речи некоторых верующих. Сам я твердо верю: большая часть из того, что говорит мне Бог, уже записана в книге под названием «Библия». А на мне лежит обязанность внимательно изучить Божью волю, о которой пишет Библия. Для большинства из нас таинственная «прямая» связь с Богом далеко не самый обычный путь познания Божьей воли. О Божьем водительстве мы узнаем, когда размышляем о создавшихся обстоятельствах, когда получаем мудрый совет от друга. Такой путь поисков Божьей воли ничем не хуже.

Выпускники колледжей мучаются, стараясь решить, каким же будет их будущее. Они ждут, чтобы Бог послал им ясный, четкий план прямо в руки. В Библии есть примеры того, как Бог использовал ангелов, видения и другие подобные методы, чтобы донести Свою волю. Если присмотреться ко всем этим случаям, можно заметить: лишь немногие из них были ответом на молитву о Божьем водительстве. Обычно эти случаи оказывались неожиданными, непрошенными.

Возьмите к примеру, сон о муже-македонянине, призывавшем Павла. Это было потрясающее откровение. Оно заставило Павла изменить планы и отправиться в Македонию. Можно было бы подумать, что Павел всегда строил свои планы очень тщательно с учетом Божьих намерений. Но Писание говорит нам, что Павел отправился в путь, основываясь не на видениях или внутреннем голосе Духа. Скорее всего, он оценил ситуацию в мире и выбрал наиболее разумный путь. Но Святой Дух хотел, чтобы он пошел в другие земли, потому и смешал его планы. Это был совершенно особый случай Божьего водительства, не типичный даже для жизни Павла.

Стараясь найти наиболее точное сравнение, чтобы описать рост веры в христианине, Павел часто обращался к спорту - бегу, борьбе, кулачному бою. На примере спортсменов хорошо видно: только дисциплина помогает натренировать тело, сделать его послушным. Пит Роуз может положиться на свои мышцы. В нужный момент они разворачиваются, словно пружина, и он под крики болельщиков выходит на финишную прямую. Его нейроны, благодаря долгим часам тренировки, четко знают, что им делать. Тело спортсмена хорошо понимает, чего хочет его разум. Оно имеет силы и опыт, чтобы эти желания воплотить в жизнь. Так же происходит и с христианами: христианину лучше тратить время на тренировки — учиться повиноваться Богу ежедневно, исполняя все то, что уже открыто ему в Библии, вместо того чтобы лихорадочно изыскивать какие-то волшебные пути в Царствие Божие, иллюзорные, как Чаша Грааля.

Ничуть не преуменьшая значения каждой клетки нашего организма, а также важности идеально работающих рефлексов, не могу не выделить особую роль нейрона: каждый отдельно взятый нейрон имеет непосредственный доступ к мозгу. Хотя далеко не всегда этот доступ используется напрямую, но все же он существует, и синаптические соединения нейронов вносят в нашу жизнь немало радостных, волнующих моментов. Вот что случилось со мной, когда я только начинал жить и работать в Индии. У меня всегда было ощущение, что я должен стать миссионером. Поэтому, когда я получил медицинское образование, я принял предложение поехать в Индию — страну, где родился и вырос. Сначала я подписал контракт только на один год — я еще не готов был принять решение по поводу всей своей будущей жизни. Я приехал в Мадрас и стал лечить, учить, проводить операции и делать все, что нужно делать в больнице. Через пару месяцев я поехал навестить доктора Кохрана, известного специалиста по кожным заболеваниям. Он работал в больнице в городке Чинглпуре, где лечились заболевшие проказой. Это было километрах в десяти от Мадраса. В больнице, где я работал, пациенты, больные проказой, не лечились, и как врач я с ними не общался. Мы с доктором Кохраном шли по территории его больницы. Ему то и дело приходилось отвечать на приветствия своих пациентов: сидящих тут и там на корточках, ковылявших нам навстречу на перевязанных ногах или провожавших нас почти незрячими глазами, смотрящими с искаженных лиц. Мало-помалу моя нервозность (результат воспоминаний детства) переросла в профессиональное любопытство, и мои глаза, уже не отрываясь, разглядывали руки пациентов.

Эти руки то посылали мне приветственные взмахи, то протягивались для рукопожатия. Я изучал их, так же как кто-то другой изучает лица, — нередко я запоминаю внешний вид рук лучше, чем черты лица. Но в данный момент мое любопытство было вызвано не желанием получить рассмотреть результат инженерного искусства, которое я изучал в медицинском колледже. Это был взгляд врача. У многих людей вместо рук были скрюченные культи, покрытые наростами и язвами. У некоторых на руках не было пальцев. А у некоторых не было и самих рук.

Больше я уже не мог сдерживаться. «Послушай, Боб, - прервал я его лекцию о кожных заболеваниях. — Я знаю о коже не так уж много. Расскажи мне лучше про их руки. Почему они стали такими? Как ты их лечишь?»

Боб пожал плечами и ответил: «Извини, Пол, я не знаю, что тебе сказать».

«Не знаешь! — в моем возгласе слышалось удивление и явная озабоченность. — Все последние годы ты считался одним из лучших специалистов по проказе, и ты не знаешь? Наверняка что-то можно сделать с этими руками!»

Боб Кохран посмотрел на меня почти с негодованием. «А чья это вина? Я тебя спрашиваю — моя или твоя? Я кожник — я и лечу кожные поражения, вызванные проказой, А ты — специалист по костям, хирург-ортопед!» Уже более спокойно, с печалью в голосе, он сказал, что ни один хирург-ортопед так и не занялся исследованием причин деформаций у пятнадцати миллионов человек, страдающих проказой во всем мире.

Пока мы ходили по больнице, эти слова не выходили у меня из головы. Гораздо большее число людей в мире страдало от проказы, чем от полиомиелита; больных проказой было больше, чем жертв катастроф. И ни один ортопед не пришел им на помощь? Кохран сказал мне, в чем, по его мнению, крылась причина: обычные предрассудки. Проказа была окружена аурой черной магии. Большинство врачей и близко не подходило к больным проказой. Среди тех, кто старался как-то помочь людям, были идеалисты, священники или миссионеры. А врачей не было.

Через некоторое время я заметил одного пациента, сидящего на земле и пытающегося снять сандалию. Но изуродованные руки его не слушались. Он безуспешно пытался расстегнуть ремешок сандалии, прижав большой палец к ладони другой руки. Было ясно: его руки не способны удерживать предметы — из них все просто вываливалось. Что-то меня подтолкнуло—я подошел к нему и сказал на тамильском наречии: «Позволь мне взглянуть на твои руки».

Молодой человек встал с земли и, улыбаясь, протянул мне руки. Испытывая брезгливое отвращение, я все же взял его руки в свои. Я водил пальцами по его искаженным пальцам и очень внимательно разглядывал их. Потом я разогнул его пальцы и вложил свою руку в его, как бы для рукопожатия. «Сожми мою руку как можно крепче», — велел я ему.

К моему великому изумлению, вместо ожидаемого слабенького прикосновения я почувствовал сильное интенсивное сжатие, мне даже стало немного больно. Моя рука оказалась зажатой в крепкие тиски, а его пальцы впились в мою кожу, как стальные. У него не было никаких признаков паралича — я даже закричал, чтобы он отпустил мою руку. Я посмотрел на него со злостью, но был обезоружен его ласковой улыбкой. Он не знал, что сделал мне больно. В этом и крылась причина. Каким-то странным образом мышцы этой жутко обезображенной руки оставались по-прежнему сильными. Было очевидно: мышцы были не сбалансированы, и парень не имел понятия о том, какую силу прикладывал. Можно ли каким-то образом выровнять мышцы этих рук?

По моему телу пробежала дрожь. Было такое чувство, что я вдруг стал центром вселенной. Я понял: мое место было здесь.

Этот случайный эпизод, происшедший в 1947 году, изменил всю мою жизнь. С того мгновения я уже четко осознавал свое призвание, как клетка моего тела четко осознает свою функцию. Каждая деталь той обстановки — стоящие вокруг нас кучками пациенты, тень от дерева, вопросительное выражение на лице того парня — все это навсегда врезалось в мою память. Это был мой звездный час. Я явственно почувствовал присутствие Духа Божьего: ради этого мгновения мне и суждено было оказаться в Чинглпуте. Я

твёрдо знал: когда вернусь в свою больницу, в моей жизни начнется новая полоса. С тех пор я ни на секунду не усомнился в этом.

25. Присутствие

Святой Дух ~ это сила напряженных мускулов; это капли пота и стиснутые зубы; это влажные ладони сложенных рук. Он здесь. Его присутствие незаметно, а сила неоодолима.

Джон Тэйлор

В то время я был начинающим врачом в лондонской больнице. В одно из моих ночных дежурств меня вызвали к пациентке — 81-летней миссис Твигг. Эта бойкая отважная женщина изо всех сил старалась побороть рак горла. Голос ее стал хриплым и скрипучим, но она не унывала и оставалась жизнерадостной. Она попросила врачей сделать все возможное. Один из профессоров провел операцию: удалил целиком гортань и всю злокачественную опухоль вокруг.

Казалось бы, миссис Твигг пошла на поправку. Но в два часа ночи меня срочно вызвали к ней в палату. Она сидела, согнувшись, на постели: у нее изо рта шла кровь. В глазах застыл страх. Мгновенно я сообразил: произошла эрозия артерии, расположенной глубоко в горле. Я не придумал ничего лучшего, чем сунуть палец ей в рот и заткнуть им то место, откуда била кровь. Одной рукой я оттянул нижнюю челюсть и засунул указательный палец глубоко в горло. Мой палец долго скользил по стенкам в поисках пульсирующей артерии. Наконец, я нащупал нужное место и надавил на него.

Медсестры вытерли кровь с лица миссис Твигг. Ее дыхание восстанавливалось, она уже справилась с начавшейся паникой. Страх постепенно исчезал — она доверилась мне. Прошло десять минут — она снова дышала нормально, приняла удобное положение. Можно было бы убрать палец и установить вместо него инструмент. Но место, откуда шла кровь, было расположено очень глубоко — его не было видно. Добраться туда инструментом было трудно. Несколько раз я пытался отпустить палец — но кровь снова начинала бить струей, а миссис Твигг опять охватывала паника. С трясущимся подбородком и выпученными глазами она хваталась за мою руку и не давала мне пошевелиться. В конце концов, мне удалось успокоить ее — я сказал, что больше не уберу свою руку. Мой палец останется прижатым к артерии и мы будем ждать прихода хирурга и анестезиолога. Их уже вызвали из дома.

Мы устроились поудобнее. Правой рукой я обхватывал ее шею и поддерживал голову. А левая рука почти вся была засунута в ее разинутый рот — только так я мог нажимать указательным пальцем на место кровотечения. Я не раз бывал у зубного врача и представляю, каково было миниатюрной миссис Твигг держать рот так широко открытым, чтобы в нем уместилась моя рука. Это очень утомительно и болезненно. Но ее голубые глаза были полны решимости: если потребуется, она будет сидеть в таком положении дни и ночи напролет. Ее лицо было в нескольких сантиметрах от моего — страх смерти не покидал его. В ее дыхании чувствовался запах крови. В глазах застыла безмолвная мольба: «Не двигайтесь — не отпускайте палец!» Она знала: если я пошевелюсь, если мы немного расслабимся - хлынет кровь, и она умрет.

Мы находились в таком положении уже около двух часов. Она не спускала с меня умоляющих глаз. Еще в течение первого часа, когда мою руку сводило до невыносимой боли, я два раза пробовал вытащить палец и проверить — не прекратилось ли кровотечение. Оно не прекращалось. Как только липкий теплый поток заполнял ее горло, миссис Твигг нервно стискивала мое плечо.

Не представляю, как я выдержал второй час. Мои мышцы страшно онемели, палец опух. Мне представились альпинисты, которым приходилось удерживать на веревке сорвавшегося товарища в течение нескольких часов. В нашем случае мой десятисантиметровый палец, распухший настолько, что я его уже не чувствовал, являлся спасительной соломинкой между жизнью и смертью.

Я, молодой врач двадцати с небольшим лет, и 81-летняя женщина вцепились друг в друга мертвой хваткой — у нас не было другого выхода: это требовалось для ее спасения.

Прибыл хирург. Ассистенты открыли операционную, стали раскладывать инструменты, анестезиолог подготавливал лекарства. Нас с миссис Твигг, все еще слившихся в странных объятиях, отвезли в операционную. Отблеск инструмента вселил уверенность, все немного успокоились — я потихоньку отпустил палец. Кровотечения не последовало. Может, мой палец уже ничего не чувствовал? Или за два часа кровь успела свернуться?

Я вытащил руку из рта миссис Твигг — дыхание ее оставалось ровным. Ее рука продолжала сжимать мое плечо, а глаза не отрывались от моего лица. Вдруг почти совсем незаметно ее окровавленные искаженные губы чуть дрогнули — она улыбнулась. Комок подступил к горлу. Она не могла говорить — у нее отсутствовала гортань — но слов не требовалось, чтобы выразить ее благодарность. Она знала, как разламывается от боли моя рука; а я знал, как сильно страх сковал ее тело. За эти два часа в тихой спящей больнице мы стали практически одним существом.

Теперь, когда я вспоминаю ту ночь и миссис Твигг, все это представляется мне своеобразной притчей. Она повествует о противоречиях между пределом человеческой беспомощности и божественной мощью, заложенной в нас. Тогда от моего медицинского образования толку было мало. А что действительно имело значение, так это мое присутствие и огромное желание откликнуться на беду другого человека, помочь ему.

Как и многие знакомые врачи, я часто оказывался несостоятельным перед лицом страдания. Боль наносит удар подобно землетрясению, поражая неожиданностью и разрушительной мощью. Женщина обнаружила небольшое уплотнение в груди — ее личная жизнь на грани распада. Ребенок родился мертвым — мать бьется в истерику: «Девять месяцев я ждала этого? За что? Многие женщины делают аборт, а я за ребенка готова жизнь отдать». Молодой человек попал в автокатастрофу. Удар лицом о лобовое стекло. Лицо навсегда останется обезображенным шрамами. В сознании то и дело проносится: теперь постоянно надо ходить по врачам, всего остерегаться — былые надежды рухнули.

При виде страданий люди, оказавшиеся рядом, испытывают потрясение. Комок подступает к горлу. Мы спешим в больницу провести больного, бормочем что-то ободряющее. Нам хочется найти особенные слова для человека, охваченного горем.

Но когда я спрашиваю своих пациентов и их родственников: «Кто помог вам в трудную минуту?» — ответ всегда странный, расплывчатый. Однозначных ответов я не слышу. Да и сами отвечающие не похожи на людей, старающихся произвести впечатление. Они не бросаются словами — это тихие люди. Они все понимают. Они больше слушают, чем говорят. Никогда никого не осуждают и не учат жить. Их ответы такие: «Сознание чьего-то присутствия», «Кто-то оказался рядом, когда я в нем нуждался». Протянутая рука, понимание, сочувственное объятие, подступивший к горлу комок.

Нам хотелось бы иметь свод психологических правил. Таких же четких и конкретных, как хирургические приемы, описанные в учебнике. Но человеческая душа слишком

сложна — она не укладывается в свод правил. Самое лучшее, что можно предложить, — это присутствовать, видеть и прикасаться.

Красной нитью через всю книгу проходит мысль: нужно преданно и скромно служить головой в Телѣ Христовом, быть Его прочным скелетом, Его мягкой и податливой кожей. Исцелять Телом Христовым. А все это вместе и обеспечивает чувство присутствия в этом мире — присутствия Бога.

Порой мне кажется, что я, как часть Тѣла Христова, снова оказываюсь в палате миссис Твигг. Все, из чего я состою — кости, мускулы, кровь, мозг, — все объединилось в едином прекрасном порыве: предотвратить надвигающуюся смерть моей пациентки. Я обязан гнать прочь чувство собственной беспомощности. Все, что я мог сделать, — это на какое-то время создать преграду на пути текущей крови, чтобы отодвинуть победное наступление рака. Вместо этого я надеялся на чудо.

Осуществим ли Божий план овладеть землей при помощи Тѣла, состоящего из хрупких человеческих существ? Ведь стоящая перед ним задача столь велика! Это серьезный вопрос, и рассматривать его следует в отдельной книге, куда более объемной и мудрой, чем эта. Тем не менее, при внимательном взгляде становится виден стиль, в котором Бог общается с нашей планетой. Тут помогает обширнейшее откровение, которое Бог дал нам о Себе.

Конечно же, о Боге можно говорить только символическим языком. «Может ли чайная чашка вместить океан?» — спрашивал Джой Дэвидмэн. Слова, даже мысли не могут вместить всей сущности Бога. В Ветхом Завете символические описания говорили прежде всего о Его непохожести на все земное. Он являлся как полный света и славы Дух. Любой, приблизившийся к Нему, падал замертво или обретал нечеловеческое сияние. Моисей видел Бога только со спины; Иов слышал Его из бури; израильтяне следовали за Богом — огненным столпом.

Неудивительно, что евреи, привыкшие к такой таинственности, боявшиеся сказать вслух или написать имя Бога, считали святотатством слова Иисуса Христа: «Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца?» (Ин. 14:9). Эти слова, словно острый нож, вонзились в сердца евреев. Не Он ли провел девять положенных месяцев в утробе женщины, не Он ли вырос в скромном селении? Честертон сказал так: «Бог, Который представлялся окружностью, оказался ее центром. И центром удивительно малым»¹. Став наконец-то видимым, Бог оказался похожим на всех остальных людей. Их худшие ожидания оправдались, когда Его сразила смерть. Как могли плоть и кровь вместить Бога? Как мог Бог умереть? Многие до сих пор недоумевают, хотя после Его воскресения прошло уже очень много времени, хотя воскресение вселило веру и энтузиазм в Его учеников.

Иисус вознесся с земли, не оставив после Себя тѣла, в котором неверующему миру был бы представлен Святой Дух. Осталась только кучка неловких, колеблющихся учеников, большинство из которых покинуло Его на Голгофе. Иисус оставил на земле НАС. Он не оставил ни книги, ни символа веры, ни философской системы. Он оставил общину людей, которая призвана служить Его воплощением, быть Его представителем в мире. Сравнение церкви с Тѣлом Христовым, которое промелькнуло в речи Христа и которое развил Павел, могло стать понятным лишь после того, как Иисус Христос покинул землю.

Великие, решительные слова апостола Павла о Тѣле Христовом были обращены к верующим Коринфа и Малой Азии, которых он упрекал в чисто человеческой слабости. Обратите внимание на то, что Павел — мастер сравнений и метафор — не говорил, что

народ Божий «подобен телу Христову». Во всех своих посланиях он говорил, что мы и есть Тело Христово. Дух спустился на землю и пребывает среди нас. Мир знает невидимого Бога прежде всего по тому, как мы его здесь представляем и «воплощаем». «Церковь — это всего лишь часть человечества, в которой воплотился Иисус Христос» — сказал Бонхофер². Очень часто нам не нравится ни первая, ни вторая часть его утверждения. С отвращением мы виним себя в том, что из нас так и прет человеческое. Ослабев сердцем, мы делами своими, а порой и в верованиях своих отрицаем, что Христос обрел плоть в нас.

Три образа Бога — Бог как огненный столп, Бог как обреченный на смерть Человек, Бог как входящий в Свое новое Тело Дух — помогают нам понять суть пути к Богу. Мы проходим путь от страха к совместному внешнему естеству, а затем и к совместному внутреннему естеству. Бог присутствует в нас, генетически связывая нас с Собой и друг с другом.

Где в миру можно найти Бога? Как Он выглядит? Мы уже не можем кивнуть на Святое святых или на назаретского плотника. МЫ являем собой миру Божье присутствие, ибо в НАС пребывает Его Дух. Это нелегкое бремя.

После Второй мировой войны немецкие студенты вызвались помочь в восстановлении разбомбленного собора в Англии — одного из многих, разрушенных налетами «Люфтваффе». Работа шла, и вот возник спор: как восстановить огромную скульптуру Христа с распростертыми руками? На скульптуре была надпись: «Придите ко мне». Можно было реставрировать скульптуру — нельзя было только восстановить руки Христа, они были полностью уничтожены осколками снаряда. Нужно ли браться за столь ответственную работу — воссоздавать руки Христа?

Наконец реставраторы нашли решение, плоды которого мы видим по сей день. У скульптуры Иисуса нет рук, но надпись под ней гласит: «Мы — руки Христовы».

И вот какова тайна: «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, бывши утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом» (Еф. 2:19-22).

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ G.K.Chesterton, St. Francis of Assis (Garden City, N.Y.: Doubleday&Co., 1957), p. 31.

Глава 2

- ¹ Annie Dillard, Pilligrim at Thinker Creek (New York: Harper's Magazine Press, 1974), p. 94.
² Lewis Thomas, The Medusa and the Snail (New York: Viking Press, 1979), pp. 155-157.

Глава 3

- ¹ Frederick Buechner, Telling the Truth (New York: Harper&Row, 1977), pp. 57-58.
² C.S.Lewis, God in the Dock (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1970), p. 62.

Глава 7

- ¹ Статистические данные World Vision International.

Глава 10

- ¹ G.K.Chestrton, Orthodoxy (Garden City, N.Y.: Doubleday&Co., 1959), p. 95. Ibid., p. 58.

Глава 12

- ¹ Adapted from Mont Smith, «The Temporary Gospel», The Other Side (November-December, 1975).

Глава 13

- ¹ Merton P.Srtommen, Five Cries of Youth (New Yourk: Harper&Row, 1974), p. 76. Глава 16
² R.J.Christman, Sensory Experience (Scraton, Pa.: Intext Educational Publishers, 1071), p. 359

Глава 17

- ¹ Ashley Montagu, Touching (new Yourk: Columbia University Press, 1971), p. 30.
² Ibid., p. 82.

Глава 21

- ¹ Jonathan Miller, The Body in Question (new Yourk; Random House, 1978), p. 310.
² Charles Williams. The Descent of the Dove (London: Longmans, Green and Company, 1939), p. 31.
³ Ibid., p. 57.

Глава 23

- ¹ Robert Galambos, Nerves and Muscles (Garden City, N.Y.: Doubleday&Co., 1962), p. 23.
² Robert Farrar Capon, The Third Peacock (Garden City, N.Y.: Doubleday&Co., 1971), p. 43

Глава 24

- ¹ Lesslie Newbigin, The Household of God (New York: Friendship Press, 1954), pp. 109-110.

Глава 25

- ¹ G.K.Chesterton, The Everlasting Man (Garden City, N.Y.: Image Books, 1955), P. 174.
² Dietrich Bonhoefer, Ethics (London; SCV Press, 1971), p. 64.